

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

«КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

II Крымские Этнографические Чтения

«Этнография Крыма
и сопредельных территорий»

г. Симферополь, 12–13 декабря 2024 г.

Материалы и исследования

Выпуск 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

Симферополь

2025

УДК 394(477.75)
ББК 63.529(6Крм)
Э91

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом ГБУРК
«Крымский этнографический музей» (протокол № 6 от 25 июня 2025 г.)*

Редакционная коллегия:

Лаптев Ю. Н. — директор ГБУРК «Крымский этнографический музей»
Науменко Л. А. — заместитель директора ГБУРК «Крымский этнографический музей»
Филиппова Н. А. — заведующая научно-исследовательским отделом этнографии народов Крыма ГБУК «Крымский этнографический музей»

Научный редактор — *Науменко В. Е.*, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Э91 **Этнография Крыма и сопредельных территорий** : материалы II Крымских этнографических чтений (г. Симферополь, 12–13 декабря 2024 г.) / Крымский этнографический музей. — Симферополь : ООО «Антиква», 2025. — Вып. 2. — 198 с.

ISBN 978-5-6053943-5-8

II Крымские этнографические чтения «Этнография Крыма и сопредельных территорий» состоялись 12–13 декабря 2024 г. в Симферополе. Их целью является изучение и сохранение исторического наследия народов Крыма, популяризация традиционной народной культуры, развитие исследовательской деятельности крымских ученых в области этнографии. А также укрепление научного сотрудничества в области этнографии Крыма среди ученых Крыма, Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья, установление прямых контактов между учеными, музейными сотрудниками, исследователями, представителями общественных организаций с целью создания новых проектов в сфере изучения этнографии народов Крыма.

Чтения проходят ежегодно ко дню основания Крымского этнографического музея.

В сборник включены доклады участников II Крымских этнографических чтений.

УДК 394(477.75)
ББК 63.529(6Крм)

СОДЕРЖАНИЕ

Абибуллаева Э. Э.

Практические методы в лечении заболеваний
в Крымском ханстве: по материалам
письменных источников XVII века..... 7

Баранова Е. М.

Выставки мастеров декоративно-прикладного
и народного творчества в Крымском
этнографическом музее с 2014 по 2024 годы 16

Береснева Е. С.

Греки приазовья. Культура греческой диаспоры
на примере предметов из фондовых коллекций
ГБУ ДНР «Донецкий республиканский
краеведческий музей»..... 26

Бондак Ю. В.

Рационалистические и мистические секты
Таврической губернии: география и статистика 31

Варламова Т. Ю.

Игры в русской традиции:
воспитание, обучение, развитие 39

Гайворонская О. Б.

Фольклор болгар Крыма (по материалам
полевых исследований) 45

Гайворонская О. Б.

Коллекция полотенец мариупольских греков в собрании
ГБУ РК «Крымского этнографического музея» 55

Гармаш Л. Н.

Этнографическая коллекция декоративных
вышитых полотенец греков Приазовья
в собрании Донецкого Республиканского
краеведческого музея..... 62

Дзини С., Хохлов Н. В.

Биодемографический анализ
современной группы «итальянцы Крыма» 69

Ельяшевич В. А.

Элементы традиционной культуры
в национальной литературе
крымских караимов XIX – начала XX века 76

Ермоленко П. А.

Современные тенденции развития
народной художественной керамики..... 87

Комар Я. В.

Семейные ценности и традиции в эпоху постмодерна:
диалектика сохранения и обновления 93

Ломакина М. А.

Классификация надписей на армянской
медной посуде XVIII–XIX вв. из фондов
Крымского этнографического музея 97

Миронова Н. В.

Экспертиза музейных предметов,
содержащих драгоценные металлы
и драгоценные камни (из опыта работы
в Крымском этнографическом музее) 107

Науменко Л. А.

К вопросу сохранения и популяризации традиционной
восточно-славянской вышивки на примере
выставочной деятельности
Крымского этнографического музея 114

Носкова И. А.

Акция «Свадьба. Семейный раритет»
в Крымском этнографическом музее..... 123

Прохоров Д. А.

Формирование музейных коллекций по истории
и культуре крымских караимов и евреев в России
(вторая половина XIX – начало XX в.)..... 129

Сеитмететова С. А.

Благотворительность в семье Гаспринских..... 139

Сластникова Л. А.

Изменение грамотности крымчаков
и способов получения ими образования в период
со второй половины XIX в. по начало XX в. 145

Таратухина Е. Е.

Понева как источник для изучения культуры
русского народа (по материалам коллекции
Крымского этнографического музея)..... 152

Томашевская Е. А.

Проблемы применения материалов
документирования традиционных знаний
в сфере интеллектуальной собственности..... 164

Филиппова Н. А.

Фотография как источник по изучению
свадебного обряда (на примере коллекции
Крымского этнографического музея)..... 174

Лантев Ю. Н.

Сохранение и популяризация этнографического
наследия Крыма. Музейный аспект 184

Сведения об авторах 194

Список сокращений 197

Э. Э. Абибуллаева

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ЛЕЧЕНИИ ЗАБОЛЕВАНИЙ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ XVII ВЕКА

E. E. Abibullayeva

PRACTICAL METHODS IN THE TREATMENT OF DISEASES IN THE CRIMEAN KHANATE: BASED ON WRITTEN SOURCES OF THE 17TH CENTURY

Аннотация. В статье рассматривается, какие письменные источники упоминают и описывают методы лечения заболеваний в Крымском ханстве, с акцентом на описания путешественников. Основную часть письменных источников составляют описания путешественников, а также сохранившиеся оригинальные средневековые рукописи из фондов Бахчисарайского музея-заповедника, медицинский трактат первой половины XVI в. «Менафиу-н Нас» («Полезное знание»), изученный турецкими исследователями, сведения средневековых путешественников (Эвлия Челеби, Д'Асколи Э. Д., Пейсонель Ш., и др.). На основе материалов письменных источников предпринята попытка представить различные методики лечения тех или иных болезней, которые практиковались в Крымском ханстве.

Ключевые слова: Крымское ханство, медицина, письменные источники, мусульманская медицина.

Annotation. In this article, we will consider what written sources mention and describe methods of treating diseases in the Crimean Khanate, with an emphasis on the descriptions of travelers. The main part of the written sources consists of descriptions of travelers, as well as surviving, original medieval manuscripts from the collections of the Bakhchisarai Museum-Reserve, a medical treatise of the first half of the 16th century «Menafiu-n Nas» («Useful knowledge»), studied by Turkish researchers, information from medieval travelers (Evliya Celebi, D'Ascoli E. D., Peysonel Sh., and others). Based on the materials of written sources, an attempt will be made to present various methods of treating certain diseases that were practiced in the Crimean Khanate.

Keywords: Crimean Khanate, medicine, written sources, muslim medicine.

В эпоху средневековья повсеместно большое внимание уделялось здоровью и исцелению людей от различных недугов. Навыки и практические методы врачевания передавались и совершенствовались от поколения к поколению. Трудно представить жизнь общества и в Крымском ханстве без медицины. В большинстве своем, отдельные отрасли медицины, прямо или косвенно, представлены в описаниях средневековых путешественников, в частности у Эвлия Челеби, турецкого путешественника, посетившего Крым в 1666–1667 гг., Шарля де Пейсонеля, французского дипломата, побывавшего на полуострове в 1753–1757 гг., Эмиддио Дортелли д'Асколи, католического монаха, возглавлявшего в 1624–1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе.

Из описания Эвлия Челеби, следует, что во многих городах Крымского ханства были медики, специализирующиеся в определенных областях медицины. В частности, путешественник упоминает искусных хирургов-кровопускателей или же мудрецов-хирургов. Здесь речь идет о хиджаме или хаджамат «*قماح*» (в переводе с арабского языка — «кровопускание»). Челеби перечисляет имена знаменитых ханских хирургов, проживающих в Бахчисарае — Деде Масум, невольник Таркан, Альп акай. Врачебным делом в Крымском ханстве занимались и иностранцы. К примеру, лейб-медиком Гази III Гирая в 1706 г. был француз Ферран; Крым Гирай хана лечил грек Сирополо [3, с. 335; 8, с. 83–85]. У сестры Хаджи Селим Гирая — Улу хани, лечащим врачом был местный еврей, который излечил ее от смертельно-опасной болезни. За это, принцесса в вознаграждение освободила проживающих на территории крепости Чуфут-Кале евреев от некоторых обязанностей, в частности от подушной подати [9, с. 48].

При описании болезни Эвлия Челеби сообщает следующее: «Все больные и ослабшие находятся под присмотром домашних. Татарский народ, опасаясь морового поветрия, избегает [больниц]» [11, с. 113]. Моровое поветрие, упомянутое турецким путешественником, означает быстро распространяющиеся эпидемические болезни, в число которых входила и чума, о которой, скорее всего, люди помнили и остерегались. Два крымских хана умерли от этой болезни. В 1607 г. в месяце шабан (21 ноября – 20 декабря) при возвращении из крепости Гази-Кермен у крепости Темрюк умер хан Гази Гирай, тело которого было привезено в Бахчисарай и похоронено в мавзолее его отца (Тахт Алган Девлет Гирая). В 1640 г. после освобождения крепости Азак от казаков при возвращении домой хан Бахадыр

Гирай заболел чумой и в месяце реджеб (октябрь – ноябрь 1640 г.) умер. Могила его была устроена в гробнице отца, хана Селямет Гирая, в Бахчисарае, в квартале Хамушан [10, с. 46, 62].

К числу лечебных средств в Крымском ханстве относились местности, которые славились благотворным климатом, водами и грязями. Лечебные грязи, расположенные в селении Сахъ или Сакъ (ныне г. Саки) были известны еще в это время. Лекари хорошо владели искусством лечения грязью. Они выкапывали глубокую яму, клали в нее больного, зарывая его в грязь таким образом, чтобы он мог только свободно двигать головою, но туловище было зарыто полностью. Пребывая в таком положении около 1,5 часов, больной затем переходил к другой яме, расположенной неподалеку и наполненной теплой воды, где умывался [4, с. 337]. После таких процедур он, как считалось, должен был избавиться от болей в суставах и мышцах.

Город Крым (Солхат) славился своими термальными источниками. Как сообщает Д'Асколи в 1634 г., «в окрестностях этого города произрастают душистые цветы и целебные травы. Ежегодно, от весны и до июля, бывает большой съезд со всех концов Татари для пользования ваннами из горячей воды с цветами и травами, исцеляющими человека от многих недугов» [5, с. 106–107]. Лечение травами, действительно, очень широко использовалось в народной медицине. Знания эти передавались от поколения к поколению на протяжении многих веков, что подтверждается исследованиями профессора Н. И. Каракаша, сделанными в 1915 г. Проводя свои наблюдения на тему народной медицины, он обратил внимание на крымских татар, которые использовали травы для лечения болезней. В своем докладе Н. И. Каракаш упоминает кучера, крымского татарина, который возил его по Евпаторийскому уезду, показывая и называя степные травы с их лечебными свойствами [6, с. 134].

Конечно, медицина периода Крымского ханства испытывала мощное влияние ислама. С целью предупреждения болезней и на случай появления инфекционных и эпидемиологических заболеваний люди часто обращались к Корану и хадисам пророка Мухаммеда. К примеру, пророк Мухаммед настаивал на принятии мер при появлении эпидемии. Он предостерегал в это время от поездок в места, пораженные болезнью. Тех же, кто уже оказался в очаге инфекции, просил не выезжать, дабы предотвратить дальнейшее распространение инфекции. Пророк говорил: «Если вы услышите, что в какой-то

земле чума, не входите туда, а если она [чума] постигнет землю, когда вы будете находиться там, не выходите оттуда» (Сахих Бухари, Сахи Муслим). Он также призывал больных людей не навещать здоровых (Сахих Муслим) [16]. Вероятно, поэтому население в Крымском ханстве, зная эти предписания Корана, опасалось больниц, где могли находиться инфицированные больные. Другие хадисы, приведенные в качестве примеров, подтверждают влияние ислама на медицину и ее практики в Крымском ханстве. Пророк Мухаммед говорил «Целительная сила [находится] в трех вещах: в глотке [питье] меда, в надрезе пиявки [кровопускании] и прижигании. Но я запрещаю своим последователям использовать прижигание» [2].

Хорошим подтверждением того, что в Крымском ханстве, как и во всем исламском мире, практиковали лечение хиджамой и пиявками, а также использовали другие медицинские методы, является рукописная книга о медицине из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, датированная приблизительно XVII – началом XVIII вв. Здесь описаны известные для этого времени болезни и методики их лечения. Ниже в таблице даны транслитерированные и переведенные названия этих болезней и некоторые методики их лечения:

<i>Qasd beyanındadır /</i> О мышцах	<i>Mutalib Hacammat /</i> Лечение жиджамой <i>Mutalib sulisi /</i> Лечение пиявками	<i>Musahhin şerbetler beyanında /</i> О согревающих сиропах	<i>Macunlar beyanında olucudur /</i> О мазях	<i>Habblar beyanındadır /</i> О таблетках	<i>Qasd beyanındadır /</i> О мышцах
<i>Soğuqlar beyanında /</i> О воспалениях	<i>Lavaqat(?) beyanında /</i> О кашле (?)	<i>Baş ağrısı beyanında /</i> О головной боли	<i>Malenholiya beyanındadır /</i> О меланхолии	<i>Mania beyanındadır /</i> О мании	<i>Al-sar'a /</i> Эпилепсия
<i>Al-sakat /</i> Инвалидность	<i>Al-felç /</i> Паралич	<i>Al-raş /</i> Аллергия	<i>Al-taşıncı /</i> Инфекционные заболевания	<i>Fia marazı alan /</i> Глазные болезни	<i>Koziün cerb beyanındadır /</i> О зуде глаз

<i>Koze aq düşmenin ilacı beyanındadır /</i> О средстве для катаракты	<i>Zaf'al-basar beyanında /</i> О близорукости (миопия)	<i>Qulaq ağrısının beyanındadır /</i> Об ушной боли	<i>Qulaq gurültüsü ilacı /</i> Лекарства от шума в ушах	<i>Dilin yaralanması /</i> Язвы на языке	<i>Dil tutulması ilacı beyanındadır /</i> Лекарство от спазм языка
<i>Dudaq çatlaması için ilac /</i> Средство от трещин на губах	<i>Ağız ağırması ve şişleri için ilac /</i> Средство от боли и опухолях ротовой полости	<i>Qulunç için ilac /</i> Лекарства для кишечника	<i>Su-il-kin-ye ilacı /</i> Лечение поноса и вызванного им обессиливания	<i>Talaq marazları için ilac /</i> Лечение болезней селезёнки	<i>Böğrek marazları için ilac /</i> Лечение болезней почек

Следует отметить, что разнообразные лекарства, которые применялись и описаны в данном трактате, готовились из продуктов растительного, минерального и животного происхождения [7].

В целом ислам предписывает содержать тело и дух в чистоте, что также способствует предотвращению заболеваний. В Коране относительно этого сказано следующее: «Воистину, Аллах любит кающихся и любит очищающихся» (Коран 2:222). Интимные части омываются после каждого посещения туалета. Перед молитвой моют руки, лицо, прополаскивают рот и нос; моют стопы перед каждой молитвой, то есть 5 раз в день. Соблюдения чистоты и предписаний Корана подтверждается и материалами Кадиаскерских тетрадей. К примеру, при описании большинства дворов и домов, выставленных на продажу, присутствуют упоминания источников воды — *чеиме* (фонтанов) [13, с. 95]. Кроме того, в каждом доме были *кенифи* / *кенеф* (уборная, туалет) [14].

В ряде аятов Корана говорится о поддержании организма в здоровом состоянии и здоровом питании: «О те, которые уверовали! Вкушайте дозволенные блага, которыми Мы наделили вас» (Коран 2:172); «Вкушайте на земле то, что дозволено и чисто» (Коран 2:168); «Он также сотворил скот, который приносит вам тепло и пользу. Вы также употребляете его в пищу» (Коран 16:5); «Он – Тот, Кто подчинил море, чтобы вы вкушали из него свежую рыбу» (Коран 16:14) «А потом питайся всевозможными плодами и следуй по путям твоего Господа, которые доступны тебе». О целебных

свойствах меда люди и лекари прошлого знали также из сур Корана, в которых сказано: «...Выходит из внутренностей пчел питье разного цвета, в котором лечение для людей. Воистину в этом знание для людей размышляющих» (Коран 16:69). Мед рекомендовалось употреблять натошак, разбавляя его в теплой воде, как это делал пророк Мухаммед [2]. Мед, действительно, использовался, как лекарственное средство в Крыму, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописные листы медицинских рецептов с применением крымского меда из Российской национальной библиотеки (РНБ) [1, с. 118–119].

О специальных учреждениях (*имархане*) для больных упоминает тот же Челеби: «Около мечети Сахиб Гирай хана [в Бахчисарае] есть больница в пару комнат, там присматривают за больными» [11, с. 113].

Особое отношение Сахиб Гирая к медицине подтверждается его покровительством крымско-турецкому ученому-медику первой половины XVI в. Недаи. Хеким Мехмед Недаи (лекарь Недаи) является автором ряда философских и медицинских трудов. Им также написан известный медицинский трактат «Менафиу-н Нас». Шестидесятитомный медицинский трактат содержит рекомендации по лечению детских болезней [педиатрии] и деонтологии [медицинской этике] [12]. Из записей самого Недаи на странице одной из частей трактата следует, что он был родом из Анкары и во время своего путешествия в Крым стал наставником Сахиб Гирай хана. Доступность языка трактата, сохранившиеся оригиналы и копии этого сочинения позволяют предполагать, что им пользовались в Крымском ханстве (*Ankara Milli Kutubhanesi*; Библиотеке факультета теологии Анкарского университета — *Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Kütüphanesi*) [12]. Для того чтобы представить, какими недугами страдали люди в те времена, а также узнать методы и средства их лечения, ниже приведены транслитерированные отрывки данного трактата¹:

«Если у ребенка диарея, перемешайте 2,8 мг ртути с простым маслом и материнским молоком и эту смесь понемногу давайте принимать. Все пройдет.

Если у ребенка гельминты [плоские], давайте ему смесь из фасолевой муки и меда; избавляет от гельминтов и смесь из семян

жерухи обыкновенной [*lam. Nasturtium officinale*] и меда; замочите горох на одну ночь и один день в уксусе затем это принимайте, но принимайте утром, а в полдень воздержитесь.

Если у ребенка понос, отварите рис в обычной воде, затем добавьте вареный рис в обезжиренный йогурт [*катык*; кефир] и давайте это ему есть. Понос прекратится.

При запоре смочите *гиле* [красная, мягкая и жирная глина; используется в фармацевтике] в уксусе [добавьте] молодое мыло, чтобы получилось типа мази. Этой мазью смазывают. После высыхания она меняется. Метод практиковался.

Если у ребенка повышается температура нужно растолочь *зерде чупы* [куркума длинная. *lam. Curcuma longa*], перемешать с водой, затем смазать этим живот и спину. Метод практиковался.

Если у ребенка в мочевом пузыре камни, давайте ему отвар из дынных семечек. Этот отвар избавит от камней и снимет воспаление.

Если камни в мочевом пузыре, надо взять в равных частях: *тохум-и керефс* [семена сельдерея], *ирк-ус-сус* [лакрица или солодка. *lam. Glycyrrhizaglabra*], *фюльфюль* [черный перец горошек], одну целую и половину части *гогерджин неджеси* [гамамелис вергинский; *lam. Hamamelis virginiana*]. Все эти травы нужно растолочь, затем к ним добавить две части меда из Агры [Агра — город в Турции] и эту смесь понемногу в размере дирхема давать больному.

Если у ребенка задержка мочи, нужно чисто вымыть яичную скорлупу и тщательно её растолочь с сахаром и давать принимать. Сироп от двух до четырех дирхемов [в данном контексте мера веса равная 3 гр.] дается с молоком матери. Метод практиковался.

Если у ребенка от плача выходит наружу пупок [пупочная грыжа], нужно смешать фасолевую муку, *мазу* [туя; *lam. Thuja*], *гюльнар кабы* [коробочки цветов граната], яичную скорлупу [сделать мазь] и крепко завязать специально подготовленным лоскутом ткани. Эта повязка не даст пупку выйти наружу. Три дирхема [равно 9 гр.] *емени оту* [кат; *lam. Catha edulis*], шесть дирхемов [равно 18 гр.] *сирке тортусы* [сирке — уксус; торта — вероятно эссенция], три дирхема [равно 9 гр.] *туи*. Все это смешать с уксусом и наложить повязку.

Если у ребенка рвота, делают отвар из мяты, туда добавляют немного *гиле-и эрмени* [красная, мягкая и жирная глина; используется в фармацевтике] и немного розовой воды. Эту смесь пить.

Если у ребенка из мочеточников идет кровь [гематурия], нужно растолочь 15 гр. семян моркови, добавьте немного сахара и принимать это семь дней.

¹ Перевод на русский язык сделан автором статьи. Для детализации, в текст перевода, были включены уточнения в квадратных скобках и латинские названия растений.

Если ребенок много плачет, давайте ему молоко ослицы. Это его успокоит.

Если ребенка мучает кашель, надо настоять, некоторое время, инжир в кипяченом молоке, затем давать пить это молоко. Настоявшийся в молоке инжир, также можно есть.

Если ребенок писает в постель [энурез], нужно высушить *беднус ибеги* [петушиный гребень; лат. *Celosia*] и пить. Больше в постель писать не будет».

Лекарь Недаи в лечении некоторых болезней использовал и суры Корана. Например, когда ребенок плакал, автор трактата рекомендовал носить на шее дуа, состоящее из нескольких сур: «Бисмилляхи Рахмани Рахим федарабна аля азанихим фи-ль кехфи синийе адеда сумме бе-аснахум лина-лемезйюл-хизбейн иахсалима лебису эмеда ве хашати-л-асвати ли р-рахмани фея тесмау илля хемса ве ма мин даббетин-филь-арди-илля хуве ахизун бинасиетиха инне рабби аля сиратин мустакимин емлиха мекселина мислина мернуш дебернуш шазенуш кефештатайуш кытмир искен ве ля ебеки бихурметин хазихиль-эсма-и»² [12, с. 160–162; 15].

В заключении, хотелось бы отметить, что хорошие врачи всегда ценились и были уважаемыми людьми, а термальные источники, лечебные грязи, благотворный климат и природа Крыма издавна считались целебными. Рецепты народной медицины и, конечно, классика исламской медицины до сих пор практикуется среди крымских татар, а некоторые рекомендации используются в официальной медицине.

Литература

1. Абдульваапов Н. Р. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Симферополь: Доля, 2007. – 160 с.
2. Аляутдинов Ш. Хадисы о больных и медицине. Режим доступа: <https://umma.ru/hadisy-o-bolnyh-i-medicine/> (Дата обращения: 02.06.2025).
3. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 320–339.
4. Бурьянов В. Прогулка с детьми по России. Часть IV. — СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1837. – 526 с.

² Дуа состоит из следующих сур Корана: Сура 20. Та Ха, 108 аят; Сура 11. Худ, 56 аят.

5. Д'Асколи Э. Д. Описание Черного моря и Татари. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1620-1640/Askoli/frame.htm> (Дата обращения: 13.06.2025.)

6. Каракаш Н. И. Естественно-историческая хроника Крыма // ЗКО-ЕЛП. – Симферополь, 1917. – Т. VI. – С. 130–194.

7. Книга из фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Рукопись. – 159 л.

8. Остерман В. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией. Теодора Мундта // ИТУАК. – Симферополь, 1909. – Т. 43. – С. 1–87.

9. Пейсонель Ш. Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой. – Днепрпетровск: Герда, 2009. – 78 с.

10. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов, или история Крыма / транскрипция, перевод А. Ильми, приложения и пояснения К. Усеинова; под общ. ред. Н.С. Сейтягьяева. – Симферополь: Доля, 2004. – 288 с.

11. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.

12. Acıduman Ahmet. Ankaralı Hekim Nidâ'î ve ünlü eseri Menâfi'ü'n-Nâs: XVI. Yüzyıldan çocuk hastalıkları ve tıbbî deontolojiye bir bakış // Çocuk Sağlığı ve Hastalıkları Dergisi. – 2013. – S. 151–167.

13. Güneş Hasan Huseyin. Bahcesaray Cami-i Kebir mahallesi insanlar ve kurumlar // Karadeniz Arastirmalari. – 2006. – № 11.

14. Fırat Yaşa. Mahalle ve Konut Tipolojisi Açısından Bahçesaray (1650–1675) // Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. – 2018. – S. 389–402.

15. Ölker Perihan, Derekçi Bekir. Hekim Mehmed Nidâ'î'nin Manzum Tıp Risâlesi Keyf-i Kitâb-ı Nidâ'î. Режим доступа: URL: dergisosyalbil.selcuk.edu.tr/article/download (Дата обращения: 02.06.2025).

16. Аиша Стейси. Защита от инфекций в исламе. Режим доступа: URL: <https://www.islamreligion.com/ru/articles/2534/> (Дата обращения: 13.06.2025).

Е. М. Баранова

ВЫСТАВКИ МАСТЕРОВ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО И НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В КРЫМСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ С 2014 ПО 2024 ГОДЫ

Е. М. Baranova

EXHIBITIONS OF DECORATIVE AND FOLK ARTISTS IN THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM FROM 2014 TO 2024

Аннотация. В статье приводится обзор деятельности Крымского этнографического музея по созданию выставок мастеров декоративно-прикладного и народного творчества за период с 2014 по 2024 годы. Указана хронология проведения выставок и их количественный состав. Приведены статистические показатели выставочной деятельности музея за исследуемый период.

Ключевые слова: Крым, музей, экспозиция, выставочный проект, выставочная деятельность, декоративно-прикладное и народное творчество.

Annotation. The article provides an overview of the activities of the Crimean Ethnographic Museum in organizing exhibitions by masters of decorative and applied arts and folk art from 2014 to 2024. It outlines the chronology of the exhibitions and their quantitative composition. The article also provides statistical data on the museum's exhibition activities during the study period.

Keywords: Crimea, museum, exhibition, exhibition project, exhibition activities, decorative and applied arts, and folk art.

Крымский этнографический музей одно из ведущих культурно-просветительных и научных учреждений Крыма. Его коллекция насчитывает более 16 тыс. единиц хранения и дает представление об истории и культуре 30 народов и этнических групп населения полуострова.

Музей был основан в 1992 г. на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея (с 2006 г. — ГБУ РК «Цен-

тральный Музей Тавриды»). С сентября 2009 г. музей работает как самостоятельное юридическое лицо [3, с. 6].

Сотрудниками учреждения активно проводится собирательская, научно-исследовательская, просветительная работа по этнической истории и этнографии Крыма. Одним из направлений работы музея является экспозиционно-выставочная деятельность, в процессе которой создаются новые выставки и экспозиции. Проведение этой работы позволяет использовать собственные музейные коллекции, вводя их в научный и культурный оборот, и тем самым повышая их доступность и значимость [21, с. 427].

В настоящее время вниманию посетителей представлены четыре постоянные выставки экспозиции «Мозаика культур Крыма», в которой рассказывается о хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, обычаях обрядах, традициях и праздниках более 20 народов полуострова. Работают также выставка «Русский самовар. Традиции чаепития», где представлена коллекция самоваров и предметов чайной церемонии, уникальная выставка ювелирных изделий народов Крыма XIX–XXI вв. «Крымский ларец» и Музей украинской вышивки имени В.С. Роик.

Выставочная деятельность музея является главным связующим звеном между музеем и посетителем. Новые экспозиции и выставки способствуют совершенствованию методов экспозиционной и культурно-образовательной работы музея. За исследуемый период, с 2014 по 2024 гг. были организованы на базе музейного учреждения и за его пределами 434 выставки по различным направлениям.

Начиная с 2014 года, с момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации, в Крымском этнографическом музее активизировалась работа по межмузейному обмену [4, с. 28]. В этот период, при поддержке Министерства культуры Республики Крым, были успешно реализованы пять выездных выставочных проектов — «Мелодия на полотне», «Народы Крыма», «Русский народный костюм», «Немцы Крыма. Страницы истории» [3, с. 7] и «Декоративный текстиль народов Крыма» [8, с. 8].

С целью популяризации творчества современных мастеров декоративно-прикладного искусства и формирования музейной коллекции в музее организуются и проводятся выставки, посвященные этой тематике.

На расширенном заседании коллегии Министерства культуры Республики Крым, которое состоялось 25 октября 2024 г., Главой Крыма Сергеем Аксеновым и Министром культуры Республики

Крым Татьяной Манежиной был поставлен вопрос об организации работы учреждений культуры Республики с регионами Крыма, предоставлении возможности крымчанам реализовать свой творческий потенциал, способствовать развитию талантов человека, воспитанию патриотичной и социально ответственной личности [6].

Крымский этнографический музей в этом направлении работает уже не один год. В Крыму издавна были развиты многочисленные ремесла – гончарное и кожевенное дело, ткачество, резьба по дереву, производство ювелирных изделий, вышивание, создание изделий из войлока, кузнечное и литейное производство и многое другое [20, с. 5].

Площадка музея стала центром презентации результатов творческой деятельности крымских мастеров различных объединений, ассоциаций, студий, кружков декоративно-прикладного и народного творчества из различных уголков Крыма. Среди них выставки Регионального центра народных ремесел «Орнек» (Симферопольский р-н), такие как «Могут руки людей сделать чудо любое...» (2018 год), выставка декоративно-прикладного искусства «Орнек», посвящённая памяти Шаменовой Эдие Усеиновны, выставка «Больше, чем кукла» (2023 год). Центр народно-художественных промыслов некоммерческой организации «Крымский государственный фонд поддержки предпринимательства» демонстрировал мастерство участников на выставке «Территория ремесел» в 2021 г. [11, с. 8] (Рис. 1). Участники кружка декоративно-прикладного искусства «Паутинка» Чистенского сельского дома культуры неоднократно представляли свои работы в стенах музея. Авторы работ студии «Кружевница» из г. Севастополь презентовали свое творчество в 2019 г., а члены любительской студии «Ажур» (г. Белогорск) на выставке «Путь к Православию», посвященной празднованию Дню Крещения Руси представляли свои работы в 2022 г. [7, с. 8]. Произведения творческого коллектива клуба любителей декоративно-прикладного творчества «Фантазия» из г. Джанкоя были представлены в музее в 2023 г. на выставках «Душа народа в творчестве живет» и «Православные святыни». Выставка «Фантазии полет и рук творенье...» Народного коллектива декоративно-прикладного творчества «ЯнтаРа» (г. Красноперекоск) проходила в музее в 2024 г.

Примером сотрудничества Крымского этнографического музея и Крымского инженерно-педагогического университета стала выставка «Студенческий Крым» (Рис. 2), где демонстрировались работы

студентов и преподавателей кафедры «Декоративное искусство» (2019 г.) [16]. Современные образцы крымскотатарского вышивального искусства участниц творческой лаборатории «К истокам» представлены на выставке современной крымскотатарской вышивки «Алтын мирас» («Золотое наследие») в 2024 г. [5, с. 8] (Рис. 3).

Рис. 1. Открытие выставки «Территория ремесел». 15 сентября 2021 г. Архив КЭМ

Рис. 2. Открытие выставки «Студенческий Крым». 21 февраля 2019 г. Архив КЭМ

Рис. 3. Открытие выставки ««Алтын мирас» («Золотое наследие»).

30 августа 2024 г. Архив КЭМ

В стенах музея реализован ряд выставочных проектов в рамках республиканских фестивалей и конкурсов по популяризации декоративно-прикладного искусства народов Крыма совместно с Республиканским центром народного творчества, такие как «Бабушкин сундук» (2021 г.) [17], «Многообразие российского орнамента» в рамках этнического фестиваля «Узоры народов России» (2022 г.) [13], выставка декоративно-прикладного искусства народов Крыма в рамках проекта «Огни Солхата в горах Дагестана» (2022 г.) [14], выставка «Под крымским небом» в рамках Всероссийского фестиваля «Крымская мозаика» (2023 г.) [15]. Особо хочется выделить выставку Всекрымского смотра конкурса любительского искусства «Ступени мастерства», которая объединила в музейном выставочном пространстве работы 247 участников из 25 регионов Крымского полуострова. Всего на ней демонстрировалось 750 работ. Это неповторимые по красоте и исполнению произведения декоративно-прикладного искусства и народного творчества, в числе которых живопись, графика, батик, аппликация, бисероплетение, лоскутное шитье, керамика, вышивка, ткачество, резьба по дереву, народный костюм, интерьерная кукла и многое другое [12]. Данная выставка работала в музее в 2024 г. (Рис. 4). Аналогичный проект демонстрировался в 2023 г. [19, с. 8].

Рис. 4. Открытие выставки работ лауреатов
III Всекрымского смотра-конкурса любительского искусства «Ступени мастерства», посвященного Году семьи. 28 мая 2024 г. Архив КЭМ

Надо сказать, что начиная с 2017 г., ежегодно в музее экспонируются на выставке «Крым. Кузница счастья» работы мастеров Крымского отделения Всероссийской общественной организации развития художественного творчества и ремесленничества «Гильдия кузнецов России». Экспозиция позволяет познакомиться жителей и гостей полуострова с работами крымских кузнецов и ювелиров, дает возможность узнать об их творческой деятельности, проникнуться крымским колоритом, запечатленным в изделиях из металла — образцах современного декоративно-прикладного искусства [9, с. 6]. К традиционным выставкам можно отнести и проводимую с 2013 г. выставку работ участниц Республиканской биеннале восточнославянской народной вышивки «Узор на полотне» им. В. С. Роик [18, с. 126]. В 2024 г. биеннале проводилась уже в шестой раз.

Всего за период 2014–2024 гг. в музее были организованы 59 выставок современных мастеров декоративно-прикладного искусства. Среди них ряд персональных проектов. Например, выставка Анатолия Тищенко «Пасхальные фантазии» в рамках проекта «Моё хобби» (2014 г.), где демонстрировалась техника «карвинг» — резьба по пустой скорлупе от яйца. Или выставка работ Александры Власовой

«Очей очарование», выполненных в авторской технике «Живопись иглой» (2015 г.), а также вышивка лентами Елены Москаленко в 2018 г. Работы мастера декоративно-прикладного творчества Веры Глинки были выставлены в музее в 2019 г. Продолжает перечень персональных выставок коллекция ювелирных изделий Петра Якубука «Музыка камня» (2020 г.), персональная выставка мастера резьбы по дереву Ивана Калько «Зов вселенной», выставка керамики и живописи Александра Черемисова «Предания Тарвиды» (2022 г.), выставка севастопольского мастера декоративно-прикладного искусства Екатерины Ларионовой (2023 г.), выставка авторской керамики заслуженного ремесленника Крыма Павла Ермоленко «Четыре стихии», приуроченной к 50-летию юбилею мастера (2024 г.) [1].

Примером совместных выставок крымских мастеров, работающих в разных направлениях декоративно-прикладного творчества, можно назвать выставку работ Нелли Рожиной и Марины Филиной (2022 г.), выставку «По крымским тропам» работ Натальи Ильиной и Артура Наджимидинова (2022 г.). Выставка работ Андрея Браилова и Юлии Андреевой «Сотворчество» объединила в выставочном пространстве гравюру на дереве и керамику (2022 г.) [10, с. 4]. Мастерская народных ремесел семьи Условых из Джанкойского района — Павла и Светланы, а также их сыновей Светозара и Любомира, демонстрировала на выставке «Добрые традиции Крыма» в 2022 г. разнообразные традиционные текстильные куклы, декоративные венки, керамические изделия, посуду, статуэтки, сюжетные композиции на историческую тематику.

Необходимо отметить, что проводимые музеем персональные выставки художников и творческих художественных объединений не вошли в число перечисленных выставок мастеров декоративно-прикладного искусства. Исключение составили лишь совместные выставки мастеров или же большие выставочные проекты, такие как «Ступени мастерства».

По статистике, отметим следующие показатели выставочной деятельности:

Год	Количество выставок всего	В том числе выставки мастеров ДПИ
2014	25	1
2015	34	2
2016	27	1
2017	40	3

2018	44	8
2019	44	10
2020	40	2
2021	54	4
2022	43	13
2023	44	8
2024	39	7

Как видно из таблицы, большинство выставок по декоративно-прикладному искусству крымских мастеров было проведено в 2022 г. Это не случайно, так как именно 2022 год был Указом Президента РФ объявлен Годом культурного наследия народов России. Поэтому в этом году из 43 проведенных музеем выставок 13 имели декоративно-прикладную направленность, то есть почти 30 % от общего числа музейных выставок. Этого нельзя сказать о 2020 годе, периоде пандемии коронавирусной инфекции, когда часть выставок была переведена в онлайн-формате [2]. В 2023 и 2024 гг. выставок по декоративно-прикладному искусству в количественном отноше-

Рис. 5. Открытие выставки авторской керамики заслуженного ремесленника Крыма Павла Ермоленко «Четыре стихии», приуроченной к 50-летию юбилею мастера. 9 февраля 2024 г. Архив КЭМ

нии стало меньше, но мастеров представлено больше, а их география шире благодаря реализации проекта «Ступени мастерства», о котором уже упоминалась.

Крымский этнографический музей и в дальнейшем продолжит сотрудничество с крымскими мастерами. Будут созданы новые выставки и экспозиции, организованы мероприятия, направленные на популяризацию народных художественных промыслов и ремесел и привлечение современных мастеров к формированию музейной коллекции по направлению «Современное декоративно-прикладное и народное творчество народов Крыма».

Литература

1. Журнал учета выставок ГБУРК «Крымский этнографический музей за 2020-2024 гг. // Архив КЭМ.
2. Отчет о работе ГБУРК «Крымский этнографический музей» за 2020 г. Принят на заседании научно-методического совета (протокол № 1 от 13 января 2021 г.) // Архив КЭМ.
3. Баранова Е.М. Выездные выставочные проекты Крымского этнографического музея в 2014-2021 гг. // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию Крымского этнографического музея (г. Симферополь, 21-23 сентября 2022 г.): материалы и исследования, вып. 5 / Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023 г. – С. 6.
4. Баранова Е.М. Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея в 2009-2016 годах // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей (г. Симферополь, 28-30 сентября 2017 г.); вып. 4 / Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2021 г. – С. 28.
5. Богданова Л. Золотое наследие крымских вышивальщиц // Крымские известия. – 2024. - № 155. – С. 8.
6. Государственный совет Республики Крым: [сайт]. – URL http://crimea.gov.ru/news/25_10_2024_5
7. Ефремова С. Души полет и рук творенье // Крымские известия. – 2022. - № 137. – С. 8.
8. Ефремова С. Крепдешиновое платье как черта эпохи // Крымские известия. – 2020. - № 127. – С. 8.
9. Ефремова С. Крым – кузница счастья // Крымские известия. – 2023. - № 31. – С. 6.

10. Ефремова С. Они сошлись: керамика и дерево // Крымские известия. – 2022. - № 90. – С. 4.
11. Ефремова С. Территория ремесел // Крымские известия. – 2021. - № 174. – С. 8.
12. Идем в музей: [сайт]. - URL <https://idemvmuzei.ru/exhibition/view/vystavka-stupeni-masterstva-2024-07-10>
13. Крымский этнографический музей: [сайт]. - URL <https://ethnocrimea.ru/ru/publish/2323333331111.html>
14. Крымский этнографический музей: [сайт]. - URL <https://ethnocrimea.ru/ru/publish/34343434444.html>
15. Крымский этнографический музей: [сайт]. - URL <https://ethnocrimea.ru/ru/publish/otkrytie-vystavki-pod-krymskim-nebom.html>
16. Министерство культуры Республики Крым: [сайт]. - URL <https://mkult.rk.gov.ru/articles/38ddec38-84ea-471b-b98c-59a59fb8d6eb>
17. Министерство культуры Республики Крым: [сайт].
18. Науменко Л.А. Этнокультурное наследие украинцев в Крыму: создание музея украинской вышивки им. В.С. Роику // Роль музеев в презентации и актуализации знаний по истории и культуре народов и национальных групп и осуществление межкультурной коммуникации: сборник по итогам заседания Южного филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации в г. Симферополь 2-4 октября 2019 г. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – С. 126.
19. Радева Л. Им покоряются «Ступени мастерства» Выставка лауреатов II Всекрымского смотра – конкурса любительского искусства // Крымские известия. – 2023. - № 203. – С. 8.
20. Энциклопедия народных художественных промыслов и ремесел Крыма / Г.С. Черный, О.О. Мельниченко, С.П. Троицкая, П.А. Ермоленко; рук. проекта, ред. Г.С. Черный. – Симферополь: Изд-во ООО «Антиква», 2020. – Кн. 2. – С. 5.
21. Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. – М.: Академический проект, 2003. – С. 427.

Е. С. Береснева

**ГРЕКИ ПРИАЗОВЬЯ. КУЛЬТУРА ГРЕЧЕСКОЙ
ДИАСПОРЫ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДМЕТОВ
ИЗ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ГБУ ДНР «ДОНЕЦКИЙ
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»**

K. S. Beresneva

**THE GREEKS OF THE AZOV SEA. CULTURE
OF THE GREEK DIASPORA ON THE EXAMPLE
OF OBJECTS FROM THE COLLECTIONS
OF DONETSK MUSEUM OF LOCAL LORE**

Аннотация: в статье представлен общий обзор предметов греческой коллекции, хранящейся в фондохранилище ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей», которая раскрывает особенности греческой са-мобытной культуры и быт переселившихся греков из Крыма на территорию Приазовья. Коллекция представляет собой собрание предметов духовной и материальной культуры.

Ключевые слова: музей, греки, культура, переселение, коллекция.

Annotation: the article provides a brief overview of the objects of the Greek collection stored in the storage of the Donetsk Republican Museum of Local Lore, which reveals the peculiarities of the Greek original culture and way of life of the Greeks who migrated from Crimea to the territory of the Azov region. The collection is a collection of objects of spiritual and material culture.

Keywords: museum, Greeks, culture, resettlement, collection.

В ходе русско-турецких войн второй половины XVIII в. в состав Российской империи вошли степные территории, которые прилегали к Черному и Азовскому морям, в том числе Донбасс. Государственная политика российских императоров дала возможность заселению Донецкого края различными народами. Целью переселения христианского населения Крыма было попытка его ограждения от политики тюркизации и исламизации и сохранения своей идентичности. Ука-

зом императрицы Екатерины II от 21 мая 1779 г. греки-переселенцы получили российское подданство и некоторые привилегии. Греческим переселенцам была выделена территория от Азовского моря в устье реки Берды — «по рекам Берда и Каратыш, балке Коблой, рекам Мокрые Ялы и Волчья, балке Осиковой и Береснеговатой, реке Кальмиус до ее устья, берегу моря до устья Берды» [3, с. 7]. Греки обосновывались в удобных для проживания местах и давали вновь образованным поселениям крымские названия. Город Мариуполь был заселен выходцами из Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Козлова, Бельбека, Балаклавы и селения Майрем. Греки Приазовья «являлись коренными обитателями Юга Тавриды, корни их происхождения уходят вглубь веков, тесно переплетаясь с племенами и народностями, которые в стародавние времена заселяли и осваивали эти земли» [2, с. 118].

В фондовых коллекциях ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» хранится богатая коллекция греческих предметов духовной и материальной культуры: предметы домашне-хозяйственного обихода, дорожки, шерстяные ткани, полотенца из шелковой и льняной ткани с вышитым оригинальным рисунком, цветные ткани типа «тохма» для украшения стен дома, коллекция женских украшений, коллекция вотивных подвесок, культовые предметы, медная посуда. Большая часть предметов коллекции поступила на хранение в фондохранилище музея в 1954 г. из Ждановского (ныне Мариупольского) краеведческого музея.

Типичный образ греческого дома — это каркасные конструкции стен из дерна и дерева с различными заполнениями; земляные полы, которые утаптывались и смазывались глиной; дощатый потолок; крыша из соломы и камыша; использование в строительстве жилища других материалов, таких, как камень и черепица, появится позже. По мнению этнографа-исследователя Л. А. Лыгановой, жилища этнических групп, которые проживали в Северном Приазовье, в том числе и греков, «обладали мягкой цветовой гаммой, соразмерностью пропорций и были гармонично вписаны в общий ландшафт той местности, где они проживали — это холмистые просторы, изрезанные балками и небольшими реками» [1, с. 44]. Окра-с был продиктован естественным цветом строительных материалов, которые использовались при возведении дома: глина, камыш, солома, камень. Позднее, с появлением обожженного кирпича (ярких красных оттенков) в постройке и черепицы, а также железа, жилища стали выглядеть более «нарядно», что было продиктовано, как считает Л. А. Лыганова, более яркой цветовой гаммой. У разных этносов, населяющих наш регион,

сохранился близкий эстетический облик жилых строений, однако, особенностью греческого жилища были крытая галерея с подпорными столбиками и черепица-татарка на крышах домов. В фондах ГБУ ДНР ДРКМ хранятся образцы подобной черепицы в форме изогнутого полукружия, которая покрывала крыши греческих жилищ.

В жилой комнате греческой семьи находились софа с длинными подушками по краям, которые могли быть обернуты ткаными шерстяными или хлопчатобумажными полотнищами в клеточку или полоску, темных, бежевых или коричневых цветов. Именно такая цветовая гамма была продиктована окрасом шерсти овец, которых выращивали в греческих поселениях. Шерсть овец являлась основным материалом для изготовления тканей для домашнего обихода, греческие мастерицы использовали ее для изготовления многих тканых изделий. Вдоль стен греческого жилища стояли деревянные лавки с подлокотниками. На стенах висели ковры, стеноар, тохма (длинное красное полотенце с орнаментом и короткое полотенце, украшенное вышивкой). Домашние ткани, которыми декорировали греческое жилище, разнообразны по форме, материалу, технике изготовления. Греческие женщины искусно пряли, вязали, ткали. Длинные полотенца (мандыль, явлух) вешали на иконы, фотографии. Не только стены, но и пол в состоятельных семьях убрали тканями: шерстяными полосатыми дорожками, а также дорожками из полосок ткани. На софу для приема пищи ставили большой низкий круглый стол, который мог быть сервирован медными тарелками, находящимися в широком применении в греческой (и не только) среде.

В греческой коллекции тканей музея сохранился вариант женского костюма. Он состоит из кафтана (халата), вышитой сорочки туникообразной по форме с длинными рукавами и вышитыми шароварами. По мнению исследователей, греческие туникообразные сорочки отличались плечевыми вставками по краю и орнаментацией. На рукавах и плечах не было вышивки, так как эти места закрывались платьем или кафтаном. Сверху халата гречанки могли повязывать передник с парчовым поясом и массивной металлической пряжкой. Костюм дополнялся шароварами и обувью (постолы, чарухья).

Особенностью внешнего облика женщин из греческой среды было обилие украшений. В фондовых коллекциях музея можно увидеть кольца, браслеты, серьги из стекла, меди, серебра и золота. Женский костюм дополнял головной убор. Перифтар — обрядовый полотенец-чатый убор, который бытовал на территории всей Греции и в греческих диаспорах, сохранился со времен Византии. Это длинное белое полот-

но домотканой льняной материи или шелка-сырца, плотно облегающее лицо, скрывавшее волосы. Один его конец закрепляется на затылке, другой оборачивается вокруг шеи; полотно закидывается за плечо и спускается по спине. На талии перифтар затыкали за пояс или крепили специальной подвеской. На голове он удерживается парчовой или атласной лентой, которая может быть расшита жемчугом или стеклярусом. Под подбородком убор сцепляется серебряной цепочкой, а на висках — большими металлическими шпильками с пучками маленьких металлических подвесок. Концы перифтара украшали плотной вышивкой, чаще всего, золотной нитью, и бахромой. Зиндериль, подвески были известны еще и под названием алтын-сургуч (кр.-тат.). Функциональное назначение этого изделия — закреплять полотенец-чатый головной убор (перифтар у греков, марама у крымских татар) на висках. Эти украшения носили замужние женщины. В изготовлении украшений греки проявляли тонкий изысканный вкус, воплощая в предметы эстетическое совершенство и гармонию линий.

Несмотря на меняющуюся среду (переселение греков с Крымского полуострова на территорию Приазовья), духовный и культурный опыт, передаваемый из поколения в поколение, сохранялся в греческой среде. Что и было главной целью переселения крымских греков — сохранения аутентичных черт традиционной греческой культуры. Это можно увидеть, например, во влиянии литургического круга православных праздников и в целом всей глубины православной веры на жизнь греческих поселений или, уже, в определенных праздниках, характерных для греков Приазовья. Один из самых известных и широко празднуемых — Панаир, яркий календарный праздник мариупольских греков. «...Панаир — это акт общественной жизни, корни его уходят в сферу общинной организации сельского коллектива: храмовый праздник — не что иное, как единение церковной общины, прихода, то есть жителей населенного пункта» [2, с. 119]. Сакральные смыслы каждого элемента праздника сохраняются и по сей день: мясо и хлеб — как части сакральной жертвы, чистота — как обязательное условие благочестия, состязания в силе и ловкости — напоминание о гармонии и красоте физической как божественном даре [2, с. 120–121].

В фондовых коллекциях есть культовые предметы греческих поселений. К таким предметам можно отнести греческую коллекцию votivных привесок. Это металлические привески, которые подвешивались к чудотворным иконам в церквях в благодарность за исцеление или в знак обета. По мнению М. В. Горбовой, существует

две версии относительно места ее происхождения: она могла быть создана уже после переселения греков из Крыма в Приазовье или же привезена греками из Крыма. «В Мариуполе в конце XIX – нач. XX вв. существовало несколько православных церквей, в которых для всеобщего поклонения находились чудотворные иконы. Так, в церкви Рождества Пресвятой Богородицы находилась чудотворная икона Косьмы и Дамиана, привезенная греками-переселенцами из Крыма» [4]. По мнению научных сотрудников Донецкого республиканского краеведческого музея, коллекция, скорее всего, относится именно к одной из таких икон, то есть происходит из одного центра.

Часть вотивов изготовлена из простых металлов (железа и его сплавов), но основная масса выполнена из низкопробного серебра. Изделия из серебра более высокой пробы немногочисленны. Исследователь вотивов, М. В. Горбова, выявила, что для их изготовления иногда использовались готовые ювелирные изделия (например, крышка от карманных часов). Об этом свидетельствуют сохранившиеся знаки пробы, клейма и даже фрагменты гравированного орнамента. То, что одинаковые привески изготавливались как из дешевого железа, так и из дорогого серебра, возможно, говорит о разных материальных возможностях прихожан. Основные технологические приемы, которые были применены при изготовлении вотивов – литье и чеканка на металлических пластинах.

Таким образом, можно сделать выводы о богатом материальном и духовном наследии, которое греки, переселяясь на другие территории, сохранили и принесли с собой, о взаимовлиянии культур, соседствовавших на полуострове, которые обогащались в тесном соприкосновении друг с другом. Представленная тема чрезвычайно обширна и нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

1. Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. – Донецк, 1999. – Вып. 7 (дополнение к Археологическому альманаху). – 62 с.
2. Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. – Донецк, 2012. – Вып. № 20. – 198 с.
3. Окрестности Мариуполя: взгляд этнографа. История заселения, культура и быт жителей края. Конец XVIII – XIX вв.
4. Вотивные привески в собрании Донецкого областного краеведческого музея. Уникальные музейные коллекции. Каталог / автор-сост. Горбова М.В. – Донецк, 2003. – 39 с.

Ю. В. Бондак

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ И МИСТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ: ГЕОГРАФИЯ И СТАТИСТИКА

Y. V. Bondak

RATIONALIST AND MYSTICAL SECTS OF THE TAVRICHESKAYA PROVINCE: GEOGRAPHY AND STATISTICS

***Аннотация.** В статье представлен краткий анализ вероучительных особенностей рационалистических и мистических сект Таврической губернии. Исследуется численность и география расселения сектантов, выявляются закономерности их распределения по территории губернии. Особое внимание уделено наиболее и наименее распространенным сектантским течениям, что при дальнейшем изучении позволит глубже понять их роль в жизни региона.*

***Ключевые слова:** Секта, духоборы, молокане, штундисты, хлысты, скопцы, марьяновцы.*

***Annotation.** The article provides a concise analysis of the doctrinal characteristics of rationalist and mystical sects in the Taurida Governorate. It examines the size and geographic distribution of sectarian communities, revealing patterns in their settlement across the province. Particular attention is paid to the most and least widespread sectarian movements, which, upon further study, will allow for a deeper understanding of their role in the region's life.*

***Keywords:** Sect, Doukhobors, Molokans, Stundists, Khlysts, Skoptsy, Marianovites*

Различие между рационалистическими и мистическими сектами заключалось в подходе к основам христианского вероучения. Рационалистический подход характеризует признание Священного Писания единственным источником истины. Рационалисты основной упор делают на внутреннюю этическую составляющую, в то время как «мистики» большее внимание уделяют внешней обрядовой форме религии [20].

Собрания в общинах мистической направленности, как правило, проходили в форме радений. Одна из характерных черт таких собраний — исполнение песнопений, способных вызывать яркие эмоции. Тексты песен аллегоричны, содержат большое количество терминов, применяемых в общине [15, с. 4–5]. Частью радений были ритуальные танцы. Действие могло происходить несколько часов подряд, смыслом было введение в особое состояние экстаза, в котором человек начинал произносить «пророчества». Современным аналогом можно назвать «молитву на иных (ангельских) языках» в пятидесятнических общинах христиан.

К рационалистическим сектам в Таврической губернии относились духоборы, молокане, штундисты. Секты мистической направленности — хлысты (шалопуты), скопцы, марьяновцы [6, с. 117–118].

1. **Духоборы.** Они попали в Таврическую губернию из Харьковской и Екатеринославской губерний. Главные проповедники духоборческого учения — Силуан Колесников и Савелий Капустин. Название секте дал Екатеринославский епископ, подразумевая, что это учение является противлением Святому Духу, или даже борьбой с Духом. Легенду или «Животную книгу» духоборы хранят в своих сердцах. Однако, у этой книги есть и внешний вид: она состоит из псалмов, которые духоборы воспроизвели по образцу псалмов Давида, а также отдельных стихов и слов этих псалмов, изречений св. Иоанна Крестителя, писаний, молитв православной церкви [16, с. 4–5]. В 1909 г. В. Д. Бонч-Бруевичу, благодаря его регулярным посещениям закавказских духоборческих общин, удалось собрать псалмы «Животной книги» в единый сборник из шести тематических разделов. До этого, еще в XIX в., периодически публиковались отдельные псалмы [4]. Духоборы верят в единого Бога, который является «творцом мира, искупителем людей, наказывающим грешников и дарующим награды праведникам». По сути: «Он есть дух: дух силы, дух мудрости, дух воли». Духоборы также признают Святой Крест, Троицу, но понимают её в смысле различных действий и проявлений единого существа [12, с. 83–87].

2. **Молокане.** В отличие от представителей других сект, они не стремились активно распространять свои идеи. Название «молокане», предположительно, произошло от того, что сектанты употребляли молоко даже во время Великого поста, когда православным это не было разрешено. Сами последователи секты объясняли это тем, что они пьют «словесное молоко». Их самоназванием, в свою очередь, было «духовные христиане» [10, с. 18]. Молокане

считали, что единственным источником веры является Священное Писание. Они враждебно относились к Православной церкви и высмеивали ее институты, в частности, церковную иерархию [7, с. 850–852]. Молоканское богослужение состояло из чтения и пения известных отрывков из Священной Библии, в основном, из Псалтири. Старейший чтец, которого молокане называли «пресвитером», обычно садился в первом углу и, открыв Библию, читал стих из нее. Слушающие мужчины и женщины, мальчики, девочки и подростки подхватывали прочитанный стих и пели его нараспев. Их пение, по большей части, монотонное и однообразное, напоминало пение некоторых русских песен. Эти собрания длились несколько часов и обычно проводились параллельно с православными службами [2, с. 34].

3. **Штундисты.** В первой половине XVIII в. в Германии зародилось движение, которое позже получило название «штундизм». Его участники собирались для совместного чтения священных текстов в определенные часы после обеда. Отсюда пошло название «штундисты» (от нем. «*stunde*», что означает «час»). В Таврическую губернию (Херсонскую область) учение пришло от немцев, заселявших эти территории с 1817 г. [5]. Штундисты стали самостоятельной сектой и прекратили общение с православной церковью после объединения с баптистами. От них они получили собственную религиозную систему и литургические традиции. Приняв баптистское вероучение и структуру общины, штундисты отказались от своего прежнего названия и стали называть себя русскими баптистами. В ознаменование страданий и смерти Иисуса Христа и в знак общения с Ним верующих штундобаптисты празднуют «преломление хлеба» или «святую вечерю». На этом празднике должны присутствовать все члены секты, проживающие в определенной местности. В основном, «святая вечеря» совершается штундобаптистами по лютеранскому обряду [2, с. 116].

4. **Хлысты** или шалопуты относятся к мистическому направлению. Основой вероучения сектантов является концепция перевоплощения Бога. Согласно учению хлыстов, Бог может воплощаться и воплощается неоднократно, в зависимости от потребностей и моральных качеств людей. При этом идея о божественных личностях, воплощенных в людях, полностью исчезает. За одним Христом следует другой. Иисус Христос не является воплощенным Богом, единственным Искупителем мира. Он — один из многих Христов, в которых обитало Божество. Сектанты не считают Священное Пи-

сание обязательным, хотя и не отвергают его полностью. Их главным источником является учение их «Христов» и Пророков [19]. Нравственное учение сектантов заключается в отрицании брачной жизни и умерщвлении плоти. Это учение основано на дуалистическом представлении, что дух является началом Добра, а тело — началом Зла. Поэтому хлысты требуют умерщвления плоти всеми возможными способами, чтобы душа могла достичь своего предназначения. Один из основателей учения, Данила Филиппович, сформулировал для хлыстов 12 заповедей. Суть их в почитании единого Бога, уверенности в истинности своего учения, отказе от спиртных напитков, плотского греха, сквернословия, воровства. Также запрещается участие в традиционных праздниках (свадьбах, крестинах). Одна из заповедей призывала к хранению в тайне всех этих заповедей («Ни отцу, ни матери не объявляйте, будут кнутом бить и огнем жечь — терпите») [8, с.116].

5. **Скопцы.** Основатели учения — крестьяне Андрей Селиванов (по другим данным, Кондрат) и Александр Шилов. Ранее большая часть скопцов проживала в Тамбовской губернии. В 1840-х гг. указом правительства главные представители секты были выселены в Сибирь, а оставшиеся в Таврической губернии были взяты под надзор полиции. Высланные в Сибирь и оставшиеся в Таврической губернии скопцы не прекратили взаимоотношений, вели переписку, потому скопчество извести властям не удалось. Упоминания о секте скопцов в Бердянском и Мелитопольском уездах сохранялись до 1872 г. [3, с. 419]. Скопцы считают, что их учение берет начало во времена Иисуса Христа и его апостолов. Их внутренний уклад и религиозные обряды схожи с хлыстами, но имеют некоторые особенности. Согласно их учению, обрезание, описанное в Ветхом Завете, было прообразом великого таинства оскпления. Чтобы открыть путь к чистоте и святости, Отец Света послал своего Сына освободить людей от плотской жизни. Именно Иисус Христос был оскплен Иоанном Крестителем, а на Тайной вечере он сам оскпил своих учеников [1, с. 104]. В учении об оскплении заключается суть самого искупления. Согласно скопцам, первые люди были созданы бестелесными, то есть без половых органов. Отсюда необходимость оскпления для достижения нравственного совершенства. Кастрация — это огненное крещение и принятие чистоты. По их мнению, только через оскпление можно защитить себя от «лепости» и достичь полной чистоты крови [18, с. 316–323]. Скопцы, как одна из наиболее опасных сект, преследовались на протяжении всего своего

существования. В Таврической губернии регулярно проводились суды над руководством данной секты [11].

6. **Марьяновцы.** В период с 1845 по 1850 гг. в селе Збурьевка Днепропетровского уезда Таврической губернии возникла секта, известная как марьяновцы. Основательницей секты стала крестьянка Марьяна. В своем новом доме она обнаружила доску с иконой, служившую крышкой для ведра с водой. Очистив доску, женщина увидела нечто похожее на изображение лика Богородицы. Икона была помещена в угол среди других икон. Вскоре Марьяна рассказала о чудесном сне, в котором она увидела сияние от иконы. Соседи-крестьяне придали всему, что происходило в доме Марьяны, характер чудесного события. Дом Марьяны стал местом, куда люди приходили на паломничество. Они приносили свечи, масло, деньги и еду. История с иконой дошла до духовных властей, и икону приказали доставить в Херсонский кафедральный собор. Хотя Марьяна потеряла святыню, молитвы в ее доме продолжались. В 1867 г. она умерла, но основанная ею секта продолжала жить [9]. Представители общины вызывали настороженность у православных епископов ввиду своей «хитрости и скрытности». Гермоген сравнивал марьяновцев с хлыстами и шалопутами, которые при внешнем соблюдении религиозной обрядности, тем не менее, были далеки от православной веры, устраивая на своих собраниях оргии, «о которых стыдно и упоминать» [3, с. 418].

История сект на территории Таврии началась еще в начале XIX в. Из памятных книг мы знаем, что первые упоминания касаются появившихся здесь молокан и духоборов.

В 1820-х годах молокане, которые были сосланы из Тамбовской губернии, обосновались в Бердянском уезде, в селах Новоспасское, Астаханка и Нововасильевка. В 1860 г. молокане основали Дунаевку, а в 1872 г. переселенцы из Ленкоранского уезда — Апостоловку [17, с.111–113].

В 1867 г., через 7 лет после основания самостоятельной Таврической епархии, в Симферополе была опубликована Памятная книга Таврической губернии. Из нее известно количество проживавших в губернии сектантов. Выделены в отдельные группы рационалисты-духоборцы и молокане — всего более 51 тыс. человек, и сектанты мистической направленности — скопцы, хлысты и шалопуты, численность 332 человека [14, с. 318–319].

Согласно материалам, полученным в результате переписи населения, в 1886 г. в Таврической губернии проживало 14 552 расколь-

ника. Из них большая часть — 13 578 человек, проживали в уездах. В городах численность раскольников составляла 902 человека.

Интересно распределение сектантов по городам губернии. В Евпатории, согласно переписи, проживал всего один раскольник, а в Феодосии их было два. Наибольшее количество, ожидаемо, находилось в северных областях губернии [13].

На территории Крыма проживало 814 раскольников, здесь также прослеживается тенденция увеличения их численности от южных уездов к северным. Значительно, в сравнении с другими городами и селами полуострова, количество сектантов в Перекопском уезде — 560 человек, и на территории Севастопольского градоначальства — 57 человек.

Согласно информации, полученной из Всероссийской переписи, проведённой в 1897 г., общее количество сектантов в Таврической губернии было 12 944 человека, что составляло 1,21% от общего числа православного населения. По гендерному признаку распределение почти равномерное: 6511 мужчин и 6433 женщины.

Из указанного количества людей 1711 при переписи не указали, к какой конкретно конфессии принадлежат. Также известно, что часть из них относилась к старообрядцам: 702 человека поповцы, 925 беспоповцев. Таким образом, можно определить, что сектантов интересующих нас сект насчитывалось 9569 человек, абсолютное большинство из которых (9434 человека: 4805 мужчин и 4729 женщин) относили себя к конфессиям рационалистического толка, и только 35 мужчин к представителям сект мистических направлений (вероятно, к ним относится и часть из не указавших конфессию).

Более подробное деление на конфессии также предоставлено в материалах переписи. Из них известно, что духоборцами на конец XIX в. в Таврической губернии называли себя 8 человек (5 мужчин и 3 женщины), молоканами различных толков — 8544 человека (4296 мужчин и 4248 женщин), штундистами — 982 человека (504 мужчины и 478 женщин). Среди представителей сект мистической направленности распределение не выяснено. Известно, что всего отнесли себя к таковым 35 мужчин, среди которых не было скопцов.

Известно, что Таврическая губерния на конец XIX в. состояла из 8 уездов. Ниже рассмотрим распределение сектантов различных сект по уездам.

Наиболее многочисленные общины сектантов располагались в северных уездах губернии — Бердянском, Перекопском и Мелитопольском. В Бердянском уезде их общее количество составило

7931 человек (3950 мужчин и 3981 женщина). Из них 8 мужчин принадлежали к сектам мистического толка, остальные — рационалистического. Значительно отставал бывший на втором месте по количеству сектантов Перекопский уезд. В нем насчитывалось 667 сектантов-рационалистов — 324 мужчины и 343 женщины. Мелитопольский уезд отличается наибольшим количеством сектантов мистического толка — 27 мужчин. Рационалистические секты здесь посещали 453 человека: 258 мужчин и 195 женщин. В Евпаторийском уезде проживали 241 представитель рационалистических сект: 110 мужчин и 131 женщина. В Симферопольском уезде сектантов 135 человек: 103 мужчины и 32 женщины. Менее всего сектантство было распространено в Днепровском (37 мужчин и 38 женщин), Феодосийском (25 мужчин и 7 женщин) и Ялтинском (6 мужчин, 2 женщины) уездах [19].

Можно сделать несколько выводов относительно количества и распределения сектантов в Таврической губернии:

Наибольшее количество представителей сектантских учений проживало в северных уездах губернии (Мелитопольский и Бердянский уезды). Соответственно, на территории Крымского полуострова наибольшее количество сектантов известно в Перекопском уезде, менее всего — на Южном берегу Крыма.

Представители сект, по большей части, проживали в сельских местностях. В городах они на протяжении всего исследуемого периода немногочисленны.

Самыми распространенными сектантскими течениями были духоборы и молокане. Они же были наиболее ранними из известных сект на территории губернии.

Литература

1. Бонч-Бруевич В. Д. Из мира сектантов: сборник статей. — Москва: ГИЗ, 1922. — 330 с.
2. Булгаков С.В. Справочник по ересьям, сектам и расколам. — М.: Современник, 1994. — 164 с.
3. Гермоген. Таврическая епархия. — Псков: Тип. губ. правления, 1887. — 520 с.
4. Животная книга духоборцев / сост. В.Д. Бонч-Бруевич. — СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909. — 327 с.
5. Заметка о штундистах // Таврические епархиальные ведомости. — 1878. — № 10. — С. 426–431.

6. Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
7. Корсаков В.В. Молокане: из заметок земского врача. Ч.1-2. – Русский вестник. – 1880. – С. 849–885, 738–773.
8. Маргаритов С. Д. История русских мистических и рационалистических сект. – Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1910. – 228 с.
9. Марьяновское исповедание // Таврические епархиальные ведомости. – 1875. – № 9. – С. 281–293.
10. Морозов И. П. Молокане. – М.; Л.: ОГИЗ – Московский рабочий, 1931. – 143 с.
11. Мочульский П. Экспертиза по делу о скопцах, разбиравшемся в г. Мелитополе в сентябре месяце сего 1876 года // Таврические епархиальные ведомости. – 1876. – № 23. – С. 720–749.
12. Новицкий, О. Духоборцы. Их история и вероучение. – Киев, 1882. – 282 с.
13. Памятная книга Таврической губернии / ред. К.А. Вернер. – Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1889. – С. 8–9.
14. Памятная книга Таврической губернии / ред. К.В. Ханацкий. – Симферополь: Таврич. статкомитет, 1867. – 519 с.
15. Песни русских сектантов-мистиков / сост. Т.С. Рождественская, М.И. Успенский. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1912. – 871 с.
16. Попов И. А. Рассказы из истории духоборцев. – Екатеринбург, 1990. – 156 с.
17. Родионов М. К. Статистико-хронологикоисторическое описание Таврической епархии: общий и частный обзор. – Симферополь: Типография С. Спиро, 1872. – 269 с.
18. Рождественский А. Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX столетия. – Казань: Центральная типография, 1900. – 510 с.
19. Секта шалопутов в Крыму // Таврические епархиальные ведомости. – 1881. – № 16. – С. 812.
20. Цельцов М. О делении русских сект на рационалистические и мистические // Миссионерское обозрение. – Киев, 1902. – № 3. – С. 421–432.

Т. Ю. Варламова

ИГРЫ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ: ВОСПИТАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ, РАЗВИТИЕ

T. Y. Varlamova

GAMES IN THE RUSSIAN TRADITION: EDUCATION, TRAINING, DEVELOPMENT

Аннотация. Статья посвящена игре в русской традиции, ее ценностным свойствам и необходимости возрождения.

Ключевые слова: игры, традиции, развитие.

Annotation. The article is devoted to the game in the Russian tradition, its value properties and the need for revival.

Keywords: games, traditions, development.

В игре да в дороге
людей узнают.

(Русская пословица)

Игровая культура сопровождает человека с незапамятных времен. Она важна и для ребенка, и для взрослого. Игра помогает познавать мир и самих себя, тренирует память, развивает воображение, высвечивает добродетели и пороки участников, учит проявлять любовь, доброту, благоразумие, честность, справедливость, терпение, выносливость, храбрость, великодушие, готовность прийти на помощь, жертвенность и другие нравственные качества.

Игру в русской народной культуре исследовали ученые из разных сфер деятельности: фольклористы, этнографы, педагоги, врачи, психологи. Среди них В. П. Аникин, А. В. Балов, Т. А. Бернштам, Г. С. Виноградов, А. И. Вишневский, В. И. Даль, Д. К. Зеленин, О. И. Капица, И. А. Морозов, Е. А. Покровский, И. С. Слепцова, А. В. Терещенко, И. И. Шангина. Сейчас считается, что для современной России характерно существенное сокращение количества

времени, которое дети тратят на подвижные игры, занятия спортом и непосредственное общение со сверстниками в пользу времени, проведенного за компьютерными играми или перед экраном телевизора [2, с. 157]. Компьютерные игры имеют положительные и отрицательные стороны. С их помощью можно углублять знания по тому или иному предмету. Но чрезмерное пребывание в виртуальном пространстве может привести к отрицательным последствиям, таким как неумение выразить мысль словами, нарушение темпа письменной речи; может привести к компьютерной зависимости, которая проявляется в раздражительности, агрессии, потере контроля над временем, неумению выстраивать социальные связи.

В традиционной культуре к игре также могли относиться как к чему-то нежелательному. Игра осознавалась и как действие, приносящее благо, и как нечто сулящее несчастья, например, азартные игры [4, с. 381]. Такие игры порицались. Отношение к ним отражено в пословицах: *играй, да не заигрывайся; играй, играй, да дело знай*.

Что же такое игра в народном сознании? Народные игры включают в себя как подвижные, хороводные, круговые, так и игры без строгих правил и со слабо выраженным игровым сюжетом: пляски, забавы, состязания в ловкости и силе. К играм близки также увеселения в составе обрядов, народных праздников и гуляний, ряжение, подшучивание и розыгрыши, заигрывание, озорство, языковая игра [4, с. 300].

У всех народов мира игры имели ясное значение. Они воспитывали разные умения и добродетели, сопровождали человека с пеленок до старости, помогали развитию. В игре обучение и воспитание происходит естественным образом. Игра раскрывает характер участника, его мировоззрение, систему ценностей, идеалы. В игре дети учатся оценивать свои действия, решать жизненные задачи, управлять своим поведением, развивают нравственные качества, эстетический вкус.

На Руси игровая деятельность была тесно связана с календарным временем и активизировалась в «переходных точках» года — солнцеворотах, обозначавших сакральное время. Для каждого календарного периода были свои игры, помогавшие подготовиться душой к новой «странице» года. Игрового разнообразия хватало на праздники и будни всех возрастов. Праздничные приготовления, игры, хороводы позволяли ощутить себя частью огромного мира и огромной семьи — человечества.

Для самых маленьких в народной культуре были *пестушки, потешки, прибаутки*. Первыми играми, в которых ребенок еще не участвовал, но мог только воспринимать происходящее, были пестушки. Это короткие стишки и песенки, сопровождающие физические движения, способствующие развитию ребенка. Благодаря пестушкам малыш привыкал к ласковому материнскому голосу, чувствовал заботливые прикосновения ее рук. Свое название пестушки и потешки получили от слов «пестовать», «тешить». Термин «пестун» равнозначен более позднему «воспитатель», он встречается на страницах русских летописей. Одна из распространенных забав с малышами — подбрасывание их на руках и качание на коленях под пестушки.

Потешки — короткие стишки и песенки под игровые движения. Назначение потешки — развеселить ребенка [1, с. 68]. С *колыбельными песнями* малыш открывает новый мир, звуки родной речи, музыкальное восприятие мира. Колыбельная песня не рассчитана на постороннего слушателя, и это придает ей особую сердечность. В них раскрывается внутренний мир матери. Исполнение колыбельных песен имеет свои особенности: негромкость, нежность, эмоциональность, ритмичность. Глубокий нравственный смысл колыбельных песен часто является фундаментом, на котором строится эстетический мир ребёнка [1, с. 68]. Элемент игры присутствует и в исполнении колыбельной. Первая обязанность матери — создать условия для спокойного сна ребенка. Народная фантазия наложила эти функции на персонифицированные образы — Сон, Дрему и кота, их помощника. Считается, что мурлыканье кота убаюкивает ребенка, что и сделало его популярным героем колыбельных песен [1, с. 68].

К игре можно отнести и традицию любования, к которой общались с младенчества. Предметом любования могла быть яркая лоскутная кукла, подвешенная к колыбели; она же выполняла функцию оберега. Изучение того, чем играл ребенок в ту или другую эпоху, может бросить яркий свет на всю педагогическую систему [5, с. 11]. Игрушка в народной культуре — миниатюрное воспроизведение в глине, дереве, соломе, текстиле и других материалах антропоморфных и зооморфных прообразов, предметов быта, а также самостоятельные игровые абстрактные предметы (погремушки, мячики и т. п.). Считалось, что игрушка — результат профанизации некоторых сакрально-ритуальных предметов дохристианской эпохи, таких как глиняные фигурки женщин и животных, обнаружен-

ные археологами в сакральных, жертвенных местах: углы жилища, очаг, печи для хлеба, святилища, погребения. Свистульки известны с X в. Функция игрушки: игровая, магическая, воспитательно-образовательная. Игрушка также служила украшением жилища [3, с. 378]. Пост порождал особую игрушку — съедобную, сладкую, например, пряник. Вязьма, Тула, Тверь доставляли этот товар в Москву [5, с. 94].

Огромное значение для детей младшего возраста имели игры на развитие речи. Ребят учили правильному произношению звуков животных и птиц, затем переходили к скороговоркам. Детские игры на быстрое произношение становились источником юмора, смеха, веселья. Определить, кто начнет игру, помогали считалки. Они же привлекали к активности или приучали соблюдать очередь тех, кто всегда любит быть первым. Смысл в считалках был не столь важен, как ритм. Загадкам отводилось едва ли не первое место в воспитании умственного развития. Подбор загадок соответствовал возрасту детей и оживлял процесс познания мира.

Воспитать достойного человека — задача непростая. Наставления нужны мудрые, обычные могут отбить всю охоту к делу. Вот почему в старину так любили поучения в игровой форме — пословицы, поговорки, присказки. Тем, кому ловкости и умения не хватало, говорили: *«сделаешь раз со сто, будет просто; была бы охота, заладится и работа; делай хорошо, плохо само получится»*. Тут же учили терпению: *терпенье даёт уменье*. И о ценности дружбы подсказывали: *доброе братство милее богатства*.

Молодежные и детские игры являлись своеобразной формой социализации и основной формой общественной жизни до вступления в брак [4, с. 382]. В них преобладали подвижные игры — бег на опережение, прыжки на одной ноге до цели, бросание предметов на дальность, на точность и др. Сегодня они так же актуальны, так как дают необходимую физическую нагрузку, помогают развивать активность, быстроту реакции, способствуют общему развитию, подходят для разного количества участников. Спортивные состязания в старину проходили в присутствии большого количества зрителей, которые подбадривали участников, одобряя или порицая их действия. Подростки всегда получали от зрителей свою долю уважения, даже в случае проигрыша [6].

Игры с угадыванием и поиском в наши дни трансформировались в «квесты» и приучают ориентироваться на месте, быть внимательными, наблюдать, слушать и слышать, дружно проходить испытан-

ия, доводить начатое до конца. Если хорошо продумать такую игру, то можно участников познакомить с той или иной местностью, ее историческими особенностями.

Женские и девичьи развлечения и игры часто были связаны с ремеслом: прядением льна, вязанием, вышиванием, ткачеством [4, с. 382]. Это большой задел в воспитании аккуратности, внимания, кротости, внутренней чистоты.

Мужские игры и игры взрослых с детьми имели соревновательно-испытательный характер [4, с. 382]. Задача была не в том, чтобы стать лучше всех, а в том, чтобы проявить лучшие свои качества.

Игра ценна тем, что приучает учиться и помогает раскрывать мир и раскрываться; приучает следовать правилам, *достойно выигрывать и достойно проигрывать, уметь радоваться за других. Универсальный замысел игры — победа над собой*. Положительный заряд, который дает игра — это тот самый «порох в пороховницах», благодаря которому нам все по плечу. В народном сознании этот заряд радости, бодрости, счастья умножал здоровье и благополучие, необходим был не только человеку, но и земле-матушке и всей природе.

Игровая культура XXI в. очень страдает от недостатка живого общения, созидательной силы, возможности быть вместе и глубже узнавать самих себя и друг друга, создавать узы. И все же выбор всегда есть — что читать, во что играть. Подспорьем в воспитании, обучении и развитии современного подрастающего поколения могут стать старые добрые игры русской традиции: жмурки, колечко, салки, горелки, казаки-разбойники, чехарда и др. Они сближают, дарят радость, положительно влияют как на физическое, так и на душевное состояние человека. Ценность семейной игровой деятельности состоит в том, что она формирует в детях основы гармоничных отношений и дарит ощущение защищенности на многие годы вперед.

Изучение русской народной культуры всегда целительно и имеет огромное значение. По словам В. И. Ситникова, «прогрессивно мыслящая часть общества всегда выступала за сохранение народного культурного наследия, за включение его в жизнь современников, за преемственное развитие культуры. Основанием такой позиции является понимание значимости для поддержания жизнеспособности человечества той системы ценностных представлений, которая отражена в традиционной народной культуре» [3]. Именно «в обеспечении возможности идентифицировать себя

с великим народом, с его высокой духовностью видится сегодня одно из фундаментальных значений фольклора» [3]. Поэтому так важно собирать по крупицам материалы, связанные с традиционными играми разных регионов и способствовать распространению их в школьной среде, музейной педагогике, центрах творческого развития и в семейной среде.

Литература

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / // сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. – М.: Педагогика, 1985. – 363 с.
2. Буркова В. Н., Бутовская М. Л., Компьютерные игры и проблемы агрессивного поведения молодежи. Личность: игра и реальность / сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова); отв. ред. М. Л. Бутовская. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 336 с.
3. Ситников В. И. Роль фольклора в современной культуре России // Фольклор в современной культуре: материалы научно-практической конференции – Тверь: СФК–офис, 2010. – С. 6-17.
4. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 2. – 656 с.
5. Церетели Н. Русская крестьянская игрушка. – Academia, 1933. – 249 с.
6. Шангина И. И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 293 с.

О. Б. Гайворонская

ФОЛЬКЛОР БОЛГАР КРЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

O. B. Gaivoronskaya

FOLKLORE OF THE BULGARIANS OF CRIMEA (BASED ON FIELD RESEARCH MATERIALS)

Аннотация. В статье освещается тема песенного и поэтического фольклора крымских болгар с. Кабурчак (ныне с. Мичуринское Белогорского района). В научный оборот вводятся ранее неопубликованные материалы.

Ключевые слова: фольклор, песня, праздники.

Annotation. The article covers the topic of song and poetic folklore of the Crimean Bulgarians of the village of Kaburchak (now the village of Michurinskoye in the Belogorsk region). Previously unpublished materials are introduced into scientific circulation.

Key words: folklore, song, holidays.

Крым — уникальный уголок России, который всегда привлекал внимание разных народов. Более 220 лет назад на полуостров стали массово переселяться болгары. Крымская земля стала для них второй родиной. Вместе с болгарскими в Крыму появились традиционные болгарские праздники, обряды, часто сопровождавшиеся танцами и песнями.

Наиболее ярко фольклорное наследие болгар Крыма прослеживается в народных песнях. К сожалению, исполнителей старинных болгарских песен долгие годы не записывали, что связано с историческими событиями: революциями, войнами, депортацией, которая нанесла сокрушающий удар не только по судьбам болгар, но и по их народному творчеству. Сейчас возможна запись лишь фрагментов большого песенного наследия крымских болгар конца XIX – начала XX вв., которое необходимо сохранить.

В 2013 г. в гостях у Галины Ивановны Поповой, 1923 года рождения, жительницы г. Симферополь, хранительницы и исполнительницы народных болгарских песен, научными сотрудниками Крымского этнографического музея Ольгой Борисовной Гайворонской и Ириной Владимировной Спириной была сделана видеозапись.

Попова Галина Ивановна, уроженка села Кабурчак, ныне с. Мичуринское Белогорского района Республики Крым. В 1862–1865 гг. малоземельные болгары из села Кишлав Феодосийского уезда начали переселяться на хутор Кабурчак [2, с. 54]. О своем детстве Галина Ивановна вспоминает так: «Родилась я в селе Кабурчак в долине реки Кучук-Карасу. Здесь жили люди разных национальностей, но большинство болгары. Это были переселенцы из села Кишлав Феодосийского уезда, которые большей частью безземельные. Это было в 60-х годах XIX века. В селе занимались овцеводством, огородничеством, табаководством, сажали пшеницу. А какие были в Кабурчаке сады! Помню, собирала с сестрами в колхозном саду яблоки Кандиль, Синап, Шафран, Розмарин, Бумажный ранет. Какие это вкусные были яблоки! Еще рос виноград, его собирали для еды и также делали сухое вино. Наша семья была большая, у мамы нас было пятеро — все девчонки и один мальчик. Сколько помню, родители много трудились: мама по дому и в колхозе, папа был пчеловод. Держали 20 ульев и за пчелами нужен был уход. Отец и меня научил окуривать ульи из «дымаря»».

Галина Ивановна рассказала о том, что ее бабушка лечила людей заговорами на болгарском языке, один из которых (от сглаза) она нам произнесла.

Всякая песня у крымских болгар исполнялась при определенных обстоятельствах и строго в определенное время. Одни песни исполнялись на Коляду (Рождество), другие — на Велидень (Пасху) и т.д. [6, с. 4].

Праздники — священные дни, во время которых нельзя было работать, и нужно было совершать определенную церемонию или обряд с жертвоприношением или торжественной трапезой [4, с. 94]. Особенностью праздников у болгар Крыма было проведение в Храмовые праздники курбанов. В эти дни обязательно из барашка приготавливали различные блюда, угощали родных и знакомых, устраивали общественный обед, который сопровождался песнями и танцами на церковной площади [1, с. 20].

В болгарских селах были специальные исполнители песен — «песнопойците», обладающие прекрасными вокальными данными, а также любители песен, обладающие музыкальным слухом и хорошей памятью, так как болгарские старинные песни многокуплетные [3, с. 51].

Галина Ивановна Попова относится к любителям песен, запомнив с детства некоторые песни своего родного села Кабурчак. Вернувшись в Крым из депортации, часто пела их на народных болгарских праздниках. Она рассказала нам, как готовились парни — «колядарци» в селе Кабурчак, разучивая колядки к Рождеству. Галина Ивановна спела нам песню — колядку, которую исполняли «колядарци», когда шли на Рождество по селу от дома к дому:

Отури тя златни врати,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня.

Че ви идат добри госкя,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня.

Добри госкя – колядарци!
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

Та ви носят добър хабер
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

Добър хабеър ут Госпудя
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня.

Крави ви се растелили,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

В сряде зима без телилу,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

Коня ви са раздребили,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,
В сряде зима без здрябилу,

Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,
Овця ви са раз,егнили,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

В сряде зима без ягнилу,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

Свиня ви са разпрасили,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня,

В сряде зима без прасилу,
Стани, стани, Нине,
Младу гусподиня.

Песня легендарная «Пуфали съ Босна — юнак» исполнялась также на Коляду (Рождество). В ней поется о том, как юноша поспорил с Солнцем, что на своем быстром коне объедет вокруг Земли быстрее, чем это сделает Солнце. В награду за победу он просит в жены сестру Солнца — Месячину-Янгелину. В песне прославляется смелость юноши, который победил в соревновании Солнце:

Пуфали съ Босна-юнак

Пуфали съ Босна-юнак, Коляда-ле
Ча са има бърза коня, Коляда-ле
Бърза коня,лясту грива, Коляда-ле
За день земя убихождат, Коляда-ле
За день земя обихождат, Коляда-ле
И пак вечер дом духождат, Коляда-ле
И пак вечер дом духождат, Коляда-ле
Та думоват и наштеват, Коляда-ле

Де го зачу ясно слънце, Коляда-ле
Той му тихом отговоря, Коляда-ле
Де да дойдя, Босна-юнак, Коляда-ле
Да се облог обложиме, Коляда-ле
Обложиме да трегняме, Коляда-ле
И ако си ме ходнадходишь, Коляда-ле
Ще ми земеш милна сестра, Коляда-ле
Милна сестра Месячина, Коляда-ле
Месячина-Янгелина, Коляда-ле
Като тебя ход надходя, Коляда-ле
Ще ти зема бърза коня, Коляда-ле
Бърза коня лястогрива, Коляда-ле
И се облог обложиха, Коляда-ле
Обложиха и трегнаха, Коляда-ле
Доде слънце на прогима, Коляда-ле
Босна-юнак на планина, Коляда-ле
Доде слънце на планина, Коляда-ле
Босна-юнак на вечеря, Коляда-ле
По слънцови равни дори, Коляда-ле
Босна-юнак конь расхода, Коляда-ле
И го срешна Месячина, Коляда-ле
Месячина-Янгелина, Коляда-ле
И си братом йотговоря, Коляда-ле
Ко ти сторих,шу ти сторих, Коляда-ле
Та мя даваш на Ювана, Коляда-ле
На Ювана, на чобана, Коляда-ле.

Одним из главных праздников болгар Крыма был Новый год — «Сурва». Главным блюдом был пирог «кубетэ» с сюрпризом. В него хозяйка клала монету на счастье и веточки кизила, символизирующие домашних животных. Количество предметов соответствовало количеству членов семьи. Пирог разрезал старший в семье и каждый брал по куску пирога, где был для него сюрприз [5, с. 102]. По улицам села ходили парни — подростки — «сурваря» с «сурвами» — ветками кизила, украшенными кусочками овечьей шерсти, семенами тыквы, кукурузы, блёстками и т.п. Галина Ивановна рассказала нам стихотворение, которое произносили парни, заходя к хозяевам в дома на праздник «Сурва» — Новый год:

Сурва, сурва гудина
Весела гудина!
Длег клас на нива,
Църну грозга на лозя,
Цървена ябълка в градина!
Сурва, здрава, веселя гудина
Да стя здрави духамина
Пак ду гудина!

Великим праздником крымских болгар была Пасха — «Велиден». В этот день многие шли поздравить своих родственников, кумовьев и друзей. Входя в дом, обычно говорили: «Христос възкресе!». Им отвечали: «Наистина възкресе!» [7, с. 140]. Одну из традиционных для ее родного села Кабурчак пасхальных песен Галина Ивановна нам спела так:

Виду, штеру

Виду, штеру, Виду
Разбулеса Вида,
Разбулеса Вида
Вида на Вяликден

Майка хи я пита,
Пита распитова
Виду штеру, Виду
Думаша тя пиитам.

Думаша тя пиитам
Праву да ми кажешъ,
Праву ешь пуправу
Да ня мя излъжешъ.

Да ня мя излъжешъ
Ут ком болна ляжишь?
Маю, милна маю
Лежа тай умирам.

Лежа тай умирам
Ут тешката боляс,
Ут тешката боляс
Ут юначка драгус.

Куга Вида умре,
Да няя турите
Да няя турите
На стару грубиштя.

Ми да я туритя
На пъть на кръсту пъть,
На пъть на кръсту пъть,
Дету Иван ходи.

Дету Иван ходи,
Сиву стаду пъсе,
Сиву стаду пъсе
С медян къвал свири.

С медян къвал свири,
Къвалат гуворя,
Къвалат гуворя реки Кучук-Карасу
Стани Виду, да пом.

Стани Виду да пом
С моми за ягоди,
С моми за ягоди,
С момцы за планница.

Это песня о несчастной любви девушки Виды к пастуху Ивану, о чем она рассказывает матери. Она умирает от любви и просит похоронить ее там, где пасет овец ее возлюбленный, который играет на пастушьей свирели.

У крымских болгар очень много песен о несчастной любви. Так, например, песня «Ой, варай, варай, мале» о том, что парень просит мать скорее сосватать ему девушку, которая не берет от него никакие подарки и даже не хочет с ним разговаривать.

Ой, варай, варай, Мале

Ой, варай, варай, мале,
Дано праваришь
Дано праваришь, мале,
Да мя углавишь.

За тва мумиче, мале,
За тва румянче,
Дету налива, мале,
Ут извор вода.

Ке тя налива, мале,
Я, я разливам.
Ке ня ми дума, мале,
Я ня хи думам.

Алтън хи метнах, мале,
Дано прудума.
Ни алтън зима, Мале
Ни прудумова

Пръстянь хи метнах, мале,
Дано пуглення.
Ни пръстянь зима, мале,
Ни пугледнова.

Ой, варай, варай, мале,
Дано праваришь
Дано праваришь, мале,
Да мя углавишь.

Другая песня, которую нам исполнила Галина Ивановна «Ой, Домну» о том, что мать отдала дочь Домну за нелюбимого мужчину. Он вдовец, у него четверо детей, все мальчики. Дочь целые дни проводит в трудах, ухаживая за нелюбимым мужем и его детьми. И когда Домне говорят односельчане, что ее мать больна и умирает, то она отвечает, что мать ее сделала несчастной, и она не придет к ней.

Ой, Домну

Ой, Домну, Домну
Домну къдъну
Домну къдъну
Бяла българка.

Мари върни са
Ня върнала съ
Майка ти ляжи,
Ляжи умирам.

За вода бля
За сянка тля
Нека си бля
Нека си тля.

Нека си бля
Нека си тля.
Да мя я дала
Там дет съм штяла.

Ми мя я дала
На челян, грозен
На челян, грозен
Грозен, омразен.

Той челян има
Четири дяца
Четири деца
Все мумичета.

Все мумичета
Русуплечита.
Кой ша хи мия
Кътъ събута.

Кой ша хи мия
Кътъ събута.
Кой ша хи ми
Пяре в пунядельникат.

Народные болгарские песни, а также песни и стихи собственного сочинения Галина Ивановна Попова записывала в тетради, которые вместе с другими предметами болгарской культуры она подарила Крымскому этнографическому музею. На сегодняшний день, эти записи являются одним из источников изучения устного народного творчества болгар Крыма – важной частью духовной культуры народа.

Литература

1. Болгары Крыма в коллекции Крымского этнографического музея / сост. О.Б. Гайворонская. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 112 с.
2. Болгары Крыма. Возвращение к истокам / сост. Л.И. Радева. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. – 192 с.
3. Гайворонская О.Б. Песни болгар Крыма конца XIX – начала XX вв. // VI Таврические научные чтения: материалы конференции. – Симферополь, 2006. – С. 49-52.
4. Гайворонская О.Б. Календарные праздники крымских болгар // Культура народов Причерноморья. – 1997. - №1. – С. 94-95.
5. Носкова И.А. Крымские болгары в XIX – начале XX в. История и культура. – Симферополь: СОНАТ, 2002. – 152 с.
6. Шапошников А.К. Песни болгар Коктебеля и Даутеля. – Симферополь: Таврия, 1995. – 76 с.
7. Шапошников А.К. Старый добрый болгарский Коктебель. – Симферополь: Амена, 1999. — 294 с.

О. Б. Гайворонская

КОЛЛЕКЦИЯ ПОЛОТЕНЕЦ МАРИУПОЛЬСКИХ ГРЕКОВ В СОБРАНИИ ГБУ РК «КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ»

O. B. Gaivoronskaya

COLLECTION OF MARIUPOL GREEKS TOWELS IN THE COLLECTION OF CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Аннотация. В статье сделан обзор предметов, отражающих духовную культуру болгар Крыма конца XIX–XX вв. из собрания Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Крымский этнографический музей». В научный оборот вводятся ранее не опубликованные материалы из фондов музея.

Ключевые слова: музейная коллекция, полотенца, вышивка, ткачество.

Annotation. The article reviews the items reflecting the spiritual culture of the Bulgarians of the Crimea of the late XIX–XX centuries from the collection of the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea “Crimean Ethnographic Museum”. Previously unpublished materials from the museum’s funds are introduced into scientific circulation.

Keywords: museum collection, towels, embroidery, weaving.

В период борьбы Российской империи с турками-османами и Крымским ханством в 1778 г. крымские христиане — армяне, греки, грузины и валахи, переселились в Приазовье. Основным документом, определяющий права греков и земли для них была Жалованная грамота, составленная на основе указа Екатерины II от 21 мая 1779 г., в которой гарантировалась переселенцам десятилетняя льгота по освобождению от всех повинностей [7, С. 115]. За организацию переселения отвечали генерал-губернатор Азовский, Новороссийский и Астраханский князь Г. А. Потемкин, командующий армией в Крыму генерал А. В. Суворов и греческий митрополит Готский и Кафай-

ский Игнатий. Деятельность императрицы Екатерины II и митрополита Игнатия была направлена на то, чтобы все христиане Крыма из него были выведены. Духовенство под руководством митрополита Игнатия активно внушало христианскому населению Крыма мысль о необходимости его переселении в пределы Российской империи [4, с. 97]. С одной стороны, это расширяло зону влияния Русской православной церкви, а с другой — было вызвано необходимостью ускоренного заселения земель Приазовья и укреплению южных рубежей России [1, с. 16].

По ведомости митрополита Игнатия греки вышли из 7 городов, 55 сел и монастыря Святого великомученика Георгия [7, с. 117]. С переселением греков и армян Крымское ханство лишилось опытных и деятельных промышленников, садоводов и земледельцев [5, с. 27]. В 1780 г. на дарованных Екатериной II землях греки-переселенцы основали город Мариуполь и более 20 сел, которым для памяти дали имена крымских мест [6, с. 139].

Греческие женщины владели многими видами рукоделия: прядением, ткачеством, вязанием и вышивкой. Мифология древних греков связывает возникновение вышивки с именем греческой богини Афины Паллады, покровительницы вышивки и ткачества. Образцами для вышивки в византийский период служили богато вышитые тканые изделия Востока. Самой старой является традиция украшать дом домоткаными полотенцами, которые могли иметь разный рисунок — «чичак» (цветок), «лухтор» (петух), «гумуш» (рубль с орлом) и др. [3, с. 150].

В ГБУРК «Крымский этнографический музей» в экспозиции и фондах музея находятся тканые и вышитые полотенца мариупольских греков конца XIX — 50-х годов XX вв.

В 1994 г. в результате экспедиции в с. Доброе Симферопольского района в фонды Крымского этнографического музея поступил фрагмент (нижняя часть) домотканого полотенца конца XIX в. (105 нв) — дар семьи греков Триандофиллиди, переселенцев из г. Мариуполя. Фрагмент полотенца из льняной ткани с вышитыми по краю белой хлопчатобумажной нитью крестами на сетчатой основе. Другой край полотенца подшит вручную.

В результате двух экспедиций в 90-е годы XX в. Института востоковедения им. А. Е. Крымского (Симферополь) в Мариупольский район в фонды музея поступили два домотканых полотенца 50-х годов XX в. Первое полотенце (КП-1481, ИБ-589) льняное, прямоугольное, с тканым орнаментом в виде белых полос. По краям

вышивка в технике «крест» хлопчатобумажными нитями черного и красного цветов в виде переплетающихся веток с цветами. По узким краям полотенца пристрочено кружево белого цвета из хлопчатобумажной белой нити с волнистым краем. Второе полотенце (КП-1484, ИБ-592) льняное, прямоугольное, с тканым орнаментом в виде белых поперечных полос в центральной части и чередующихся желтых и белых полос по краям. Края обработаны ручным швом.

В 2022 г. в ГБУРК «Крымский этнографический музей» в результате закупки поступили еще девять декоративных полотенцев XIX — начала XX вв., изготовленных в семьях греков Мариупольского уезда Екатеринославской губернии: восемь с вышитым орнаментом и одно с тканым орнаментом.

Среди закупленных полотенцев мариупольских греков есть декоративное полотенце XIX — начала XX вв. (КП-9956, ИБ-5513). Полотенце прямоугольное, с бахромой из нитей основы. По основному полю вытканы горизонтальные чередующиеся белые и оранжевые полосы. Узкие края украшены вышивкой гладью металлизированной золотистой нитью и цветными хлопчатобумажными нитками: три композиции из пары петухов с шести-лепестковым цветком между ними и стилизованным цветком над ними. Под композициями зигзагообразная линия, вышитая разноцветными нитями. Размер полотенца — 112х47 см.

Образ «Древа жизни» с петухами, вышитый на полотенце, свидетельствует о сохранении традиций византийской вышивки у мариупольских греков. «Древо жизни» — символ продолжения рода, а петух — герой многих малоазийских легенд, птица, пробуждающая своим пением солнце и символ бессмертия. В мифах Древней Греции также петух был спутником многих богов: Зевса, Аполлона, Аттиса, Персефоны, Ареса, Афины, Гермеса и Эскулапа.

До сих пор живы в творчестве мариупольских гречанок византийские образы: петух и двуглавый орел. Петух у византийцев был не просто вестник, рассвета, он стал символом бессмертия, вечного возрождения, как птица Феникс.

Образ «Древа жизни» представлен на двух декоративных полотенцах конца XIX — начала XX вв., поступивших в фонды музея в результате закупки в 2022 г. На первом декоративном полотенце (КП-9962, ИБ-5519), выполненном из прямоугольной хлопчатобумажной ткани светло-бежевого цвета, по узким краям вышивка в виде стилизованных шести древ жизни и растительно-геометрической полосы. Вышивка выполнена нитями желтого, белого и голубого цве-

тов. Размер полотенца - 32х63 см. Второе декоративное полотенце (КП-9963, ИБ-5521) прямоугольное, из льняной ткани белого цвета, с кружевом бело-серого цвета с зубчатым краем. Украшено вышивкой по узким краям в виде четырех композиций из стилизованного древа жизни в вазоне с изогнутой веткой. Вышивка выполнена широкой металлизированной нитью и цветными нитями — розовой, фиолетовой, зеленой, светло-желтой. Размер 51х101см (Рис. 1).

Традиции вышивки Персии и Турции оказали влияние на вышивки византийских греков. Например, часто в тканых и вышитых полотенцах мариупольских греков встречаются розы и гвоздики. На закупленном в 2022 г. декоративном полотенце (КП-9954, ИБ-5511) из конопляной ткани бежево-серого цвета, с бахромой из нитей основы есть вышитое в технике «гладь» изображение четырех композиций, в виде несомкнутого венка с цветком гвоздики в центре.

Рис.1. КП-9963, ИБ-5521. Полотенце декоративное.
Из коллекции КЭМ

Вышивка выполнена желтыми, голубыми, зелеными, бежевыми, белыми, фиолетовыми нитями. Бахрома по краю полотенца из нитей основы. Размер полотенца — 62х109 см.

Восемь декоративных полотенцев греков из Екатеринославской губернии Мариупольского уезда XIX – начала XX вв., были закуплены в 2023 г.: одно с вышитым орнаментом и семь с тканым орнаментом. Из них наиболее интересны три полотенца. Первое декоративное полотенце (КП-10198, ИБ-5720) из льняной ткани белого цвета. Узкие края полотенца украшены узкими полосами черного цвета по белому и широкими по красному фону, а также широкой оранжевой полосой с изображением четырех стилизованных кустиков с четырехлепестковыми голубыми цветами. Второе декоративное полотенце (КП-10199, ИБ-5721) из льняной ткани белого цвета. Узкие края полотенца украшены тканой полосой стилизованного растительно-геометрического орнамента из трех-лепестковых цветов гвоздики сине-красного цвета с серединами оранжевого цвета — косой крест из стеблей гвоздик. Вдоль узких краев полоса мережки. Узкие края обшиты синей нитью и украшены круглыми металлическими пайетками. Третье декоративное полотенце (КП-10203, ИБ-5725) из хлопчатобумажной ткани белого цвета, по узким краям украшено вышивкой: три мотива в виде изогнутой ветви с тремя цветами — два распустившихся и бутон, ниже полоса геометрического орнамента в виде соединенных между собой ромбов. Вышивка выполнена шелковыми нитями бежевого цвета и металлизированными нитями.

В 2024 г. в ГБУРК «Крымский этнографический музей» в результате закупки поступили десять декоративных полотенцев второй половины XIX – начала XX вв., изготовленных в семьях греков Мариупольского уезда Екатеринославской губернии: пять тканых и пять вышитых. Наибольший интерес представляют некоторые из них. Например, фрагмент декоративного полотенца (КП-10351, ИБ-5859) из льняной ткани белого цвета с двумя вышитыми в технике «гладь» композициями: «Древо жизни» с тремя крестами и стилизованной растительной полосой. Нити вышивки бордового, фиолетового, бирюзового и малинового цвета. Размер — 22х40,5 см. Вышитое в технике «гладь» декоративное полотенце (КП-10477, ИБ-5972) из льняной ткани белого цвета, с бахромой вдоль узких краёв. Украшено тремя вышитыми композициями в виде цветка в полукруге с бутончиками вокруг. Нити вышивки белые, голубые и металлизированная нить. Размер — 43х92 см. Мастерство гречанок-ткачих Екатери-

нославской губернии Мариупольского уезда представлено несколькими декоративными полотенцами. Первое декоративное полотенце (КП-10354, ИБ-5862) из льняной ткани белого цвета, с бахромой из нитей основы и разноцветными кистями по узким краям. Украшено тканым узором в виде широкой горизонтальной полосы с геометризированными красно-синими цветами. Размер — 28x85 см.

Сочетание темно-синего и темно-красного цвета в ткачестве и вышивке было характерно для жителей острова Крит. Второе декоративное полотенце (КП-10475, ИБ-5973) из хлопчатобумажной ткани белого цвета, с бахромой из нитей основы по узким краям. Украшено тканым узором в виде чередующихся узких полос синего и красного цвета, полос с серебристой металлизированной нитью и трёх полос с разноцветными геометрическими узорами синего, красного, зеленого, желтого, розового цвета. Размер — 37x81 см. Третье полотенце (КП-10476, ИБ-5974) из хлопчатобумажной ткани белого цвета, с кистями розового и зеленого цвета по узким краям. Украшено тканым узором в виде узких полос синего цвета, полос красного цвета с металлизированной нитью серебристого цвета внутри и широкой полосы с фиолетовыми и желтыми геометризованными четырёхлепестковыми цветами с металлизированной нитью. Размер — 44x87 см (Рис. 2).

Декоративные полотенца, привезенные из греческих поселений Приазовья, представляют собой яркий пример мастерства вышивки и ткачества мариупольских гречанок. Мотивы вышивок и тканых изделий, их расположение свидетельствуют о продолжении тради-

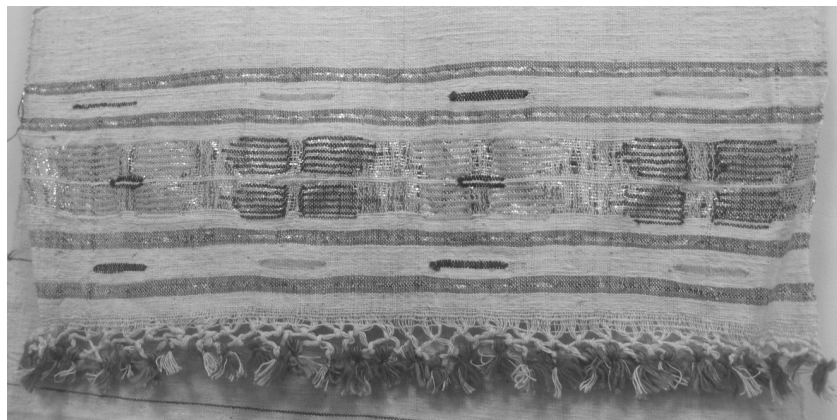

Рис. 2. КП-10476, ИБ-5974. Полотенце декоративное. Из коллекции КЭМ

ций вышивки и ткачества греков Балканского полуострова и островов Средиземноморья в XVIII – начале XX вв.

В вышивках XVIII – начала XX вв. гречанок Мариупольского уезда встречались сочетания в вышивке одного изделия разных техник: «строчка», «гладь», тамбурный шов и др. Вышивки и тканые орнаменты мариупольских греков во второй половине XX уже упрощаются, в основном для вышивки используются две техники «крест» и «гладь». К сожалению, как указывает исследователь культуры греков Приазовья М. А. Араджиони, традиционная вышивка у мариупольских гречанок практически утрачена, но в некоторых селах еще сохранились традиции ткачества [2, с. 60].

Данная коллекция полотенцев мариупольских греков стала достойным пополнением фондов музея. В настоящее время часть коллекции представлена в экспозиции Крымского этнографического музея. Полотенца мариупольских греков будут интересны для этнографов, историков, краеведов, мастеров декоративно-прикладного искусства, изучающих культуру средневековых греков Крыма.

Литература

1. Анимиаца Е.Г. Исход крымских христиан в Россию в XVIII в. // Труды Таврической духовной семинарии: сборник трудов. - Симферополь: ИТ» АРИАЛ», 2021. – Вып.1. – С. 5 -34.
2. Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. - 90-е гг. XX в.). – Симферополь: Издательский Дом «Амена», 1999. – 132 с.
3. Джуха И.Г. Одиссея мариупольских греков: очерки истории. – Вологда: «ЛиС», 1993. – 160 с.
4. Кесмеджи П.А. Греки Крыма. – Симферополь: Издательский Дом «АМЕНА», 1996. – 132 с.
5. Кузьминков Л.В., Хачхарджи К.А. К переселению крымских греков в Россию // Сквозь века / сост. Н.В. Николаенко. – Симферополь, 1995. – Вып.1. – С. 24-32
6. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731-1823 гг. – Одесса, 1836. – 267 с.
7. Ходеев Ф.П. Переселение греков из Крыма в Новороссию в XVIII в. // Вопросы истории. – 2009. – № 6. – С. 113-127.

Л. Н. Гармаш

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ДЕКОРАТИВНЫХ ВЫШИТЫХ ПОЛОТЕНЕЦ
ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ В СОБРАНИИ
ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

L. N. Garmash

**ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF DECORATIVE
EMBROIDERED TOWELS OF THE AZOV SEA
GREEKS IN THE COLLECTION OF THE DONETSK
REPUBLICAN MUSEUM OF LOCAL LORE**

***Аннотация.** Статья посвящена истории формирования музейной коллекции декоративных вышитых тканей греков Приазовья, происхождению традиций изготовления и способов использования их в быту, взаимовлиянию эстетических канонов греков и татар Крымского полуострова.*

***Ключевые слова:** румеи и урумы, крымские и приазовские греки, этнографическая коллекция, крымско-татарская вышивка, техники вышивания, технология ткачества, орнамент.*

***Annotation.** The article is devoted to the history of the formation of the museum collection of decorative embroidered fabrics of the Greeks of the Azov region, the origin of the traditions of manufacturing and ways of using them in the everyday life, the mutual influence of the aesthetic canons of the Greeks and Tatars of the Crimean Peninsula.*

***Keywords:** Rumei and Urums, Crimean and Azov Greeks ethnographic collection, Crimean Tatar embroidery, embroidery techniques, weaving technology, ornament.*

Вышедшие из Крыма в конце XVIII в. греки, основав поселения в Приазовье, оказались в иных условиях природопользования и приобрели новые навыки хозяйствования. В новых условиях проживания формировалась и новая этническая общность, получившая

название мариупольские или донецкие греки, греки Приазовья [4]. В ДРКМ сформировалась уникальная коллекция, отображающая материальную и духовную культуру некогда замкнутой этнической общности греков Приазовья, которая сохранила свою этническую самобытность до сих пор во многом благодаря национальному самосознанию, вере и традициям.

Формирование коллекции началось еще в конце XIX в. в результате собирательской деятельности педагогов и учеников Александровской мужской гимназии города Мариуполя под руководством директора Григория Ивановича Тимошевского, авторитетного историка, члена Императорского Московского археологического общества, почетного члена Ростовского музея церковных старожитностей, действительного члена Екатеринославской научной архивной комиссии. Итогом этой деятельности стало создание историко-церковного археологического музея при гимназии, а также коллективный труд «Мариуполь и его окрестности», вышедший в 1892 г. [7].

В 20-х годах XX века, благодаря активности ученого-краеведа И. П. Коваленко и его сподвижников, коллекция музея Александровской гимназии Мариуполя стала основой фондов организованного им Мариупольского музея краеведения. В 1926 г. постановлением Президиума ВУЦИК в музее создан греческий отдел, который получал из средств Народного комиссариата просвещения УССР ежегодную целевую субсидию в размере 3 тыс. руб. на изучение этнографии греков [3]. Удивительно, но в 1920-е гг., когда повсюду была разруха, голод, неустроенность, только начинается социалистическое строительство, создается музей и финансируются этнографические экспедиции!

Греческий отдел Мариупольского музея краеведения ежегодно приобретал у населения старинные предметы быта и одежды, а также ковры и покрывала новой выработки. В материалах экспедиций отмечено, что в с. Раздольное Старобешевского района проживали самые искусные мастера по ковроткачеству. В период 1925–1933-е гг. были организованы и проведены 12 экспедиций [3].

Интерес к культурам национальных меньшинств соответствовал политике коренизации, которая проводилась в 1920-е гг. Советской властью в национальных районах. Ее целью стало «исправление» проводимой царской Россией политики насильственной русификации, усиление доверия этнических меньшинств к Советской власти. Апофеозом стала выставка достижений национальной политики в Украине, организованная в Харькове и приуроченная к IV сессии ВУЦИК в

1928 г. Греческая экспозиция представлена Мариупольским музеем из более чем 200 экспонатов [3]. Параллельно с Мариупольским музеем исследованием материальной культуры греков занимались специалисты Сталинского окружного музея (ныне Донецкий республиканский краеведческий музей) и музея села Стыла. Собранные ими материалы и фототека были переданы в фонды Мариупольского музея [7].

Во время Второй мировой войны большая часть инвентарных книг с описанием экспонатов греческой коллекции была утрачена. В результате, когда в 1954 г. часть «греческой» коллекции Мариупольского музея была передана в фонды Сталинского краеведческого музея, большая часть коллекции оказалась неатрибутированной.

В 1980-90 годах в результате этнографических экспедиций Донецкого краеведческого музея «греческая» коллекции музея пополнилась новыми предметами, были атрибутированы и некоторые ранее поступившие предметы. Так, например, все полотенца, которые поступили из Мариупольского музея в 1954 г., были определены как «полотенце (рушник) для украшения греческой хаты». В ходе экспедиций некоторые детали использования полотенец были уточнены. Выяснилось, например, что несмотря на их декоративный характер, они носили также и утилитарный характер, например, длинные полотенца (открытие!) применяли как головной убор и называли перифтарами.

В 1990-х в Донецком краеведческом музее создается отдел этнографии и экспозиция «Национальная палитра Донбасса XVIII – начала XX в.», в которой значительное место отведено третьей по численности национальности края – грекам Приазовья. В музейной коллекции тканей особое место занимают греческая коллекция декоративных вышитых полотенец. «Греческие» полотенца отличаются от традиционной украинской и русской вышивки качеством ткани, цветовой гаммой, стилистикой.

Декоративное назначение греческих полотенец, которые использовались для украшения интерьера греческого жилища, было подтверждено информацией, собранной во время экспедиции в Великоновоселковском районе в 1989 г. Установлено, в частности, что вышитые полотенца, которые назывались «мандыль» (урум. «явлух») вешали на иконы, фотографии, зеркала. Для украшения стен использовались и короткие полотенца; их вешали лесенкой, чтоб оба вышитых края были видны. Поскольку в вышивках применяли двустороннюю гладь, изнанка выглядела также декоративно, как и лицевая часть. Информация подтверждена респондентами в с. Урзуф Мангушского района [6].

При визуальном осмотре музейной коллекции «греческих» вышитых декоративных тканей обнаруживаются явные аналогии в основных мотивах и техниках вышивки с изделиями крымских татар. По стилистике эта группа тканей идентична декоративным тканям крымских татар, хранящихся в коллекциях музеев Бахчисарая, Ялты и Симферополя [2]. По-видимому, между этносами, долгое время соседствующими друг с другом, происходило заимствование навыков, обычаев и других элементов культуры. На протяжении веков тесное взаимовлияние народов, проживавших на Крымском полуострове, привело к формированию целой культурной провинции, в которой между народами различного происхождения и разной языковой принадлежности в результате многолинейных связей и исторических обстоятельств сложился единый культурный комплекс [4]. «Действительно, в XVIII в. образ жизни греков и татар уже почти ничем не отличался. Общественный и семейный быт греков в значительной мере утратил свою первоначальную форму. Татарскими были пища, хозяйственный уклад». Только религия явилась тем цементом, который позволил грекам сохранить свою этническую идентичность [5].

Возможно, визуальное сходство «греческих» и крымско-татарских вышитых полотенец, дает основание отнести их к общей крымской традиции. Любопытно, что полотенца, которые использовались для украшения интерьера, у крымских татар имели и утилитарное назначение. В оформлении интерьера крымских татар доминировали полотенца для рук «эльбез», для лица «юзбез», для украшения полок «кыбырыз», специальные платки «явлук», а также обрядовые свадебные полотенца. В полотенцах использовали по назначению только середину, так как вышивка часто была выполнена из металлических ниток [2]. Для украшения использовали и мараму, большое головное покрывало замужних женщин, и шербенти, меньшего размера головные накладки незамужних девушек (у греков «перифтар» и «малый перифтар»), чаще всего, вешали в простенках между окнами. Декоративные ткани, применявшиеся для украшения интерьера, называли одним словом «эвджияр» (с кр.-тат. «украшать дом»).

Полотно, из которого изготовлены полотенца музейной коллекции, представляет собой домотканое льняное полотно (кр.-тат. «атма») двух видов: 1) однородное из ниток одного материала и качества; и 2) неоднородное с применением сочетания нитей различного качества, например, отбеленных и суровых, более толстых

слабо скрученных и тонких (один вид нитей шел на уток, а другой — на основу). Таким образом, получали изысканные тканые узоры: полосы, квадраты, сложные фигурные, которые проявлялись на просвет. Ширина изделий варьируется от 30 до 70 см, что, скорее всего, зависело от устройства ткацкого станка.

Для вышивки использовались хлопчатобумажные, льняные, шелковые, шерстяные и металлические нити. Последние представляли собой тонкую площенку из желтого и белого металла (плоская лента 1–3 мм шириной) или битю. Техника вышивки металлической битью, «телли» или бартынского шитья, зародилась еще в XVII в. в г. Бартын на севере Турции. Образцы вышивки в технике «телли» можно увидеть в Бахчисарайском музее-заповеднике. Они украшены медной или серебряной битью, забитой в ткань в виде крестиков, «гусиных лапок» и полосок [1]. В вышитых греческих полотенцах использовалась двусторонняя гладь (кр.-тат. «татар ишлеме») и счетная гладь (кр.-тат. «эсап ишлеме»), а также «шитье площенкой» или битью [1].

В нашей коллекции собраны образцы высочайшего мастерства. Ни одно полотенце не повторяется. Но сюжеты вышивки имеют определенную типологизацию: «девичьи брови», «цветы на блюде», «виноградная лоза», «колючка», «древо жизни», солярный знак (кр.-тат. «кунеш») и др.

Более 10 лет назад в музее проходила выставка крымских мастеров под руководством известного крымского художника Мамута Чурлу. Увидев образцы из музейной коллекции греческих полотенцев, он воскликнул: «Так это же наша крымская вышивка». Мамут Чурлу, глубоко изучавший символику старинных орнаментов, позволил увидеть нашу коллекцию вышитых полотенцев с новой стороны, узнать о магии и символике греческих орнаментов. Обереговое значение орнаментальных композиций на полотенцах — общемировая практика. В сюжетах крымской вышивки четко читаются женские и мужские символы. Женский знак — изогнутая ветка (кр.-тат. «эгри дал»), означает изменчивость, динамичность, развитие. Мужской знак — родовое дерево (тюльпан, кипарис, вазон с цветами), символизируют стабильность, устойчивость, силу, продолжение рода. В старинных орнаментах заключается потрясающая энергетика. Сочетание женских и мужских символов в вышивках имело огромное значение — достижение гармонии в мироздании. Согласно магии, подобие орнамента вышитых полотенцев призвано было привлечь благополучие, создать «райский сад» в доме и семье, уберечь от зло-

го глаза. Надписи на крымско-татарском языке, выполненные арабской вязью, выполняли также роль оберега [2].

В коллекции ДРКМ можно выделить группу полотенчатых вышитых декоративных изделий, изготовленные в технике глухой двусторонней глади «татар ишлеме» из однородной или узорной ткани с вышивкой, выполненной гарусом (в основном, шерстяные нити) ярких цветов с применением бити (техника «телли»). Как правило, это крупный растительный орнамент с мотивами древа жизни, вазона с цветами, ветки эгридал, единичные экземпляры с зооморфными мотивами (птицы на древе жизни, что символизировало райский сад), с архитектурным орнаментом (церковь), с графической вышивкой. Как правило, это изделия небольшого размера.

Вторая группа — изделия из однородной, неоднородной и узорной атмы, напоминающей тонкую кисею, с растительным и с геометризированным растительным орнаментом. Это так называемые свадебные платки. Вышивка выполнена в технике счетной глади «эсап ишлеме», в комбинации с глухой двусторонней гладью «татар ишлеме» шелковыми приглушенных тонов с минимальным использованием бити (площенки). Среди них — единичные изделия с антропоморфными, архитектурными и зооморфными мотивами, а также с графической вышивкой внутри орнаментального мотива, одно изделие со строчным графическим рисунком, напоминающих арабские графемы.

Третью группу составляют длинные (малые и большие) перифтары, марама с тканым рисунком и вышивкой. Являясь элементами одежды, эти изделия также применялись для украшения жилища. Выделяются изделия с изысканной вышивкой белым по белому с небольшим использованием золотной нити или бити.

Различия в технике и особенностях цветового сочетания, видах нити для вышивки, а также приемах шитья, которые используются в изделиях «греческой» коллекции, предположительно, связаны с географией переселенцев из Крыма: береговая линия, степной или горный Крым. Подтвердить это предположение — задача трудная, так как практически все полотенца из донецкой коллекции не имеют информации о месте их приобретения в Приазовье. По мнению Л. Чепуриной изображения рыб, лодок, кораблей, волнообразная линия каймы «сув» указывают на принадлежность вещи к прибрежному району Крыма. Композиция же из концентрических кругов, называемая «кунеш» («солнце»), была характерна для района Бахчисарая [4].

Литература

1. Абдураманова С.Н. О швах «стамбул мыклама», «серасер мыклама» и «серасер букме» в крымско-татарском золотном шитье. Режим доступа: URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-shvah-stambul-myklama-seraser-myklama-i-seraser-bukme-v-krymskotatarskom-zolotnom-shitie>.
2. Бавбекова И.А. Вышивка в традиционном интерьере крымско-татарского жилища. Режим доступа: URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/vyshivka-v-traditsionnom-interiere-krymskotatarskogo-ilischa>.
3. Бацак Н.И. Экспонирование памятников народно-бытовой культуры греков Северного Приазовья в конце 1920-х годов в свете архивных источников. Режим доступа: URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/eksponirovanie-pamyatnikov-narodno-bytovoy-kultury-grekov-severnogo-priazovya-v-kontse-1920-h-gg-v-svete-arhivnyh-istochnikov/viewer>
4. Греки России и Украины / ред. Ю.В. Иванова. – СПб: Алетея, 2004.
5. Джуха И. Одиссея мариупольских греков. Режим доступа: <https://special-i-urnal.com/129305.html>
6. Культура и быт греков Приазовья и села Урзуф. Поисковая работа по историческому краеведению. Режим доступа: URL: <https://textarchive.ru/c-1318490.html>
7. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь: Рената, 2008.

С. Дзини, Н. В. Хохлов

БИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ГРУППЫ «ИТАЛЬЯНЦЫ КРЫМА»

S. Zini, N. V. Khokhlov

BIODEMOGRAPHIC ANALYSIS OF THE MODERN GROUP THE «ITALIANS OF CRIMEA»

Аннотация. В конце XVIII – начале XX вв. на побережье Черного и Азовского морей, среди мигрантов появились итальянцы. Процесс миграции, в результате которого на этих территориях осели жители Апеннинского полуострова, длился около 150 лет. Сегодня существует небольшая этническая группа, так называемых «итальянцы Крыма», являющиеся потомками тех самых итальянских переселенцев. Некоторые результаты проведенного среди представителей группы комплексного исследования будут представлены в данной статье.

Ключевые слова: Миграционные процессы, итальянцы Крыма, Апеннинский полуостров, Крым, биодемографический анализ.

Annotation. At the end of the 18th – beginning of the 20th centuries, the Italians began to appear among the migrants on the coast of the Black and Azov Seas. This migration process, as a result of which the inhabitants of the Apennine Peninsula settled in these territories, lasted about 150 years. Today, there is a small ethnic group, the so-called “Italians of Crimea”, who are the descendants of those Italian colonists. Some results of a comprehensive study conducted among the representatives of the group will be presented in this article.

Key words: Migration processes, Italians of Crimea, Apennine Peninsula, Crimea, biodemographic analysis.

Итальянскую миграцию в Северное Причерноморье можно условно разделить на несколько основных этапов. Первый этап, который принято называть «Одесской миграцией», начался в самом конце XVIII в., с основанием г. Одессы в 1794 г. [1]. Этот период стал началом значительного притока итальянцев на юг России, среди которых были как моряки, так и представители культурной

элиты Италии [6, с. 146–166]. В основном, мигранты прибывали из северных городов Италии, таких как Генуя, но среди них были и жители южных областей Апеннинского полуострова. Некоторые итальянские мигранты, прибывшие в Одессу, решили остаться в городе и начали новую жизнь, другие отправились дальше на восток в поисках лучших возможностей и рынков для торговли [5, 97–106].

В первой декаде XIX в. началась вторая волна миграции, известная как «феодосийская миграция». Город Феодосия стал для итальянских мигрантов новым центром притяжения.

С момента учреждения в 1821 г. Керчь-Еникальского градоначальства, а также открытия здесь порта и карантина, началась так называемая «Керченско-Азовская миграция». Керчь привлекала мигрантов и торговцев благодаря своему стратегическому расположению и вскоре превратилась в отправную точку для освоения ключевых морских торговых узлов Азовского моря. Во второй половины XIX в., итальянцы начали активно переселяться в такие города, как Таганрог, Мариуполь и Бердянск.

После окончания Крымской войны (1853–1856) и основания королевства Италии в 1861 г. фиксируется новая волна миграций итальянцев, которая продолжилась до начала Октябрьской революции 1917 г. Эта миграционная волна отличалась от всех предыдущих: она имела двойную, смешанную, коммерческую и политическую коннотацию. Новые итальянские мигранты (среди них было много гарибальдийцев) покинули свою страну по политическим причинам, связанным с происходящими историческими изменениями на родине.

Новые политэмигранты появились в регионе в годы Октябрьской революции, а также в Советское время, но речь идет о единицах. В советскую эпоху, наоборот, регистрируется большой отток итальянцев. Многие возвращаются в Италию, так как советская общественно-политическая система не давала возможность обогатиться. Тех же, кто остался, в 1942 г. выслали в Казахстан [3]. В конце войны некоторые обосновались на местах ссылки или переехали в другие города Советского Союза. Другие же вернулись на родину. Кто потерял все связи с родной землей, вернулся в Крым, в основном в Керчь, где перед войной сосредотачивались итальянские мигранты, и где сегодня проживает большинство их потомков (около 150–200 индивидов итальянского происхождения), так называемых итальянцев Крыма.

Количество представителей данной группы является весьма спорным вопросом. В «Итогах переписи населения Крымского фе-

дерального округа» 2014 г. итальянцы фигурируют в разделе «Распределение населения по национальности и владению русским языком»: всего 77 чел. обоего пола (70 — в Республике Крым, 7 — в г. Севастополе). Из общего количества опрошенных в ходе переписи (всего 2 197 564 человека), отвечающих на вопрос о своей национальной принадлежности, количество итальянцев соответствует только 0,0035%.

По итогам переписи населения в Крымском федеральном округе в 2014 г. в национальном составе городского округа Керчь насчитывается 75 национальностей. Среди них, самые малочисленные — балкарцы, даргинцы, ингуши, мордва-эрзя, рутульцы, словаки, британцы, коми-ижемцы, кумандинцы, нивхи, уйгуры, хакасы, чукчи. Итальянцы по численности занимают 20-е место: всего 43 человека, из них 19 мужчин и 24 женщин. Это составляет 2,24% от общего количества представителей 69 малочисленных народов Керчи.

Данное количество сильно разнится со сведениями о численности группы по данным неофициальной внутригрупповой переписи, регулярно проводимой членами общины. По их оценкам, на сегодняшний день, группа итальянцев Крыма состоит примерно из 500 человек обоего пола. Из них около 200 человек проживает в Керчи. Остальные 300 человек живут за пределами Крымского полуострова в разных регионах и городах Российской Федерации, Казахстана, Италии и других стран.

Проводимый среди итальянцев Крыма социальный биодемографический опрос дал возможность оценить, характеристики половозрастной структуры группы, проанализировать процессы биологической и культурной интеграции и процессы воспроизводства в семьях этнических итальянцев [3].

Было исследовано 111 индивидов итальянского происхождения — 64 женского пола, 47 мужского пола. 101 человек (59 женщин и 42 мужчины) постоянно проживают в Крыму, в основном в Керчи. 10 человек (5 женщин и 5 мужчин) родились в Керчи, и в настоящее время проживают в Италии.

Из 111 исследуемых индивидов итальянского происхождения мужчины в возрасте от 0–4 года составляют 0 человек (0%), 5–9 лет — 1 человек (2,13%), 10–14 лет — 1 человек (2,13%), 15–19 лет — 3 человека (6,38%), 20–24 года — 1 человек (2,13%), 25–29 лет — 6 человек (12,77%), 30–34 года — 3 человека (6,38%), 35–39 лет — 4 человека (8,51%), 40–44 года — 6 человек (12,77%), 45–49 лет — 3 человека (6,38%), 50–54 года — 3 человека (6,38%),

55–59 лет — 1 человек (2,13%), 60–64 года — 3 человека (6,38%), 65–59 лет — 2 человека (4,26%), 70–74 года — 0 человек (0%), 75–79 лет — 6 человек (12,77%), 80–84 года — 2 человека (4,26%), 85–89 лет — 1 человек (2,13%), 90–94 года — 0 человек (0%), 95–99 лет — 1 человек (2,13%), 100 лет и более — 0 человек (0%). Возрастной состав женщин: от 0–4 года — 0 человек (0%), 5–9 лет — 1 человек (1,56%), 10–14 лет — 0 человек (0%), 15–19 лет — 4 человека (6,25%), 20–24 года — 6 человек (9,38%), 25–29 лет — 3 человека (4,69%), 30–34 года — 0 человек (0%), 35–39 лет — 3 человека (4,69%), 40–44 года — 4 человека (6,25%), 45–49 лет — 5 человек (7,81%), 50–54 года — 7 человек (10,94%), 55–59 лет — 3 человека (6,38%), 60–64 года — 5 человек (7,81%), 65–59 лет — 5 человек (7,81%), 70–74 года — 1 человек (1,56%), 75–79 лет — 9 человек (14,06%), 80–84 года — 4 человека (6,25%), 85–89 лет — 4 человека (6,25%), 90–94 года — 0 человек (0%), 95–99 лет — 0 человек (0%), 100 лет и более — 0 человек (0%). В целом, представленная половозрастная структура, составленная на основе данных 111 индивидов, характерна для очень старого населения со сниженной долей дорепродуктивной возрастной группы. Соотношение возрастных групп резко деформировано, за счет малого числа младших возрастов [табл. 1].

Анализ восстановленных родословных семей, дополненных архивными данными, показал, что процессы биологической и культурной интеграции начались со времени появления итальянских мигрантов в Северном Причерноморье. Так, 18,2% браков первых переселенцев мужчин были смешанными, у женщин — 14,3%, соответственно. Мужчины чаще вступали в брак с женщинами великороссами, реже с малороссами, местными гречанками, француженками и немками. Сходная картина распределения наблюдается и у итальянок [4]. В ряду потомков итальянских мигрантов количество смешанных браков увеличивается в следующем поколении до 50% и 48,2%, затем — до 53,1% и 66,1%, потом — до 71,9% и 75%, и достигает, в конце концов, 100% в современных семьях. При этом, существенно расширяется круг брачных связей и национальный состав брачующихся [табл. 2]. На сегодняшний день, из 42 крымских итальянцев мужского пола, проживающих в Крыму, 24 состоят в браке с русскими, 1 — с белорусской, 17 мужчин не состоят в браке. Из 5 представителей общины мужского пола, проживающих в Италии, 1 состоит в браке с русской, 4 мужчин не женаты. Из 59 представителей группы женского пола, проживаю-

щих в Крыму, 33 состоят в браке с русскими, 11 — с украинцами, 1 — с узбеком, 1 — с караимом. 13 женщин не состоят в браке. Из 5 представителей группы женского пола, проживающих в Италии, 1 состоит в браке с русским, 4 женщины не состоят в браке. Как видим, все браки современных этнических итальянцев являются межнациональными, не выявлено ни одного случая однонационального брака.

Табл. 1. Соотношение возрастных групп (дорепродуктивных, репродуктивных и пострепродуктивных) исследуемой популяции итальянцев Крыма в сравнении с популяцией Керчи и Италии

Табл. 2. Процесс биологической интеграции в группе итальянцев Крыма в пяти поколениях

Говоря о процессах воспроизводства в семьях этнических итальянцев Крыма, результаты индивидуальной плодovitости были оценены в группе женщин старше 45 лет, вышедших из репродуктивного возраста. Таких среди потомков итальянских переселенцев, рожденных в Керчи, оказалось 30 человек. Две из них ныне проживают в Италии. Собрана биодемографическая информация о возрасте начала *menarche*, климакса, беременностях, родах, выкидышах, медицинских абортах, мертворождениях и причинах смерти детей. Учитывались также данные о возрасте, национальности мужа и его родителей. Заполнены индивидуальные карты акушерского анамнеза семьи. Результаты обследования показали, что только 38,26% всех беременностей закончились родами, искусственным прерыванием завершилось 46,09% беременностей; количество ранних и поздних спонтанных абортoв, а также внематочных беременностей составило 10,43%; 13,33% женщин бездетны. В среднем на 1 женщину пострепродуктивного возраста приходится 3.8333 ± 0.1076 беременности, 1.7667 ± 0.0887 абортoв и 1.5000 ± 0.0459 родов, что существенно меньше 2.13 необходимой для простого воспроизводства численности в популяции [2].

Современные итальянцы Крыма почти полностью растворились в местной социокультурной среде. Знания итальянского языка в качестве родного среди тех, кто сегодня проживает вне предела Италии, не сохранились. Римско-католического вероисповедания придерживается незначительный процент членoв общины. Кулинарные

традиции предков остались единственным этнокультурным фактором, объединяющим представителей группы.

При сохранении сниженных темпов рождаемости, а также учитывая вышеперечисленные социокультурные и биодемографические процессы, группа этнических итальянцев имеет высокий риск полной ассимиляции и исчезновения в качестве самостоятельного субъекта в составе народов Крыма.

Литература

1. Брикнер А. Г. История Екатерины II. – М.: Современник, Товарищество русских художников, 1991. – 930 с.
2. Бычкова Л. С., Балинова Н. В., Спицына Н. Х., Спицын В. А. Полиморфизм генов, экспрессирующихся в грудном молоке, в связи с соматотипом новорожденных и репродуктивной функцией женщин // Вестник Московского университета: серия 23: Антропология. – 2018. - № 1. – С. 43-49.
3. Дзини С. Возникновение, формирование и динамика развития итальянского населения Крыма XIX–XXI вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2022. – 18 с.
4. Спицына Н. Х. Демографический переход в России. – М.: Наука, 2006. – 212 с.
5. Писаревский Г. Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России. – М.: ЗАО МСНК-пресс, 2011. – С. 97-106.
6. Шишмарев В. Ф. Научное наследие. Романские поселения на Юге России // Труды архива. СПб.: Наука, 1975. – Вып. 26. – С. 146-166.

В. А. Ельяшевич

**ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КРЫМСКИХ КАРАИМОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

V. A. Elyashevich

**ELEMENTS OF TRADITIONAL CULTURE
IN THE NATIONAL LITERATURE OF THE CRIMEAN
KARAITES OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

***Аннотация.** В статье рассмотрены элементы караимской традиционной культуры, отраженные в национальной литературе XIX – начала XX вв. Проанализированы художественные произведения и выявлены основные темы, раскрывающие особенности национальной культуры. Впервые караимская национальная литература рассматривается как источник по этнографии караимов Крыма.*

***Ключевые слова:** караимы Крыма, традиционная культура, национальная литература.*

***Annotation.** This article examines the elements of Karaite traditional culture reflected in the national literature of the 19th and early 20th centuries. It analyzes literary works and identifies the main themes that reveal the specifics of the national culture. For the first time, Karaite national literature is considered as a source on the ethnography of the Karaites of Crimea.*

***Keywords:** Karaites of Crimea, traditional culture, national literature.*

Источником знаний по этнографии крымских караимов являются объекты материальной и нематериальной культуры, а также фиксирующие их письменные источники. К последним относятся воспоминания путешественников, посетивших Крым в конце XVIII – начале XX вв., в которых описывается знакомство с караимской культурой, этнографические очерки караимских общественных деятелей XX в. и караимская национальная литература, которой посвящена данная статья. В художественных произведени-

ях караимские авторы поднимали острые и актуальные национальные вопросы, описывали традиционный уклад жизни, который все больше испытывал влияние русской культуры, благодаря чему у нас есть возможность познакомиться с национальной культурой крымских караимов из первоисточников, от самих носителей культуры. В этом смысле произведения караимской национальной литературы представляют для нас большой интерес с точки зрения этнографии и истории.

С другой стороны, караимская художественная литература, как относительно молодое и кратковременное явление, немногочисленна и потому не дает нам широкой картины традиционной жизни караимского общества в прошлом. Мы можем говорить только об отдельных элементах караимской традиционной культуры, которые в той или иной степени отражены в литературе. В статье мы рассмотрим такие элементы караимской традиционной культуры, с которыми можно познакомиться в художественных произведениях и мемуарах крымских караимов. В связи с этим необходимо отметить, что в 2024 г. вышла книга «Картины караимской старины», которая, на сегодняшний день, является самым полным собранием произведений караимской национальной литературы, включая и ранее не издававшихся¹. Благодаря жанровому и тематическому разнообразию издание можно рассматривать как пособие по национальной культуре караимов.

Караимская национальная литература возникла на стыке эпох, когда караимское общество уже входило в активную фазу культурной ассимиляции с титульной нацией, то есть славянами. Поэтому в языковом отношении это уже была смешанная тюркско-русская литература, написанная на караимском (караимском этнолекте крымскотатарского языка) и русском языках. Лучше всего процесс языковой ассимиляции представлен в пьесе Эстер Иосифовны Оксюз «Караим тою ве нишаны» («Караимская свадьба и помолвка») (конец XIX в.), которая была написана на смешанном языке: караимском и русском. Показательно, что самый крупный представитель караимской национальной литературы Аарон Ильич Катык (начало XX в.) все свои произведения, кроме пьесы «Яддес», написал на русском языке. При этом в произведениях самого А. И. Катыка,

¹ Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI – XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – 592 с.

как и у других авторов, писавших на русском языке, для создания нужного национального колорита используются отдельные слова и выражения на караимском языке, что служит источником наиболее устойчивых к ассимиляции лексем, глубоко укоренившихся в народном сознании. Таково, например, приветствие *«Шалом алахем!»*², ругательство *«Йимма шемо ве-зихро!»*³, термин *эрби* (учитель) и т.д.

Надо сказать, что караимскую народную культуру, включая язык, А. И. Катык расценивает не иначе, как продукт влияния крымскотатарской культуры. В его произведениях не существует такого понятия, как караимский язык или караимский танец, все основные элементы народной культуры — песни, танцы, костюм и др., все это он называет татарским, то есть заимствованным у крымских татар. Устами героя своего произведения он демонстрирует свое отношение к народной культуре, характеризуя его как «наследие татарства»: *«50 лет тому назад, когда караимская душа татарским ветром была обвеяна, азиатскими понятиями вскормлена, под звуки варварской песни в люльке качалась. А теперь посмотрите кругом. Народ сделал гигантский шаг вперед. Караим, который в наше время боялся русской школы, как чумы, охотно посылает сына в университет. У нас есть врачи, юристы, педагоги. Мы с презрением выбросили длиннополый кафтан, наследие татарства, и оделись в европейское платье. Словом, мы народ, опередивший на сотни лет своих восточных воспитателей»* [10, с. 55].

Действительно, многие элементы традиционной культуры караимов известны, прежде всего, как крымскотатарские, например, популярный у караимов крымскотатарский танец хайтарма. Караимы сами отмечали, что в отношении одежды, кухни, внутренней обстановки дома, всего быта они мало чем отличались от крымских татар. «Костюм караимов был почти такой же, как у крымских татар» — отмечает Б. С. Ельяшевич в этнографическом очерке «Караимы Крыма» [4, с. 60]. «Живя в продолжение многих веков под владычеством татар, караимы переняли от них не только язык, но и одежду, образ жизни, некоторые суеверия и многие бытовые обычаи», — пишет караимский просветитель Илья Ильич Казас [6, с. 49]. В том же духе высказывается и создательница первой в истории караимской этнографической выставки в 1893 г. в Одессе Рахиль Семеновна Исакович: «Живя среди татар, караимы ничуть не

отличались в своей домашней жизни от последних. Жилье караима, его одежда и обычаи — это почти те же жилье, одежда и обычаи татар» [5, с. 6].

Наравне с этим в караимской национальной литературе можно встретить описание обычаев, никак не связанных с крымскотатарской культурой, например, таких как *эйнелик* — приготовление к шаббату, приготовление мацы на праздник Песах и др. Многие из таких обычаев идентичны с еврейскими, из чего можно сделать вывод о том, что незаимствованная, оригинальная культура крымских караимов имеет еврейские корни.

Свадебный обряд. Самой популярной темой караимской национальной литературы является тема сватовства и помолвки (нышан) и, соответственно, эта сторона караимской жизни представлена лучше всего. Этой теме полностью посвящены две пьесы «Ахыр зе-ман» («Конец света») [7] и «Караим тою ве нишаны» («Караимская свадьба и помолвка») [15]; так или иначе, данная тематика эпизодично присутствует и в других произведениях. Самой яркой фигурой в сценах сватовства является сваха (*нышанджы, суйчы/сувчы*), которая брала в свои руки весь процесс и полностью уходила со сцены только в день свадьбы. Примечательно, что сваха присутствует во всех караимских пьесах XIX – начала XX вв., за исключением пьесы «Кто прав?». В сценах сватовства подробно описана сделка родителей со свахой, которая называется *сёз кесеми* (сговор). Пьеса Эстер Иосифовны Оксюз «Караим тою ве нишаны» («Караимская свадьба и помолвка») представляет собой подробное и детализированное этнографическое описание помолвки и приготовления к свадьбе, а название каждой картины (действия) пьесы — это название обряда: *той геджесы* — девичник, *той кутламасы* — поздравления, *бахыш геджесы* — пир, застолье. Особый интерес представляет сцена оценивания приданого невесты старейшинами общины, которая встречается только в этом произведении [16]. Некоторые представления о свадебных традициях мы также узнаем из эпизода с подменой невесты в мемуарах С. Э. Ефетовой-Габай, которая стала возможным благодаря обычаю скрывать лицо от жениха во время свадебной церемонии: *«У караимов свадьбы проходили вечерами, тогда освещение было неярким и невеста обычно сидела в углу комнаты, укутанная с ног до головы и с закрытым лицом»* [2, с. 522].

Школа. Еще одна большая тема — караимская народная школа (мидраш). Ценные сведения о начальной и высшей караимской школе мы находим в воспоминаниях Якова Вениаминовича Дувана

² Мир вам!

³ Да сгинет имя его и память о нем! (евр)

(«Мои детские и юношеские годы») [3] и Александра Федоровича Рофе («Моя учеба») [18]. Но лучше всего эта тема раскрывается в произведениях А. И. Каттыка, а именно в рассказах «Записки караимского школьника» и «Учитель», полностью посвященных караимской школе. Все перечисленные авторы описывают караимский мидраш по своим собственным воспоминаниям и потому дают нам ценнейшие сведения об этой сфере караимской общественной жизни. Без этих сочинений не обходится ни одно исследование караимского народного образования. Из рассказа А. И. Каттыка «Записки караимского школьника»: *Класс наш представлял большую комнату в четыре окна. Около входа стояла кафедра эрби, простой чёрный стол, которому от роду было не меньше двух тысяч лет. Как это он держался на своих античных ножках, это был очевидно секрет мастера. На столе стояла чернильница с несколькими гусиными перьями (в мидраше стальных перьев не употребляют) и штук десять линеек. На столе же была солидная кизилевая палка, длиной сажени в полторы. Назначение этой драгоценности (чтоб ей ни дна, ни покрышки) я скоро узнал на собственном опыте. Линейки и кизилевая палка служили орудием обуздания учеников. Причём линейками учитель действовал, если строптивый ученик находился вблизи; кизилевая палка поражала преступника, сидящего далеко, так что, сидя на своём стуле, учитель мог оперировать своими орудиями в пространстве всего класса [8, с. 34].*

Мидраш в произведениях А. И. Каттыка предстает перед нами как учебное заведение с консервативными и отсталыми методами обучения, среди которых физические наказания учеников. О необходимости модернизировать караимскую школу говорится в рассказах «Записки караимского школьника» и «Учитель», в пьесе «Новый воротник, старая шуба» [8; 10; 12]. В воспоминаниях Я. В. Дуванна, учившего в мидраше на полвека раньше А. И. Каттыка, критика караимской школы отсутствует. Он оставляет нам ценное описание учебного процесса, а также является единственным автором, писавшем о так называемой высшей школе — частной школе, в которой юноши по желанию продолжали обучение после окончания основного курса.

Досуг. Часто в произведениях А. И. Каттыка можно встретить описание конушма — пирушки, вечеринки (отглагольное существительное от «кьонуш» — кутить, веселиться), а действие пьесы «Яддес» целиком происходит на фоне такого веселья [11]. Таким образом мы можем представить как караимы отдыхали, проводили свой досуг.

По сценам с описанием конушма можно судить также о том, какие народные песни были самыми популярными у караимов. Это песни «Алеф яздым бет яздым», «Чиппиим», «Ольмем бен». Из танцев наиболее популярным была хайтарма. Из очерка Б. Я. Кокеная «Записки по этнографии караимов Крыма»: *«Повод для устройства конушма был самый различный: если кто женился, то он устраивал пирушку и до и после женитьбы, какое-либо торжество было в семье — устраивали конушма. Кто переехал в свой новоприобретенный дом или к нему приехал дорогой гость, или дети окончили учебное заведение, или же двое поспорили и кто-нибудь выиграл и т.д. и т.п. И, наконец, устраивали конушма и без причины. Но самой, так сказать, законной причиной для устройства конушма молодежи был призыв в армию. Ежегодно еще задолго до призыва месяца за два, в тиши ночи по караимской слободке были слышны глухие раскаты турецкого большого барабана «даула». Ему где-нибудь далеко с татарской слободки отзывался с какой-нибудь свадьбы такой же, но более приглушенный расстоянием и тишиной ночи и потому более приятный гул барабана или резкий звук зурны. В конушма иногда участвовали и женичины, и девушки, в отличие от татар, где женичины не участвовали. Но никогда я не помню, чтобы перешли границу приличия, несмотря на изобилие спиртных напитков. Большею частью караимская мужская молодежь участвовала сама, а женицин, кроме тех, которые были в тех домах, где на сегодняшний день устраивалась конушма, не было. Музыка на этих пирушках бывала обязательно туземная: человек 5–8, а иногда и 10 татар и отатарившихся крымских цыган составляли оркестр из зурны, бубна-дарэ, скрипки, иногда одного медного духового инструмента, флейты и обязательного «даула». Играли, конечно, без нот. Но никто из участников этих конушма, будь он караим, татарин, грек, крымчак или армянин, не променял бы звуков этого дикого оркестра на звуки симфонического или другого европейского оркестра, в том числе и я, грешный участник этих пирушек и пишущий эти строки о милом прошлом моей молодости» [13, с. 562].*

Интересное этнографическое описание танца в рассказе А. И. Каттыка «Учитель»: *«Пошли танцевать. Эх, люблю я наши татарские танцы. Куда теперешние танцы, мазурки эти, да польки разные. Что это? Гадость одна. Обнимет здоровый детина женичину, ну и крутит; здесь главное дело, значит, тело. В татарском танце — Боже сохрани. Мужчина к женщине касаться не смей. Весь танец в тысяче мельчайших движений, незаметных изгибов; тело как бы выказывает свою жизнь, полноту своего довольства в сотнях красивых выраже-*

ний, — но всё прилично. Да и танцует же невестка Завадьяки, ну, просто картинка. Плавно-плавно пошла она вокруг кавалера, а он за ней; идут, а кажется, что стоят. Только грудь мерно колышется, да бедра тихо вздрагивают. Схватил я стакан, налил вина сладкого, накрыл четвертной и подношу ей. Взяла она, выпила, а деньги музыкантам.

— Жарь, — кричу, — «Кайтарму» [10, с. 254].

Конушма с танцами и песнями была неотъемлемой частью повседневной жизни караимов Крыма, поэтому неудивительно, что сцены досуга нередко встречаются в художественной литературе. Однако, А. И. Катык через героев своих произведений высказывает негативное отношение к этому народному веселью, осуждая в нем пьянство и непристойность. Б. Я. Кокеная называет себя «грешным участником этих пирушек» (то есть видит в этом грех), но не дает конушме негативную оценку.

Кухня. Широко представлена в караимской литературе национальная кухня. Блюда караимской кухни с оригинальными названиями упоминаются практически во всех произведениях. Среди них следует выделить стихотворения А. И. Катыка «Султан-тота» [9] и Дины Лопатто «Кысмет болса» [14], в которых перечисляются сразу несколько блюд, приготовляемых караимскими хозяйками. Караимские блюда упоминаются в литературе с особенным пиететом, для авторов они являются признаками и даже можно сказать символами уже уходящей традиционной культуры, символом самой традиции. Из стихотворения «Кысмет болса»:

*«К тому ж Алтын-тота хозяйка первый сорт:
Кто лучше, чем она на Пасху сделает миндальный торт,
Вкуснее из шпината кайгана⁴,
С головкою зажарит перанчик⁵
Или с орехами байран-аяклячик⁶?!
Нежней кто тесто прослоит,
Бекмес⁷, каймак⁸ иль ак-алву⁹ сварит?
Известен ей секрет,*

⁴ Бабка.

⁵ Вяленое мясо.

⁶ Байрам аяклячик — праздничный пирог.

⁷ Бекмес (или пекмес) — варенный сгущенный фруктовый или ягодный сок, фруктовый мед.

⁸ Сливки.

⁹ Белая халва с орехами.

*Как лучше спечь кювет¹⁰,
Или вишнёвый пирожок,
Чтоб в нём остался сок,
Ступечь¹¹ умело растянуть
И ловко в воздухе калач свернуть.
И надо должное такой жене отдать —
Хозяйки лучше и во сне не увидеть!»* [14, с. 582–583].

Костюм. Значительно хуже по сравнению с кухней в караимской литературе представлен национальный костюм, в особенности, женский. Фактически мы находим упоминание всего нескольких предметов женского костюма, *фес* (шапочка), *тамак чембер* (головной платок) и др. Немногим лучше обстоят дела с мужским костюмом. Его описание мы находим в стихотворениях Самуила Шемарьевича Пигита «Зенгинин тюркюсы» («Песня богача») и «Фукаренын тюркюсы» («Песня бедняка»), которые дают нам представление о мужском костюме бедных и богатых слоев населения [17]. Кстати сказать, это единственный случай социальной дифференциации мужского костюма в караимской литературе, не только художественной.

Традиции. Караимская национальная литература дает возможность реконструировать некоторые утраченные национальные традиции и связанную с ними терминологию. Например, это *эйнелик* — пятничные приготовления в доме к субботе¹². Хотя сама традиция еще сохранилась в отдельных караимских семьях, но термин вышел из употребления и современным караимам совершенно неизвестен. Как видно из произведений караимской национальной литературы в прошлом обычаю эйнелик придавали большое значение, умение хорошо делать эйнелик являлось большим достоинством невесты.

*«Семья вся в сборе. День прошел...
Закончен шумный эйнелык,
И светлый радостный шаббат
Идет на смену. На столе
Дымится вкусный нохташа*

¹⁰ То есть кубете — пирог с мясной начинкой.

¹¹ Волокнистое сладкое блюдо из сахара и жареной муки.

¹² Этимология не совсем ясна. Согласно поздним караимским источникам слово происходит от названия пятницы у крымских караимов — «эйне» («айнэ») или «эйне кунь» («айне кунь»).

*И — гвоздь всех караимских блюд —
Пузатый, сочный кобете
Оценки ждет, но нет отца:
Он задержался в кенаса...»* [15, с. 512-513].

Уже хрестоматийным стало описание Б. Я. Кокеная обычая предутренних покаянных молитв *селихот* (мн. ч. от *селиха* — прощение (евр)), неоднократно публиковавшееся в караимских изданиях [13, с. 564–565]. В качестве еще одного примера можно привести обычай посещения Чуфут-Кале перед паломничеством в Иерусалим, описанный Авраамом Самуиловичем Фирковичем («Паломничество») [20, с. 39]. В наше время этот обычай был возрожден лишь один раз во время паломничества нашего современника, евпаторийского газзана Виктора Захарьевича Тирияки, повторившего путь Симы Бобовича и его спутников из Евпатории в Чуфут-Кале в 2011 г. [19, с. 367]. Еще один обычай — *шалом*. Сам обычай, представляющий собой общественное торжество по поводу какого-либо знаменательного события или в честь кого-то, можно сказать, что сохранился, а вот термин ушел в прошлое. В пьесе А. И. Катыка «Яддес» шалом был устроен по случаю обрезания сына хозяина дома, а в рассказе «Учитель» в честь приезда нового учителя [10, с. 253; 11, с. 323]. Александра Исааковна Баккал («Джамаат идет!») сообщает нам о таком обычае: в праздничные дни все мужчины после окончания молитвы наносили визиты всем караимским семьям. У нее же мы находим описание досуга в бане и субботнего отдыха: *«По субботам ничего нельзя было делать, даже спички зажигать. Это был полный отдых. Я любила субботние дни: с утра все нарядные, в хорошем настроении (сердиться нельзя!). Я тоже нарядно одета, иду здороваться с бабушкой и дедушкой, целую у них руки. Воспитывалось уважение к старшим, почтение, любовь. И вместе с тем было много шуток, смеха. Постоянно готовились какие-то весёлые, смешные сюрпризы то для меня, то для дедушки, то для бабушки — никто вниманием обойдён не был»* [1, с. 500].

Итак, мы рассмотрели караимскую национальную литературу в качестве источника для этнографических и исторических исследований караимской общины Крыма. В совокупности произведения национальной литературы крымских караимов охватывают практически все сферы деятельности караимского общества, однако, в отличие от этнографических изысканий, представленные в них сведения имеют спорадический характер. Одни аспекты жизни

традиционного караимского общества представлены широко, другие же только фрагментарно или вообще не представлены, как, например в случае с национальным женским костюмом. Тем не менее караимская национальная литература является важнейшим этнографическим источником, значение которого трудно переоценить. Особую ценность представляет тот факт, что это материал, преподносимый не внешним наблюдателем, а изнутри, непосредственно носителями культуры.

Литература

1. Баккал А. С. Джамаат идет! // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI – XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 498-502.
2. Габай Л. А. Семья Бобовичей // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI – XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 522-30.
3. Дуван Я. В. Мои детские и юношеские годы // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI – XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь, 2024. – С. 81-87.
4. Ельяшевич Б.С. Караимы Крыма / Историко-этнографические очерки (1926-1929) // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. XIV: Караимы. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1994. – Кн. 3. – С. 51-81.
5. Исакович Р.С. Два слова о караимах по поводу караимской комнаты г-жы Р. С. Исакович. – Одесса: Типография В. Кирхнера, 1893. – 15 с.
6. 6. Казас И. И. Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. – 1911. – Кн. 3-4. – С. 38-71.
7. Леви А. О. Ахыр зэман. – СПб.: Экономическая Типо-литография, 1911. – 75 с.
8. Катык Ар. [И.] Записки караимского школьника // Караимская жизнь. – М., 11. – Кн. 5-6. – С. 35-46.
9. Катык А. И. Султан-тога // Караимская жизнь. – 1911. – Кн. 3-4. – С. 35-36
10. Катык Ар. [И.] Учитель (окончание) // Караимская жизнь. – М., 11. – Кн. 8-9. – С. 38-58.
11. Катык А.И. Яддес // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI – XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 322-336.

12. Катък А. И. Новый воротник – старая шуба Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 348-359.

13. Кокенай Б. Я. Записки по этнографии караимов Крыма // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 167-178.

14. Лопатто Д. С. Кысмет болса // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 167-178.

15. Микей А. Я. Дэдэлер (Деды) // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 511-517.

16. Оксюз Э. И. Караим тою вен ишаны (Караимская свадьба) // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 167-178.

17. Песни С. Ш. Пигита // Караимская жизнь. – 1911. – Кн 5-6. – С. 15-16.

18. Рофе А. Ф. Моя учеба // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 474-478.

19. Тирияки В. З. Живая традиция // Караимы Крыма: исторические очерки / сост. В. З. Тирияки, В. А. Ельяшевич, А. В. Ефимов. – М.: ИВ РАН, 2022. – С. 367-372.

20. Фиркович А. С. Паломничество // Картины караимской старины: [антология караимской литературы XVI –XXI вв.] / сост. В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2024. – С. 38-50.

П. А. Ермоленко

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ

P. A. Ermolenko

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF FOLK ARTISTIC CERAMICS

***Аннотация.** Исследование посвящено изучению рынка услуг в сфере обучения гончарному искусству. На основе открытых данных, дан анализ противоречий между развлекательными мастер-классами и профессиональным образованием. Кроме того, предлагаются пути сохранения ремесленных традиций, в условиях растущего количества непрофессиональных мастеров изготовления керамики.*

***Ключевые слова:** Студии керамики, Школы керамики, Рыночные тенденции, Мастер-классы, Обучение, Мастер, Социальные услуги, Профессиональное образование, Гончарные мастерские.*

***Annotation.** The study examines the service market in pottery education. Using open-source data, it analyzes the contradictions between recreational masterclasses and professional training. Additionally, it proposes methods for preserving traditional craftsmanship amid the growing number of non-professional ceramic workshops.*

***Keywords:** Ceramic studios, Business, Artel, Pottery schools, Market trends, Masterclasses, Education, Craftsman, Social services, Vocational training, Pottery workshops.*

Мир изменился. Мы живем в эпоху искусственного интеллекта, огромного количества разнообразной информации и высоких технологий. Изменилась сама скорость жизни человека и потребления им этой информации. В этих условиях современный человек уже не хочет тратить свое время на доскональное погружение в изучение какой-либо темы. Вокруг идет борьба за внимание и время людей. И в этой борьбе выигрывает тот, кто умело привлечет это внимание, при этом, не перегрузив и не отняв времени больше, чем человек

сам готов его потратить. Это общая тенденция, которая определяет развитие многих отраслей, в том числе, художественной керамики и обучения ей.

Именно в силу такой тенденции, в последнее время на российском рынке стало появляться большое количество так называемых «не школ». Они сами так себя называют. «Не школа живописи», «не школа гитары», «не школа фотографии» и т.п. Иногда в названии фигурирует слово «студия». Студия керамики. И их огромное множество. В крупных городах они расположены по отдельным районам, как, например, кафе или спортивные клубы. В них можно пройти разовое занятие или купить абонемент на месяц. Есть студии, представляющие разветвленную сетевую структуру или студии, организованные по типу франчайзинга. Все они оказывают населению услуги, связанные с предоставлением возможности для детей и взрослых пройти занятия по лепке из глины или работе за гончарным кругом. И эти услуги довольно востребованы, иначе не развивались бы с такой скоростью. Спрос, как известно, порождает предложение. Подобные студии, как правило, хорошо оснащены, имеют в своем распоряжении современное гончарное оборудование и инструменты, работают с современными материалами, полностью адаптированными к применению. Кстати, отличительной особенностью таких студий является использование белых глин, поскольку они меньше пачкают инструменты и самих клиентов. Все бизнес-процессы четко отлажены, в штате есть администратор с рабочим местом за «рецепшен-стойкой». Реклама в интернете построена очень грамотно, она адресно направлена на целевую аудиторию с учетом ее интересов. В целом, все это налаженный бизнес по продаже услуг для «творческого досуга» населения. По такому же принципу работают салоны красоты, фитнес-клубы и другие подобные заведения. Отдельным сектором в этом направлении является туристический рынок. Обращали ли вы внимание, как популярна становится тема организации гончарных мастерских в туристических городах и на туристических объектах? И как охотно люди тянутся туда, чтобы сделать что-то своими руками (или руками мастера, одетого в исторический костюм гончара).

Если откровенно, что общего имеет весь подобный бизнес с обучением керамики? Ничего. Это, скорее, напоминает обычный аттракцион в парке культуры или кафе-бистро. Мастер (далеко не всегда таковым являющимся) выполняет в этом бизнесе роль не учителя, а аниматора. Посетители являются не учениками, а кли-

ентами или отдыхающими. Как отдельный вид услуг, предлагаются выездные или корпоративные мастер-классы. Особой популярностью пользуются «свидания в мастерской» или «дни рождения в мастерской». Возможно, скоро появятся услуга «свадьба в мастерской» или «глиняная вечеринка», «мальчишники», «девичники» и т.п. Бизнес не стоит на месте, он развивается. Подстраивается под запросы аудитории, конкурирует, борется за внимание и лояльность клиентов. Поэтому есть тенденция к появлению комбинированных услуг, расширению их ассортимента, улучшению качества обслуживания и т.д. Давайте же разберемся, что в этом хорошего и что плохого?

Начнем с хорошего. Во-первых, происходит популяризация занятий керамикой, как таковой. Рекламируется само понятие «керамика ручной работы». Во-вторых, стимулируется стремление людей заниматься творчеством в целом. Вовлекает их в созидательные процессы и обеспечивает желание быть причастными к созданию авторских изделий. В-третьих, дает возможность выявлять таланты, к сожалению, зачастую без дальнейшего их творческого или образовательного сопровождения. Однако, может при этом подтолкнуть человека к дальнейшему самостоятельному развитию своих способностей. Кроме всего перечисленного такой бизнес стимулирует развитие сопутствующих отраслей. Например, производства товаров для керамистов, глиняных масс, глазурей и др. [3]

Среди недостатков можно выделить следующие. Если речь идет о туристическом рынке товаров и услуг, то удручает тот факт, что сами изделия люди рассматривают, скорее, как туристический сувенир, нежели как предмет для использования. А это приводит к тому, что мастера выстраивают свой бизнес не вокруг производства или технологии, а вокруг развлечения, превращая древнейшее искусство и ремесло в эдакий аттракцион или шоу-программу. Сами при этом становясь типичными аниматорами, потому что это элементарно выгоднее с коммерческой точки зрения, нежели производственная деятельность. В конечном итоге, уменьшается число мастеров, занятых, действительно, изготовлением хорошей качественной продукции ручной работы. Снижается общий профессиональный уровень, потому что для обслуживания туристов он становится не так важен. Не говоря уже о том, что все туристические лавки, делая наценку на товар примерно в 100%, ставят мастеров в положение, при котором те вынуждены делать сувениры с дешевой закупочной ценой, вместо серьезных трудоемких изделий, представляющих

художественную ценность. Так, понемногу, вымирает ремесло при внешнем кажущемся его развитии.

Если же говорить о «городском бизнесе», организованном по принципу студии керамики, то тут картина намного печальнее. Керамисты, набранные «по объявлению», в таких студиях имеют, как правило, базовый уровень подготовки, полученный примерно в таких же студиях. Новички обучают новичков, которые потом сами начинают обучать, называя себя экспертами. Такой всеобуч приводит к резкому снижению общего уровня подготовки специалистов, которые к тому же специализированы именно на проведении платных услуг и мастер-классов. Ни о каком художественном или ремесленном образовании, как вы понимаете, речь в этом случае не идет. Весь технологический процесс сводится к правильному (по инструкции производителя) применению покупных готовых материалов, который не требует глубоких знаний физики, химии и других наук, применяемых в изготовлении художественной керамики. Такой подход не предполагает творческого экспериментирования, изготовления пробных изделий, не говоря уже о применении нестандартных способов декорирования или обжига. Достаточно включить кнопку муфельной печи и через сутки получить заведомо ожидаемый результат. Поскольку бизнес требует точного расчета себестоимости мастер-класса, которая включает стоимость материалов, энергоносителей, заработной платы аниматору и другие основные затраты. Кроме этого, проведение мастер-класса сводится, как правило, только к лепке. Посетителю предлагается лишь слепить изделие, после чего все дальнейшие технологически операции делают без него. Сушат, обжигают, покрывают глазурью, снова обжигают. Клиент получает «на руки» готовое блестящее изделие, получая удовольствие от якобы самостоятельно сделанной вещицы.

Отдельно стоит сказать о гончарных мастер-классах. Участие клиента в нем минимально. К примеру, ребенок, который впервые садится за гончарный круг, в силу объективных причин не сможет «выкрутить» те изделия, которые получает после такого мастер-класса. [2] За него изделие делает мастер. Весь фокус заключается в том, что мастер использует руки ребенка как гончарный инструмент. В буквальном смысле слова, берет пальчики малыша и работает ими, как стеклом. Создавая иллюзию того, что изделие делает сам малыш. Эффект восторга обеспечен! Ребенок счастлив, счастливы родители, гордясь талантом своего чада. Эмоция получена и оплачена по тарифу. А что еще надо? Ведь, не в гончары же они

собираются готовить своего ребенка. Задача была не научить, а именно развлечь.

Отдельное направление — это социальные услуги. Реабилитация детей с ограниченными возможностями, инклюзивные творческие студии. Или проекты, связанные с адаптацией или дополнительной квалификацией различных социальных слоев населения. Эта сфера, как правило, реализуется за счет средств грантов или субсидий государства и, безусловно, несет определенную пользу обществу. При условии, что является частью общей социальной политики страны [2].

Но что же все-таки делать с общей тенденцией к коммерциализации направления керамики и превращения ее в типовой бизнес? С одной стороны, мы наблюдаем снижение культуры потребления и ценности приобретения товаров ручной работы у основной массы людей. С другой стороны, растущий спрос на профессиональное обучение в специализированных государственных образовательных учреждениях. Так, по данным приемной комиссии Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица, всего в 2024 году в учреждение было подано 6200 заявлений. Самая большая конкуренция была среди желающих изучать искусство и гуманитарные науки — здесь конкурс составил 44 человека на место! При этом, средний балл по итогам вступительных экзаменов вырос. Если в 2023 г. он составлял 77 баллов, то в этот раз был уже 85 баллов [5]. Это ли не лучшее доказательство стремления молодежи к получению фундаментальных знаний в области искусств и ремесел. Но, к сожалению, вопрос последующего трудоустройства профессиональных художников-керамистов остается под большим вопросом, учитывая те же «рыночные тенденции» [4].

Как же разрешить такое противоречие? И как совместить приятное с полезным? Трудно ответить на этот вопрос однозначно, поскольку много факторов влияет на ситуацию. Выскажу только свое субъективное мнение.

Во-первых, сам мастер не должен тратить драгоценное время ни на проведение массовых мастер-классов, ни на туристов (как в случае с туристическими студиями). С ними могут работать ученики, дети, подмастерья, наемники и т.п. Кто угодно, но только не мастер! Вариантом является организация артели мастеров, в которых могут проходить обучение будущие мастера, поначалу в статусе подмастерьев. Они же могут производить недорогую сувенирную продукцию

в качестве задания, «набивая руку» на несложных технологических операциях. Сам же мастер должен творить, создавать, участвовать в профессиональных выставках. Возможно, работать на художественных комбинатах и предприятиях (там, где они есть).

Во-вторых, выполнять индивидуальные заказы или быть занятым в масштабных проектах. Постоянно учиться и повышать квалификацию, сотрудничать с другими мастерами, создавать творческие коллаборации.

В-третьих, иметь нескольких постоянных учеников или преподавать в специализированных учебных заведениях художественной или ремесленной направленности. Бизнесом же в виде «гончарной мастерской» или «не школы керамики» можно владеть и руководить на правах основателя и собственника учреждения.

Литература

1. Винокурова Н.К. Развитие творческих способностей учащихся. – М: Педагогический поиск, 2015. – 144 с.
2. Малыхина Л.Б. Проектирование и анализ учебного занятия в системе дополнительного образования детей. ФГОС. – М.: Учитель, 2015. – 171 с.
3. Малыхина Л.Б. Справочник педагога дополнительного образования. – М.: Учитель, 2016. – 239 с.
4. Чекалов А. К. Искусство в быту. – М.: Академия художеств 1961. – 218 с.
5. Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица. Режим доступа: URL: <https://www.ghpa.ru/> (дата обращения 26.08.2024).

Я. В. Комар

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ДИАЛЕКТИКА СОХРАНЕНИЯ И ОБНОВЛЕНИЯ

I. V. Komar

FAMILY VALUES AND TRADITIONS IN THE POSTMODERN ERA: THE DIALECTICS OF PRESERVATION AND RENEWAL

***Аннотация.** В работе рассматривается роль цифровой фотографии в сохранении и обновлении семейных ценностей, а также последние тенденции в визуальном фиксировании истории семьи. Акцент делается на постмодернистских подходах к семейной фотографии, включая аутентичность, спонтанность, визуальные нарративы и влияние социальных медиа. Обсуждаются изменения в традиционных формах хранения изображений, таких как переход от печатных альбомов к облачным хранилищам и социальным платформам. Автор подчеркивает значимость эмоциональной составляющей и символизма в современных семейных фотографиях, а также новые способы архивирования и выбора изображений.*

***Ключевые слова:** цифровая фотография, семейные ценности, постмодернизм, визуальные нарративы, социальные медиа, эмоции, хранение фотографий.*

***Annotation.** The article examines the role of digital photography in preserving and updating family values, as well as recent trends in the visual recording of family history. Emphasis is placed on postmodern approaches to family photography, including authenticity, spontaneity, visual narratives, and the influence of social media. Changes in traditional forms of image storage, such as the transition from printed albums to cloud storage and social platforms, are discussed. The author emphasizes the importance of the emotional component and symbolism in modern family photographs, as well as new ways of archiving and selecting images.*

***Keywords:** digital photography, family values, postmodernism, visual narratives, social media, emotions, photo storage.*

Цифровая фотография в настоящее время является неотъемлемой частью современного общества, и утверждать, что молодое поколение осознает значимость печатных снимков и вернется к традиционным форматам, не представляется возможным. Возврат к старым формам не произойдет, мы находимся в эпохе цифровой фотографии. Постмодернистские семейные фотографии отличаются разнообразием мотивов и подходов, отражающих изменения в семейных ценностях и традициях [4; 5]. Ниже представлены наиболее характерные фотографические мотивы, присущие этому стилю:

1. **Аутентичность и Спонтанность.** Постмодернистские фотографии часто фокусируются на спонтанных неформальных моментах, подчеркивающих естественность и искренность. Это может быть запечатление повседневной жизни, таких как совместные игры, ужины или прогулки, что создает ощущение близости и реальности семейной жизни [2].

2. **Игровой Подход. Сюрреализм и Ирония.** Постмодернистские фотографии могут включать элементы сюрреализма и иронии, создавая неожиданные композиции или контексты для семейных снимков. Это может проявляться в использовании необычных реквизитов или в стилизации фотографий под различные эпохи или стили [2; 4].

3. **Визуальные Нарративы. Создание Историй.** Семейные фотографии становятся инструментом для создания визуальных нарративов, которые рассказывают о жизни семьи через последовательность изображений. Это может включать как официальные фотосессии, так и случайные снимки, объединенные общей темой или событием.

4. **Тематические Фотосессии. Креативные Концепции.** Постмодернистские семьи часто выбирают тематические фотосессии: с новорожденным, свадебные, новогодние фотосессии, а также тематические фотосессии, которые отражают их интересы или увлечения. Это может быть все, от костюмированных съемок до фотографий на фоне любимых мест или во время хобби [2].

5. **Влияние Социальных Медиа.** Социальные медиа играют значительную роль в формировании образа семьи через фотографии. Семьи стремятся создать идеализированные образы своей жизни, что может привести к созданию «постановочных» снимков, которые не всегда отражают реальность [3], так называемый процесс «кураторства образа». Наличие социальных медиа, с возможностью виртуальных совместных альбомов, частично вытеснило создание

печатных альбомов. При этом значимость таковых осознается как представителями среднего поколения, так и молодых семей.

6. **Символизм и Эмоции. Эмоциональная Составляющая.** Постмодернистские фотографии часто акцентируют внимание на эмоциональных аспектах семейной жизни, используя символику и метафоры для передачи чувств и отношений между членами семьи [4], в то время как раньше это фиксация событийности жизни: свадьба, похороны, день рождения и т.д.

Современные способы сохранения и архивирование семейных фотографий. В современных условиях хранения фотографий наблюдается значительное смещение в сторону виртуальных пространств, таких как облачные хранилища и социальные платформы. При этом данный процесс сопровождается принципом избирательности: социальные медиа сохраняют лишь выборочные изображения, в то время как облачные хранилища могут содержать полный объем фотографий пользователя.

Несмотря на растущую популярность цифровых форматов, традиционные печатные фотографии продолжают сохранять свою актуальность. Однако, если ранее пленочные фотографии подразумевали избирательность на этапе выбора перед съемкой, то в современных условиях пользователю необходимо осуществлять выбор из обширного массива изображений. В результате этого изменения наблюдается тенденция к замене печати отдельных фотографий на создание фотокниг и альбомов, которые посвящены конкретным событиям, таким как свадьбы, рождение детей, семейные путешествия и личные фотосессии.

Изменение пространственного контекста. Современные семейные фотографии все чаще снимаются не в домашних условиях, а в публичных пространствах — на улицах города, в парках или общественных местах. Это изменение подчеркивает динамику семейной жизни и активное участие детей в ней. Это та же семья, но в пространстве города (на улице, на лавочке, на прогулке), в других объектах (в торговом центре, в театре, в боулинге).

Постмодернистские семейные фотографии отражают изменение роли детей в семье [1]. Современные семейные фотографии часто фокусируются на детях как активных участниках семейной жизни, а не только как объектах заботы. Это изменение позволяет детям занимать более заметное место в визуальном нарративе семьи. Фотографии могут запечатлевать детей в различных ролях — от помощников в быту до инициаторов семейных мероприятий, что под-

черкивает их активное участие и влияние на семейные традиции и ценности

Постмодернистские семейные фотографии представляют собой сложное переплетение традиций и новых подходов к визуальному самовыражению. Они отражают изменения в семейных ценностях и структуре, подчеркивая разнообразие, аутентичность и эмоциональную глубину семейных отношений.

Литература

1. Иванова А. А. Гендерные особенности брачно-семейных отношений молодежи в современном российском регионе: дис ... канд. социолог. наук: 22.00.03. — Астрахань, 2017. — 246с.
2. 2. Маньковская Н. П. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. — 2018. - №1.
3. 3. Хагуров Т. А. Социальное воспитание детей и молодежи в современном обществе как деструкция традиционной культуры детства // БЕРЕГИНЯ. — 2016. - №2(29).
4. 4. Чистякова В.П. Семейная фотография второй половины XIX - начала XX века в России: опыт этнологического и источниковедческого анализа: дис ... канд. ист. наук: 07.00.07. — М., 2012. — 134 с.
5. 5. Щенникова Л. С. Фотография в контексте постмодернизма // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2014. - №4.

М. А. Ломакина

КЛАССИФИКАЦИЯ НАДПИСЕЙ НА АРМЯНСКОЙ МЕДНОЙ ПОСУДЕ XVIII–XIX вв. ИЗ ФОНДОВ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

М. А. Lomakina

CLASSIFICATION OF INSCRIPTIONS ON ARMENIAN COPPER DISHES OF THE XVIII–XIX CENTURIES FROM THE FUNDS OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Аннотация. В статье рассматриваются экспонаты коллекции армянской металлической посуды XVIII–XIX вв. из фондов Крымского этнографического музея с надписями на армянском языке. Выполнен анализ надписей – важного эпиграфического источника, выведены формулы и каноны, которые использовали мастера ремесленники. Представлена классификация предметов.

Ключевые слова: коллекция, экспонат, металлическая посуда, эпиграфика, культурное наследие, канон, формула.

Annotation. The exhibits of the collection of Armenian metal dishes of the XVIII–XIX century. from the funds of the Crimean Ethnographic Museum with inscriptions in Armenian. An analysis of the inscriptions, an important epigraphic source, was carried out, formulas and canons were derived, which were used by master artisans. Subject classification is presented.

Keywords: collection, exhibit, metal tableware, epigraphy, cultural heritage, canon, formula.

Предметы искусства – своеобразные документы мыслей и верований человека. Особенно тесно связано с жизнью и мироощущением человека прикладное искусство. Среди армянского населения Таврической губернии значительное число составляли ремесленники. Их ряды пополнялись за счет ремесленников из Западной Армении, бежавших с территории Османской империи. Армяне-ремесленни-

ки пользовались славой умелых мастеров и имели свои мастерские в Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре, Бахчисарае и Симферополе [2, с. 48]. В XV в. в Карасубазаре и в XVII в. в Бахчисарае сформировались армянские общины, которые занимали отдельные районы городов, получившие название «Армянская слобода». В городе Старый Крым армянская община на одном из своих первых заседаний, исходя из того, что «Старый Крым знатным количеством народа армянской нации заселён», приняла меры по обеспечению ремесленного населения припасами, чтобы ремесленники не были «принуждены отлучиться по покупке оных и не прекратили бы своей работы» [2, с. 49].

Немалое значение среди ремесел имело мастерство художественной обработки металла — торовтика. Армянские мастера-медники обладали прекрасным декоративным вкусом, создавали технически прочные изделия с исключительным изобразительным оформлением в виде орнаментальных геометрических, зооморфных и растительных сюжетов, дарственных и посвятительных надписей и клейм.

На протяжении столетий в традиции армянского народа фиксировать исторические события не только на пергаменте, но и на долговечном камне. Первая дошедшая до нас надпись высечена на Текорском храме в конце V в. Сбор и изучение надписей на прочном материале (керамика, металл, камень) относятся к эпиграфической науке.

Армянские каменные надписи Крыма — уникальный исторический источник, они высечены главным образом на хачкарах и на надгробных плитах. По содержанию их можно разделить на четыре группы: мемориальные (поминальные), строительные (китарские), дарственные (донаторские), библейские (т. е. выдержки из Библии). Мемориальные надписи содержат достоверные сведения об усопших и их родственниках, об их добрых деяниях при жизни, о причинах смерти (несчастный случай, стихийные бедствия, набеги и др.) [1, с. 299]. В коллекции предметов Крымского этнографического музея, посвященных армянской культуре Крыма, находится два хачкара, предназначенные для вставки в стену культового сооружения.

Хачкары из известняка и белого мрамора с врезным орнаментом в виде трех крестов — центрального на всё поле и двух малых, датированы XIV–XV вв. На хачкаре, изготовленном из белого мрамора, в верхнем левом углу поля нанесена надпись: «Святое знамение» (перевод М. В. Петросяна).

К эпиграфическим источникам армянской коллекции Крымского этнографического музея можно также отнести предметы из собра-

ния медной посуды с надписями на армянском языке, датируемые в пределах XVIII–XIX в. (перевод надписей выполнен Т. Э. Саргсян и М. В. Петросяном). Коллекция медной посуды музея с надписями на армянском языке сформировалась в ходе закупок 2017–2023 гг. и насчитывает 37 предметов [3, с. 116]. Вся посуда имеет функциональное назначение: подносы, сосуды для подогрева пищи («саан»), миски, тарелки, шумовка, чаша, кофемолка и таз для омовения. Помимо надписей на посуду нанесены композиции из зооморфных, растительных, геометрических сюжетов и крестов.

Надписи на посуде имеют посвятительный характер и делятся на группы по своему содержанию. К группе предметов с надписями дарственного (донаторского) характера с посвящением храмам и монастырям Крыма (Таврической губернии) и Османской империи относятся: шумовка (конец XVIII в., Таврическая губерния), чаша (2-я пол. XIX в., Таврическая губерния), тарелка (нач. XIX в., Османская империя):

1. Шумовка металлическая, 1796 г. (КП-3144, ИБ-1231): состоит из ручки и черпака. Черпак круглый, слегка вогнутый, с симметрично расположенными отверстиями в виде шестилепесткового цветка в круге. Ручка длинная, плоская в сечении, украшена резным орнаментом (насечка). На ручке врезная дарственная надпись на армянском языке: «На память монастырю Св. Спасителя от Минаса Гаврилова, 1796 г.». Предположительно, была передана в дар армянскому монастырю Св. Спасителя (Св. Ильи), расположен близ с. Богатое (ранее — Бахчи-Эли), XIV в.

2. Чаша металлическая, ритуальная, 1879 г. (КП-8757, ИБ-4453, рис. 1): чаша глубокая с неравномерным дном. Внешняя поверхность украшена параллельными концентрическими линиями. На внешней стороне борта имеется врезная дарственного характера надпись в одну строку на армянском языке: «1879 [год] Церкви Святого Георга в Феодосии». Храм Св. Георга — центральный храм монастыря Святого Георга, находится в центральной части Феодосии, возведен в 1385 г.

3. Миска металлическая начала XIX в. (КП-9381, ИБ-5003, рис. 2): миска с дном на кольцевой подставке, основание миски расширяется кверху и продолжается широким бортиком, по всему диаметру которого с внешней стороны нанесена врезная дарственная надпись на армянском языке: «Тонц Магдуси Арутин. В 1262 (1813) отдана в память в Церковь Святой Богородицы в Себастии рукой церковного старосты Магдуси Туманяна Григора». Церковь Святой

Рис. 1. Чаша металлическая, ритуальная, 1879 г. (КЭМ, КП-8757, ИБ-4453)

Рис. 2. Миска металлическая, начало XIX в. (КЭМ, КП-9381, ИБ-5003)

Богородицы находится в Турецкой провинции Сивас (Себастья) в с. Гйейдюн, построена в XIX в. После Геноцида армян 1915 г. церковь перешла в частное владение.

Все три надписи имеют посвятельный дарственный характер, в двух случаях с упоминанием имени и фамилии дарителей на шумовке и миске, а также с упоминанием рода деятельности дарителя — церковный староста. Один из предметов, возможно, имеет ритуальное назначение — чаша из церкви Св. Георга. На основе надписей установлено, какой обители были подарены данные виды утвари. Все три предмета сами по себе имеют уникальное историческое значение, они принадлежали храмам и монастырям, которые давно не являются действующими, хотя когда-то были крупными религиозными центрами. Монастырь Св. Ильи в с. Богатое был закрыт в 1923 г., сохранился храм, который находится в руинированном состоянии. Он известен своими каменными рельефами и резным декором. Сохранился в гавите (приделе) крестовый свод с гуртами. В Центральном музее Тавриды хранится каменная икона Богородицы из этого храма. Церковь Св. Георга в Феодосии сохранена полностью.

К следующей группе относятся четыре предмета с врезными дарственными надписями на армянском языке с посвящением одаряемому и без упоминания имени дарителя:

1. Поднос металлический, Таврическая губерния, начало XIX в. (КП-9386, ИБ-5008, рис. 3): круглый, с узким отогнутым бортиком, на поверхности остатки лужения. На лицевой стороне изображение шестиконечной звезды (гексаграмма) в лучистом круге, чередующихся стилизованных кипарисов, ваз с цветами, декоративными элементами, расположенными по кругу. По окружности подноса идет кайма из завитков. Над каймой врезная дарственная надпись: «В усладу господина Торосова из рода Еахчян, 1804» (на армянском).

2. Поднос металлический, Таврическая губерния, конец XVIII в. (КП-8606, ИБ-4307, рис. 4): круглый, с низким бортиком, луженый, украшен врезными концентрическими линиями и изображением птиц и Древа жизни, двух кипарисов с сидящими птицами. Надпись на армянском языке: «В усладу Арутина — сына Палчиоглу Мартироса, год 1241 (1792)».

Надписи с более простой формулой-посвящением:

1. Блюдо металлическое, Крым, вторая половина XVIII–XIX в. (КП-10169, ИБ-5712): Выполнено из металла серебристого цвета.

Рис. 3. Поднос металлический, начало XIX в. (КЭМ, КП-9386, ИБ-5008)

Рис. 4. Поднос металлический, конец XVIII в. (КЭМ, КП-8606, ИБ-4307)

С круглым дном, переходящим в широкий отогнутый бортик, луженое. С лицевой стороны украшено гравировкой в виде врезных concentрических полос и трех линий стилизованного орнамента из переплетенных цепей и завитков, шести медальонов с узорами в виде завитков (потерто) и надписи, выполненной в одну строку на армянском языке: «Илье, сыну Тиминтчи». В медальонах стилизованный растительный узор в виде трилистника.

2. Тарелка металлическая, Крым, вторая половина XVIII–XIX в. (КП-10101, ИБ-5655, рис. 5): с округлым дном, переходящим в широкий отогнутый бортик. С лицевой стороны бортик украшен пятью медальонами, четыре из которых с декоративным заполнением, в одном — врезная надпись на армянском языке с выступающими заглавными буквами в три строки «Якобу, сыну Саргиса».

В армянской среде традиционным являлось семейное и личное донаторство в пользу общины или отдельных членов общины. Ценные предметы, к которым относится металлическая посуда со слож-

Рис. 5. Тарелка металлическая, 2-я пол. XVIII в. – XIX в. (КЭМ, КП-10101, ИБ-5655)

ными богатыми орнаментами, могли быть даром к важному событию в жизни одаряемого, возможно, к свадьбе.

К следующей группе относится предмет с просветительской надписью на армянском и арабском языках:

1. Тарелка металлическая, Крым, первая половина XVIII в. (КП-9382, ИБ-5004): тарелка с золотистым никелированным покрытием, с дном на кольцевой подставке, переходящим в широкий отогнутый бортик. Бортик украшен врезным растительно-геометрическим орнаментом из полос и фигурных элементов, в одном из которых врезная надпись на армянском языке: «Алексан, год 1108 (1721)». На дне с внешней стороны круг с орнаментом из вдавлений, на бортике врезная надпись арабицей «Господин Хусейн, 1184» (1770/1771).

В коллекции музея посвященной культуре греков Крыма есть сосуд для воды 1919 г. (КП-770, ИБ-755) греческого мастера Н. Яни, на котором изображен стилизованный михраб мечети. Сосуд принадлежал А. Джаферовой и был подарен музеем в 1995 г. Судя по орнаментике, мастер-грек сделал этот сосуд для мусульманской семьи. С тарелкой мы видим похожую картину: более ранняя армянская надпись (судя по датировке), возможно, была клеймом мастера, а более поздняя, сделанная на арабском, была владельческой надписью.

К следующей группе относятся 17 предметов с врезными надписями на армянском языке владельческого характера, передающие полную или частичную формулу, содержащую имя или фамилию владельца, упоминание имени отца, фамилии рода и датировки в армянском летоисчислении. К наиболее интересным в функциональном назначении относятся: сосуд для подогревания пищи («саан») и таз для омовения:

1. Таз для омовения («дастшуй»), Крым, вторая половина XVIII–XIX в. (КП-10170, ИБ-5713): выполнен из металла серебристого цвета. С выпуклым круглым дном, цилиндрическим туловом и широким отогнутым бортиком, на лицевой стороне которого выгравирована надпись на армянском языке «Иоанэс Кеменчист». На бортике таза орнамент в виде врезных концентрических линий. Дастшуй (перс. — «рукомойник»), таз для омовения рук. Обычно медный (реже стальной), с чеканным, гравированным и прорезным орнаментом, закрытый сосуд с глубоким округлым резервуаром под широким диском с широкими ложчатыми или фестончатыми полями. Отверстие в центре диска закрывается ажурной съемной крышкой. Для ритуальных и праздничных омовений обычно используется

вместе с кувшином — афтабой. У мусульман используется при омовении перед намазом (упоминается в Библии «в указаниях о Скинии и служении при ней»).

2. Сосуд для подогрева пищи («саан»), Крым, вторая половина XVIII в. (КП-9379, ИБ-5001): состоит из миски с высокими стенками с отогнутым бортиком и крышки усеченно-конической формы с выступом — ухватом. Поверхность крышки с двумя ступенчатыми выступами. На внешней стенке миски имеется владельческая надпись на армянском языке в две строки «Акоб сын Мартироса, 1236 (1787)». Сосуды «саан» встречались у многих народов, которые издавна проживают на Крымском полуострове. Крымские татары, армяне, греки, караимы, крымчаки использовали их для подачи национальных блюд, таких как: чебуреки (чир-чир), янтыки, долма, манты и др. «Саан» имеет свои технические особенности. Благодаря своей конструкции еда в такой посуде сохраняет свою температуру и свежесть.

Интересным моментом является упоминание фамилии Кеменчист. Возможно, занятием рода было изготовление струнного смычкового музыкального инструмента кеманча, который известен на территории Армении с IX в. и входит в традиционный народный инструментальный ансамбль сазандар.

К последней группе относятся шесть предметов с врезной надписью на армянском языке, состоящей из формулы в одно слово — это имя или фамилия, инициалы и год от Р. Х. Вся формула из группы врезных надписей на армянском языке представлена на сосудах разновидности «саан», втором из собрания музея:

1. Сосуд для подогрева пищи («саан»), Таврическая губерния, середина XIX в. (КП-9380, ИБ-5002): состоит из миски с округлым туловом и отогнутым бортиком и крышки усеченно-конической формы с выступом-ухватом. Поверхность крышки украшена рельефным стреловидным узором и насечками. На миске снаружи врезное клеймо «Иоваким» и дата «1855».

Анализируя надписи на армянской металлической посуде, можно отметить, что существовали каноны, которые использовали мастера ремесленники, повторяющиеся по смыслу и содержанию формулы. Общее содержание формул: имена или фамилии, род владельцев или одаряемых, датировки по армянскому летоисчислению. Можно выделить надписи, где упоминаются культовые сооружения Крыма и Османской империи с названием городов или провинций, где данное строение находится. В ряде надписей указываются представи-

тели разных сословий и профессий (господин Торосов, церковный староста, Кеменчист). Содержательной группой являются надписи-клейма, позволяющие узнать имена или фамилии мастеров — изготовителей металлической посуды, время, когда они жили и работали. Все перечисленное позволяет говорить о самих предметах и содержащихся на них надписях, как об уникальных исторических и этнографических источниках.

Литература

1. Григорян Г. М. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и северного Кавказа // Историко-филологический журнал. — 1970. — № 3. — С. 297–301.
2. Манучарян Ш. Г. Возникновение армянских поселений на полуострове // Сквозь века. Народы Крыма / под ред. Н. Николаенко. — Симферополь, 1995. — Вып. 1. — С. 33–58.
3. Миронова Н. В. Формирование фондовых коллекций Крымского этнографического музея путем закупок в 2015–2023 гг. // Этнография Крыма и сопредельных территорий: Материалы I Этнографических чтений, г. Симферополь, 14–15 декабря 2023 г. — Симферополь: Антиква, 2024. — С. 112–119.

Н. В. Миронова

ЭКСПЕРТИЗА МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ДРАГОЦЕННЫЕ МЕТАЛЛЫ И ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В КРЫМСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ)

N. V. Mironova

EXAMINATION OF MUSEUM ITEMS CONTAINING PRECIOUS METALS AND GEMSTONES (FROM THE EXPERIENCE OF THE CRIMEA ETHNOGRAPHIC MUSEUM)

***Аннотация.** В статье представлен краткий обзор ювелирной коллекции, хранящейся в фондах Крымского этнографического музея. Выделены и раскрыты ключевые этапы экспертизы музейных предметов, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни. Особое внимание уделено нормативно-правовой базе, регулирующей этот процесс.*

***Ключевые слова:** Крымский этнографический музей, экспертиза ДМДК, драгоценные металлы, ювелирные изделия.*

***Aannotation.** This article provides a concise overview of the jewelry collection housed in the Crimean Ethnographic Museum's archives. It outlines and examines the key stages of expert evaluation for museum items containing precious metals and gemstones. Particular attention is given to the regulatory framework governing this process.*

***Keywords:** Crimean Ethnographic Museum, Precious Metals and Gemstones Examination (PMGE), precious metals, jewelry artifacts.*

Фондовые коллекции по материальной и духовной культуре народов Крыма начали формироваться в Крымском этнографическом музее с момента его создания и продолжают пополняться. Они составляют подлинное богатство истории и культуры Крымского полуострова.

Этнографический материал, хранящийся в фондах музея, широко представлен историко-бытовыми предметами, предметами

изобразительного искусства, фотографиями, документами, а также предметами декоративно-прикладного искусства, в том числе и ювелирными украшениями. В Крымском этнографическом музее коллекция ювелирных изделий занимает достойное место, особую ее группу составляют ювелирные украшения, выполненные из серебра и серебра с позолотой, некоторые со вставками из камней.

Коллекция ювелирных изделий включает в себя уникальные образцы декоративно-прикладного искусства конца XIX – начала XX веков: женские пояса крымских татар и армян, изящные наперстки на фес, гарнитуры, серьги, браслеты, кольца, амулеты, броши и ожерелья [7]. Особое место занимают предметы быта из серебра — стаканчики, подставки под кофейные чашки «зарф», наперстки, маникюрные наборы, игольница, демонстрирующие тонкую работу мастеров прошлого. Современное ювелирное искусство представлено филигранными изделиями таких мастеров, как Асан Галимов (КП-907 ДП-323 — КП-909 ДП-324), Изет Аблаев (КП-113 ДП-13 — КП-117 ДП-17), Энвер Аблаев (КП-103 ДП-28) и Эльмира Асанова (КП-1655 ДП-531) [1]. Их работы, сохраняя традиционные техники, приносят в коллекцию дух современности. В 2014 г. музей пополнился выдающейся коллекцией серебрянных филигранных украшений от ювелирного дома «Дюльбер», чьи произведения получили признание не только в России, но и за рубежом [7].

В силу того, что ювелирные изделия сделаны из имеющих значительную материальную ценность драгметаллов (серебра), данная коллекция формировалась в основном через закупки. Так, например, за последние годы, с 2016 по 2023 гг., за счет бюджетных средств, выделенных Министерством культуры Республики Крым, было приобретено 194 предмета, относящихся к ювелирным украшениям [2, с. 112–118]. Однако, есть предметы, которые были переданы в музей в ходе дарения.

Не каждое украшение можно назвать ювелирным изделием. Результат ювелирной работы — это сочетание нескольких аспектов: наличие в изделии драгоценного металла, художественной обработки и клейма на его внутренней стороне.

Для изготовления ювелирных изделий, хранящихся в Крымском этнографическом музее, использовались различные приемы ручной обработки: литье,ковка, чеканка, скань (филигрань), резьба (гравировка), чернение, зернь, золочение, что определяет художественную ценность данной коллекции. Материальную же ценность и историческую подчеркивают клейма [5, с. 27–33]. Однако, на большинстве

ювелирных изделий, представленных в нашей коллекции, отсутствуют клейма, которые позволяли бы достоверно судить о подлинности материала. Поэтому с целью идентификации драгоценного металла и определения его химического состава и пробы, используемого в ювелирном изделии, проводится экспертиза драгоценных металлов и камней в музейных предметах (далее — экспертиза ДМДК в музейных предметах).

К драгоценным металлам относятся золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий) [6]. К драгоценным камням относятся природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. К драгоценным камням приравниваются уникальные янтарные образования в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации [6]. Ювелирные изделия — изделия, изготовленные из драгоценных металлов и их сплавов и имеющие пробы не ниже минимальных проб, установленных Правительством Российской Федерации, в том числе изготовленные с использованием различных видов декоративной обработки, со вставками из драгоценных камней, других материалов природного или искусственного происхождения или без них, за исключением монет, прошедших эмиссию, и государственных наград, статус которых определен в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее — ювелирные и другие изделия из драгоценных металлов), либо изделия, изготовленные из материалов природного или искусственного происхождения с использованием различных видов декоративной обработки, со вставками из драгоценных камней [6].

Крымским этнографическим музеем проведены три экспертизы ДМДК в музейных предметах: первая состоялась в 2017 г., вторая — 2019 г. По результатам этих экспертиз, музейная коллекция, состоящая из драгоценных металлов и драгоценных камней, пополнилась 190 предметами. Третья экспертиза ДМДК была проведена в 2024 г. в соответствии с новым приказом Министерства культуры Российской Федерации от 04.08.2022 г. №1322 «Об утверждении Правил организации учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и содержащих в своём составе драгоценные металлы и драгоценные камни». На экспертизу отправлено 174 музейных предмета, в основном, женские пояса, пряжки, наперстки на фес, нагрудные амулетницы, кольца, перстни-печати, серьги, за-

колки, украшения на фес, маникюрные наборы, кресты нагрудные, подставки под кофейные чашки, наперсток, игольница. При работе с ювелирными изделиями определены материал, который использовался для его изготовления, соответствие пробы металла и состав легирующих примесей в сплаве, а также минералы и органические вставки. В итоге, было выявлено 145 изделий, состоящих из серебра различной пробы от 100 до 980. Таким образом, коллекция ювелирных изделий, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни на 01.01.2025 г. составила 335 единиц хранения.

Экспертизу ДМДК в музейных предметах можно разделить на ряд этапов:

- Постановка музея на специальный учет в ГИИС ДМДК (государственной интегрированной информационной системе в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней)
- Подача заявки в МРУ «Федеральной пробирной палаты по ЮФО»
- Отбор музейных предметов и проведение экспертной фондово-закупочной комиссии музея (далее ЭФЗК музея)
- Страховка музейных предметов
- Регистрация сделки в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации
- Упаковка и транспортировка музейных предметов
- Прием/возврат музейных предметов на экспертизу ДМДК
- Учет музейных предметов, III ступень учёта.

Рассмотрим более подробно саму процедуру проведения экспертизы ДМДК.

Музеи, осуществляющие постоянное хранение музейных предметов, содержащих драгоценные металлы и/или камни, подлежат постановке на специальный учет в государственной интегрированной информационной системе в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота (далее также — ГИИС ДМДК) [6].

Экспертизу ДМДК могут проводить Федеральная палата и ее территориальные органы [6]. Экспертизу ДМДК в музейных предметах для субъектов Российской Федерации входящих в Южный федеральный округ осуществляет Межрегиональное управление Федеральной пробирной палаты по Южному федеральному округу.

Экспертиза производится в соответствии с планом, утверждаемым на календарный год. Если музей хочет произвести экспертизу музейных ценностей он должен подать письмо-заявку в текущем

году на следующий год с указанием количества предметов, предположительно содержащих драгоценные металлы, требующих проведения экспертизы с обязательным указанием номера постановления на специальный учет в ГИИС ДМДК [3].

Обязательной экспертизе ДМДК подлежат все предметы, предположительно содержащие драгоценные металлы и драгоценные камни, в том числе имеющие регламентированную пробу и массу, указанные в каталогах.

На экспертной фондово-закупочной комиссии музея рассматривается вопрос о временной передаче музейных предметов на экспертизу ДМДК, утверждается оценочная стоимость предметов, для дальнейшей их страховки и транспортировки. Предметы должны быть застрахованы по формуле «От гвоздя до гвоздя» на условиях «От всех рисков». Оригинальный полис страхования должен включать в себя оговорки и условия, соответствующие международной практике страхования культурных ценностей [4].

Так как передача музейных предметов на экспертизу ДМДК является внесмузейной выдачей, то необходимо получить разрешение Министерства культуры Российской Федерации. Заявка на получение разрешения оформляется Музеем в реестре сделок Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации. Разрешение выдается посредством регистрации реестровой записи с шифром «ЭК» [3].

После регистрации сделки издается приказ руководителя, в котором указываются: цель внесмузейной выдачи — проведение экспертизы, сроки — по договоренности с экспертом, количество передаваемых предметов.

Прием музейных предметов на экспертизу в Межрегиональное управление Федеральной пробирной палаты по Южному федеральному округу осуществляет эксперт. В присутствии хранителя или материально-ответственного лица проводится взвешивание и идентификация каждого предмета по учетным обозначениям, описанию предмета, состоянию сохранности, размерам и составу материалов, отраженным в акте передачи предметов во временное пользование. Результаты взвешивания отражаются в акте. В случае обнаружения экспертом при приеме предметов существенных расхождений с представленной музеем информацией по учету о состоянии сохранности, целостности предмета, размерах, общей массе, такие предметы на экспертизу не принимаются и возвращаются музею.

После проведения экспертизы ДМДК музейные предметы возвращаются в музей на основании документа, удостоверяющего полномочия лица на прием музейных предметов (доверенность), документа, удостоверяющего личность, проекта акта возврата музейных предметов в 2-х экземплярах, копии акта приема-передачи.

После документа, подтверждающего оплату государственной пошлины, эксперт отправляет акт экспертизы ДМДК почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

Только акт экспертизы является основанием для внесения в учетную документацию музея сведений о драгоценных металлах и драгоценных камнях. При отсутствии в предмете драгоценных металлов и драгоценных камней, в акте экспертизы делается отметка о том, что предмет не содержит драгоценных металлов и драгоценных камней. На основании экспертизы такой предмет не включается в коллекцию «Драгоценные металлы», не вносится в специальную инвентарную книгу и не включается в форму федерального государственного статистического наблюдения № 4-экспонаты «Сведения о наличии драгоценных металлов и драгоценных камней в музейных предметах».

На основании акта экспертизы ДМДК и по решению ЭФЗК музейные предметы содержащие драгоценные металлы или драгоценные камни, предметы, прошедшие первую и вторую ступени учета, подлежат регистрации в специальных инвентарных книгах, являющихся учетными документами третьей ступени учета в срок не превышающий 40 рабочих дней с даты утверждения акта экспертизы [3].

Таким образом, проведение экспертизы ДМДК является обязательным для идентификации подлинности, определения пробы и состава материалов, особенно для предметов без клейм. Это позволяет музею точно документировать и систематизировать коллекцию. Необходимо отметить, что процедура экспертизы строго регламентирована российским законодательством, что обеспечивает прозрачность и контроль за оборотом драгоценных металлов.

Литература

1. Заатов И. Крымскотатарское декоративно-прикладное и изобразительное искусство. – Симферополь: Тарпан, 2003. – 280 с.
2. Миронова Н.В. Формирование фондовых коллекций Крымского этнографического музея путем закупок в 2015–2023 гг. // Этнография Крыма и сопредельных территорий: Материалы I Этнографических чтений (г. Сим-

ферополь, 14-15 декабря 2023 г.). – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 112-118.

3. Об утверждении Правил организации учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и содержащих в своём составе драгоценные металлы и драгоценные камни: Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 04.08.2022 г. №1322 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. - № 32. – Ст. 5601.

4. О страховании музейных предметов: Письмо Министерства культуры Российской Федерации от 14.05.2016 г. № 165-01-39-ВА // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. Режим доступа: https://culture.gov.ru/documents/o_strakhovanii_muzeynykh_predmet356203/

5. Таратухина Е.Е. Коллекция ювелирных изделий в фондах Крымского этнографического музея // Этнография Крыма XIX-XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып.2 / отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. – Симферополь, 2012. – С. 27-33.

6. Федеральный закон №41-ФЗ от 26.03.1998 г. «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 13, ст. 1463; 2022, № 27, ст. 4606.

7. Ювелирная коллекция Крымского этнографического музея: каталог / сост. Е.Е. Таратухина. – Симферополь: Антиква, 2015. – 108 с.

Л. А. Науменко

**К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОЙ
ВЫШИВКИ НА ПРИМЕРЕ
ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

L. A. Naumenko

**THE ISSUE OF PRESERVATION AND POPULARIZATION
OF TRADITIONAL EAST SLAVIC EMBROIDERY
(THE EXAMPLE OF THE EXHIBITION ACTIVITIES
OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM)**

Аннотация. В статье анализируется работа Крымского этнографического музея в области экспонирования восточнославянского текстиля конца XIX – середины XX веков. Рассматриваются выставочные проекты, где демонстрировались предметы, декорированные вышивкой – древнейшим видом традиционного декоративно-прикладного искусства. Акцентируется внимание на необходимости популяризировать традиционное народное искусство восточных славян, проживающих на территории Крыма, что помогает сохранить этнокультурную идентичность народов.

Ключевые слова: вышивка, выставочный проект, декоративно-прикладное искусство, музейное собрание

Annotation. The article analyzes the work of the Crimean Ethnographic Museum in the field of exhibiting East Slavic textiles of the end of XIX – middle of XX centuries. The author considered exhibition projects, where were demonstrated objects, decorated with embroidery (the oldest type of traditional decorative and applied art). Attention is focused on the need to popularize the traditional folk art of the Eastern Slavs living in Crimea, which helps preserve the ethnic and cultural identity of the peoples.

Keywords: embroidery, exhibition project, decorative and applied art, museum collection

Культурное наследие — это материальные и духовные произведения, созданные человеком в прошлом и обладающие культурной ценностью. Оно является фундаментом современной науки, образования и культуры. Важной составляющей культурного наследия являются народные ремесла, рукоделие, в частности, традиционная вышивка. Значимость изучения традиционной вышивки определяется также ее ролью в современном социокультурном пространстве. Независимо от стирания границ национальных культур в эпоху стандартизации и урбанизации, интерес к народной культуре, как на уровне страны, так и региона, в значительной мере возрос.

Интерес к выставкам, связанным с народной вышивкой, не обошел стороной и Крымский этнографический музей. Так сложилось исторически, что коллекция тканей в собрании музея является доминирующей и датируется в целом концом XIX – серединой XX веков [2, с. 359, 4]. Условно собрание тканей Крымского этнографического музея можно разделить на две группы — традиционный текстиль, наделенный этнической спецификой, и текстиль советского периода, когда практически стирается национальный элемент и унифицируются предметы декоративного убранства дома, а национальный костюм полностью исчезает.

Коллекция тканей восточнославянской вышивки в музее самая обширная в количественном плане. Учитывая эту особенность, Крымский этнографический музей осуществил ряд социально-значимых проектов, целью которых было сохранение и популяризация восточнославянской вышивки.

Знаковым мероприятием Крымского этнографического музея по популяризации культурного наследия восточнославянского населения является Республиканская биеннале восточнославянской народной вышивки «Узор на полотне» им. В.Роик [5, с. 126]. В 2024 г. прошла уже VI Республиканская биеннале. Первая биеннале была организована в 2013 г. На выставке участвовали 105 работ участников конкурса, представивших все регионы Крыма, а также Волынскую область и г. Мелитополь.

В 2016 и 2018 гг. участниками конкурса были только крымские вышивальщицы [3, с. 153–154]. В 2020 г. IV биеннале прошла в необычном формате. В связи с мерами, принятыми в целях борьбы с распространением коронавирусной инфекции, стационарная выставка была презентована только для представителей средств массовой информации. Посетители получили возможность ознакомиться с работами участниц в онлайн-режиме, видео представлено на офи-

циальных страницах музея в социальных сетях. Однако, несмотря на трудности в конкурсе участвовало более 100 декоративных изделий. Участниками стали не только жители Крыма, но и мастерицы из Украины и Беларуси.

В пятый раз конкурс прошел в 2022 г. (рис. 1). Кроме жителей Крыма участниками конкурса стали мастерицы материковой России, в частности вышивальщицы из г. Кемерово — Ольга Васильевна Иванова, завоевавшая Гран-при конкурса, и Надежда Николаевна Костромина, ставшая победительницей в номинации «Мастерство в использовании традиционных восточнославянских техник вышивки».

За время проведения биеннале восточнославянской вышивки «Узор на полотне» проект стал представлять для музея одно из важных направлений работы по сохранению славянских народных традиций. Кроме этого, церемонии открытия и закрытия биеннале служат поводом для торжественной передачи в музей разнообразных вышитых изделий, а также становятся площадкой, где мастера могут обменяться опытом и поделиться знаниями.

Еще один значимый проект, который был осуществлен 2013–2014 гг. Крымским этнографическим музеем, ученицами В. С. Роик,

Рис. 1. Гости и победители V Республиканской биеннале восточнославянской народной вышивки «Узор на полотне» им. В.С. Роик, 2022 г.

В. М. Роиком, при поддержке Министерства культуры АРК — это проект «Рушник к 200-летию Т. Г. Шевченко». Итогом этой работы стал семиметровый рушник, хранящийся в фондах Крымского этнографического музея, вышитый ученицами В. С. Роик. Сам же проект состоял из двух этапов. Первый — подготовка ткани к нанесению вышивки и вышивка центральной части рушника. Для узора центральной части использован эскиз орнамента, разработанный самой В. Роик. Второй этап включал вышивку четверостишья Т. Г. Шевченко из стихотворения «Заповіт» на 43-х языках народов Крыма. Центральную часть рушника вышивала Евгения Жукова (г. Джанкой), ученица В. С. Роик. 14 апреля работа над рушником была окончена, и 25 апреля 2014 г. состоялась его презентация. Удивительно сложный и интересный проект, который проходил в очень непростое время и который объединил вокруг себя не только представителей восточных славян, но и других народов [3, с. 155–156].

Еще два проекта, связаны с деятельностью известной вышивальщицей Крыма В. С. Роик — это выставочный проекты «Мелодия на полотне» 2016 г., осуществленный в г. Невинномыске [1, с. 8–9], и передвижной выставочный проект «Стежок к стежку игла рисует». Первый был осуществлен к 105-летию В.Роик, второй — к ее 110-летию со Дня рождения.

В 2016 г. состоялась первая попытка сотрудников Крымского этнографического музея сделать научный анализ работ В. С. Роик, в результате чего возникла идея новой выставки «Мелодия на полотне», которая успешно была реализована Крымским этнографическим музеем при поддержке Министерства культуры Республики Крым в г. Невинномыске. Именно там в конце 40-х — начале 50-х гг. XX века Вера Роик начинала свою трудовую деятельность [6]. Главной идеей концепции выставки стало желание показать разнообразие узоров вышивки, как собственной коллекции музея, так и работ В. С. Роик, с точки зрения ее символики. В Невинномыском историко-краеведческом музее (Ставропольский край) 21 апреля 2016 г., в год 105-й годовщины со дня рождения мастерицы, открылась выставка, где было представлено 130 предметов, отображающих многообразие восточнославянской вышивки конца XIX — начала XX вв. Часть коллекции составляли работы самой Веры Роик [3, с. 154–155]. Нужно отметить, что это событие стало знаменательным и для города Невинномыска (рис. 5).

Передвижной выставочный проект «Стежок к стежку игла рисует» экспонировался в Крымском этнографическом музее

(23.04.2021 – 24.05.2021;), Ливадийском дворце-музее (27.05. – 28.06.2021) (рис.3), музее-заповеднике «Судакская крепость» (2.07.2021 – 6.08.2021) [7] (рис. 4). Целью выставки было показать многообразие орнаментальных мотивов на различных изделиях.

Наконец, последний выставочный проект, совершенно новый, осуществленный в марте–июне 2024 г. в г. Вологда, назывался «Сохраненная красота: традиционный текстиль народов Крыма», где одной из составляющих были предметы восточнославянской вышивки (рис.2). На выставке экспонировалось всего около 130 предметов основного фонда. Целью проекта было показать разнообразие вышивки народов Крыма [8]. Экспонирование выставки засвидетельствовало, что интерес к народной вышивке старожильческого населения Крыма на севере России присутствует, и это совершенно не удивительно, потому что с культурой народов нашего полуострова жители Вологодского региона не знакомы. Но что было, действительно, удивительно, так это огромный интерес к народной вышивке восточных славян южных регионов России, которая, действительно, очень отличается от вышивки Русского Севера. Приведу несколько высказываний из «Книги отзывов» Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: «Растрогана до слез, рушники и рубашки из моего детства, мама и бабушка ткали и вышивали в 30-е годы прошлого века, дома долго висели полотенца

Рис. 2. Фрагмент выставки «Сохраненная красота. Традиционный текстиль народов Крыма» в Вологодском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, 2024 г.

Рис. 3. Фрагмент выставки «Стежок к стежку игла рисует...» в Ливадийском дворце-музее, 2021 г.

Рис. 4. Выступление директора музея-заповедника «Судакская крепость» С. Г. Емец на открытии выставки «Стежок к стежку игла рисует...», 2021 г.

и рушники на иконах. Родители уроженцы Украины из Черниговской области»; или «Спасибо за такую замечательную возможность увидеть в Вологде то, на что времени вечно не хватает в Крыму»; «Благодарю за прекрасную выставку! С удовольствием вдохновилась народными мотивами и узнала об их разнообразии, немного поностальгировала о тех изделиях, которые создавали мои бабушка и прабабушка, которыми мы с удовольствием пользовались, когда я была маленькая. Спасибо, что сохраняете все это и даете возможность нам помнить! Екатерина, белоруска из Москвы».

Выставочные проекты Крымского этнографического музея в области традиционной восточнославянской вышивки имеют большое культурное, историческое и образовательное значение. Они популяризируют традиционное народное искусство восточных славян, проживающих на территории Крыма, раскрывают этно-

Рис. 5. Экспозиционная группа Крымского этнографического музея (второй слева: младший научный сотрудник — М. В. Репецкий, пятая слева: заведующая отделом информации и культурно-просветительной работы Крымского этнографического музея — Е. М. Баранова, шестая слева: специалист по учету — И. В. Спирина) и сотрудники Невинномысского историко-краеведческого музея после церемонии открытия выставки «Мелодия на полотне» из собрания Крымского этнографического музея в Невинномысском историко-краеведческом музее, 2016 г.

культурное многообразие региона. В научный оборот вводятся новые предметы, позволяющие проводить научные исследования в области этнографии, текстильного искусства и символики. Это становится основой для публикаций, лекций, мастер-классов и образовательных программ, что в целом способствует популяризации традиционной культуры.

Вышивка несет в себе глубокий символический смысл. С помощью экспозиций музеев помогает посетителям понять мировоззрение предков, их традиции и верования, а также формировать уважение к народному искусству, развивать эстетическое восприятие и способствовать патриотическому воспитанию через призму культурного наследия. В условиях сложной историко-политической ситуации на полуострове такие выставки могут стать инструментом культурного сближения, напоминая об общих корнях, взаимовлиянии традиций и важности уважительного отношения к культурному разнообразию.

Таким образом, выставки традиционной восточнославянской вышивки в Крымском этнографическом музее — это не просто демонстрация красивых изделий. Это важный элемент сохранения культурной памяти, инструмент просвещения и символ уважения к многонациональному наследию Крыма. Они помогают понять, как традиции формируют идентичность народа и как искусство может объединять разные культуры.

Литература

1. Баранова Е.М. Выездные выставочные проекты Крымского этнографического музея в 2014-2021 гг. // V Международная научно-практическая конференция, посвященная 230-летию Крымского этнографического музея «Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: Антиква, 2023. – С. 6-14.
2. Науменко Л.А. Крымский этнографический музей: первые десять лет...// Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 355-361.
3. Науменко Л.А. Наследие В.С. Роик // Песни, вышитые нитками: альбом вышивок и узоров Веры Роик. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И.Гаспринского», 2018. – С. 152-156.
4. Науменко Л.А. Формирование коллекции Крымского этнографического музея // IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию Крымского этнографического музея «Этнография Крыма

XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: Антиква, 2021. – С. 160-165

5. Науменко Л.А. Этнокультурное наследие украинцев в Крыму: создание музея украинской вышивки им. В.С. Роик // Роль музеев в презентации и актуализации знаний по истории и культуре народов и национальных групп и осуществление межкультурной коммуникации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 124-130

6. Роик В.С. Мелодии на полотне. Воспоминания. Вышивки. Отзывы. – Симферополь. - КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. – 446 с.

7. Электронный ресурс: <https://mkult.rk.gov.ru/articles/e45b0811-7f90-471a-9ea8-a8640944e90c>

8. Электронный ресурс: <https://www.cultinfo.ru/news/2024/3/muzey-kruzheva-znakomit-s-traditsionnym-tekstilem->

И. А. Носкова

АКЦИЯ «СВАДЬБА. СЕМЕЙНЫЙ РАРИТЕТ» В КРЫМСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

I. A. Noskova

THE “WEDDING. FAMILY HEIRLOOM” CAMPAIGN AT THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Аннотация: В статье идет речь об акции Крымского этнографического музея «Свадьба. Семейный раритет», которая проводилась в течение всего 2024 года и была приурочена к Году семьи. В каждой семье есть предметы, которые являются символом главного семейного события — свадьбы. В статье описаны подаренные в рамках акции предметы. Их систематизация была проведена согласно классификатору музея: историко-бытовые предметы, фотографии, документы. Предметы изобразительного искусства отсутствовали.

Ключевые слова: свадьба, акция, предметы, Год семьи, свадебные атрибуты, семья, традиции.

Annotation: The article discusses the campaign “Wedding. Family Heirloom” organized by the Crimean Ethnographic Museum, which ran throughout 2024 and was timed to coincide with the Year of the Family. Every family has items that symbolize the most significant family event—the wedding. The article describes the items donated as part of the campaign. They were systematized according to the museum’s classification: historical and household items, photos, and documents. There were no fine art objects.

Key words: wedding, promotion, items, Year of the Family, wedding attributes, family, traditions.

Свадьба — одно из самых торжественных и важных событий в жизни каждого человека. Не случайно, именно она играет большую роль в традициях многих народов. Традиционно свадьба сопровождалась пышными торжествами, народными обрядами и имела свой магический символизм.

В 2024 г. в Крымском этнографическом музее стартовала акция «Свадьба. Семейный раритет», приуроченная к Году семьи. Ее цель — привлечь внимание широкой общественности к институту семьи, как наиважнейшей ценности для нашей страны. В каждой семье есть предметы, которые являются символом главного семейного события. С середины февраля гости и жители Республики Крым делились своими семейными раритетами. Среди подаренных музеем предметов — элементы одежды, свадебные подарки, декоративные скульптуры, документы, фотографии, открытки, телеграммы, текстиль и посуда. За семь месяцев собрано более 200 предметов от 14 дарителей из Республики Крым и Херсонской области, которые затем были переданы в фонды музея.

Систематизация подаренных предметов проводилась по классификатору музея: историко-бытовые предметы, фотографии, документы.

Большая часть из них — фотографический материал, поскольку именно свадебный обряд является одним из самых памятных, красивых и волнующих событий в жизни любого человека, а значит и самым фиксируемым на фото пленке. Каждый, кто вступает в брак, старается на долгие годы запечатлеть и сохранить для истории это торжественное событие. Поэтому жанр свадебной фотографии является практически ровесником самой фотографии, так как первые снимки, изображающие новобрачных, были сделаны еще в середине 40-х гг. XIX в., а среди первых клиентов, повсеместно открывающихся в Европе фотоателье, были именно женихи и невесты, желавшие сняться на память в своих свадебных нарядах. Подаренные в рамках музейной акции фотографии охватывают период с конца 1920-х до начала 2000-х гг.

Второй по численности группой акционных предметов являются открытки, приглашения на свадьбу и поздравительные телеграммы. Все они, преимущественно, советского периода. Тем не менее, эти предметы также хорошо отображают тенденцию празднования свадьбы в послевоенную эпоху.

В собранной коллекции есть и свадебные атрибуты: парные сувенирные медали и кольца, ленты свидетелей и сватов, свадебные аксессуары [1] (фата, бутаньерки, сумочки, перчатки и т.д.). Они заняли отдельную витрину выставки.

В группе историко-бытовых предметов представлены в основном подарки, которые новобрачные получали на свадьбе от своих гостей и родственников. Часть подарков составляла будущее приданое невесты: покрывала, постельное белье, посуда, сервизы.

В числе акционных предметов также много атрибутов, которые использовались непосредственно во время свадебного ритуала. К примеру, рушники восточных славян. Только на украинской свадьбе использовалось несколько таких текстильных изделий:

- «венчальный» рушник, на который становилась пара в церкви;
- рушник для каравая;
- «благословенный» рушник;
- рушник для сватов;
- рушник для свадебного стола новобрачных.

Как правило, на свадебные рушники наносился орнамент с изображением птиц, ягод калины, желудей с дубовыми листьями. Парные птицы — символ любви. Дубовые листья и желуди — древние языческие символы «древа Рода» и «древа жизни». Ягоды калины символ крови и бессмертного рода. Вышивая рушник, девушка программировала свою будущую семейную жизнь, поэтому выполнять работу необходимо было с добрыми мыслями и в хорошем настроении.

Среди предметов есть и символические подарки. В основном, это декоративные статуэтки птиц, как олицетворение любви, символ чистоты, гармонии и верности. Парных птиц часто дарят на свадьбу, на юбилей семейного торжества. К примеру, пластиковую статуэтку, изображающую двух обнимающихся попугаев-неразлучников, после обряда венчания 20 лет назад Людмиле и Сергею Ронжиным подарил протоиерей Андрей Рогулин, настоятель севастопольского храма Святого Луки. На севере России на свадьбу часто дарили «Поморского голубка». Деревянная фигурка являлась сильным славянским оберегом от зла. Птицу подвешивали под потолком над самоваром [2]. Во время его кипения, резная птица, повинаясь потокам горячего воздуха, медленно и торжественно вращалась вокруг оси, словно осматривала свои владения. Еще фигурку часто называли «Птицей счастья». Увы, но сегодня мало кто об этом знает, иначе бы не выкинули «птицу счастья» на помойку. Ее в пункте вторсырья обнаружила коллекционер Анастасия Михайлова и подарила в рамках акции музею.

Самый ранний по времени создания подарок передала музею преподаватель армянской школы имени Габриэла Айвазовского Тамара Виноградова (Григорян). Это бархатная женская сумочка, которую в 1910 г. вышила бисером и подарила на свадьбу жене брата Мария Ивановна Бовина. Она до революции 1917 г. работала золотшвейкой в мастерской при Императорском дворе в Санкт-Петербурге.

бурге. Свадьба Бовиных состоялась в 1912 г. Мастерца изобразила на подарочной сумке «древо жизни», символизирующее продолжение рода.

Восточный колорит представлен уникальными свадебными раритетами, который преподнесла в дар музею Арифа Мухтарова, председатель КРОО «Центр Азербайджанской культуры имени Джалиля Наджабова». Все предметы ранее принадлежали ее бабушке — Телли Расуловой, которая проживала в г. Ахсу. Это лоскутная гурама, которая входила в список основных предметов приданого невесты («*джехиз*») и напрямую была связана с предсвадебным обрядом «*ев бяземек*» (украшение дома новобрачных). И традиционный для тюркских народов узелок *бохча*, с которым перед свадьбой жених ходил в баню-хамам, а после доставал из узелка и одевал чистые для торжества вещи. И, конечно же, национальный женский платок *кялагаи* [3]. На свадьбе невесты часто надевали его вместо фаты, а во время праздника повязывали на боковое зеркало свадебного автомобиля (рис. 1). На подносах с подарками от женщин, прибывающих на свадьбу, самым дорогим подарком считался

Рис. 1. Арифа Мухтарова в свадебном платке кялагаи

именно *кялагаи*. Не случайно, на 9-й сессии ЮНЕСКО в 2014 г. национальный платок, по инициативе делегации Азербайджана, был включен в список нематериального культурного наследия Всемирной культурной организации.

Еженедельно, в самый «свадебный» день, в пятницу, сотрудники Крымского этнографического музея рассказывали о семейных реликвиях, связанных со свадьбой на сайте культурного учреждения и на страницах соцсетей. Всего за время проведения основного периода акции (с февраля по сентябрь 2024 г.) было опубликовано более 30 заметок об истории свадебных атрибутов.

Все подаренные в рамках акции предметы заняли достойное место в коллекции свадебных атрибутов музея. Вместе с фондовыми экспонатами их можно было увидеть на выставке «Свадебные традиции: история и современность», которая открылась в Крымском этнографическом музее 4 сентября 2024 г. (рис. 2). Она стала своеобразным итогом музейной акции и была организована при поддержке Министерства культуры Республики Крым. Выставка поделена на два хронологических блока. В первом зале экспони-

Рис. 2 «Свадьба. Семейный раритет», фрагмент экспозиции КЭМ

ровалась одежда, рушники и свадебные атрибуты, принадлежащие крымчанам разных национальностей. Предметы датируются периодом 1890–1930-х гг. Во втором зале экспозиции — предметы, относящиеся к послевоенному периоду (1950–2000-е гг.). Для показа плоскостного материала специально в едином дизайнерском стиле были изготовлены 10 планшетов со свадебными фотографиями представителей семи народов Крыма (русские, украинцы, белорусы, чехи, эстонцы, армяне, поляки). За основу взяты как акционные фотографии, так и предметы из фондовой свадебной фотоколлекции.

Все предметы, переданные в рамках музейной акции, пополняют коллекцию Крымского этнографического музея и в дальнейшем будут использованы в различных выставочных проектах музея.

Литература

1. Крымский этнографический музей (КЭМ) КП–10756, ИБ–6123; КП–10757, ИБ–6124; КП–10758, Ф–2304.
2. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура русского Севера. М: «Искусство», 1974. С. 189.
3. Торчинская Э.Г. Одежда народов Азербайджана и азербайджанцев Дагестана. — Государственный музей этнографии народов СССР, 1990. — С. 36.

Д. А. Прохоров

ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ И ЕВРЕЕВ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

D. A. Prokhorov

FOUNDATION OF MUSEUM COLLECTIONS ON HISTORY AND CULTURE OF THE CRIMEAN KARAITES AND JEWS IN THE RUSSIAN EMPIRE (SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

Аннотация. В статье рассматриваются этапы формирования этнографических коллекций по истории караимов Крыма и евреев-рабанитов в XIX – начале XX в. Предметы, ставшие основой коллекций многих музейных собраний, демонстрируют элементы быта и отражают основные занятия представителей иудейских общин в городах России в целом и Таврической губернии в частности. Исследования по этому вопросу активизировались в связи с развертыванием отечественного историко-краеведческого движения. Прослежены этапы формирования этнографических и музейных коллекций по истории и культуре караимов и евреев-рабанитов. Приведено описание музейных артефактов, имеющих важное историческое и культурное значение.

Ключевые слова: Крым, караимы, евреи-рабаниты, историко-культурное наследие, этнографические коллекции.

Abstract. The article examines the stages of the formation of ethnographic collections on the history of the Crimean Karaites and Rabanite Jews of in the 19th – early 20th centuries. The objects, which have become the basis of the collections of many museum collections, demonstrate elements of everyday life and reflect the main activities of representatives of Jewish communities in the cities of Russia in general and the Taurida province in particular. Research on this issue has intensified in connection with the development of the domestic historical and local history movement. The stages of formation of ethnographic and museum collections on the history and culture of Karaite and Rabanite Jews are traced. A description of museum artifacts that have important historical and cultural significance is provided.

Keywords: *Crimea, Karaites, Rabanite Jews, historical and cultural heritage, ethnographic collections.*

Рост интереса научной общественности к проблемам истории, религии и культуры иудейских общин России зафиксирован во второй половине XIX в. Исследования данной проблематики получили развитие в связи с развертыванием историко-краеведческого движения в России. Академические изыскания, направленные на изучение прошлого иудейских общин, а именно, евреев-рабанитов и караимов, проводились на Крымском полуострове многими российскими и зарубежными учеными. В тот же период формируются основные теории о происхождении крымских караимов, вызвавшие оживленную дискуссию в научных кругах, которая, к слову, продолжается и в наши дни [14, с. 10–13].

Важным фактором формирования первых этнографических коллекций стала деятельность научно-краеведческих организаций и обществ. В частности, вице-председатель Императорского Русского Географического общества М. Н. Муравьев 13 апреля 1851 г. обратился к караимскому газзану Шелома бен Аврааму Бейму с уведомлением: «...Желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, [Императорское Русское Географическое общество] избрало Вас членом сотрудником» [16, л. 29]. Уже после окончания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., по предложению Общества, Ш. А. Бейм изготовил из дерева 12 фигурок, представлявших типы караимов (по другим сведениям, подобных фигур было семь): «...Они изображали газзана, жениха и невесту, мужчину и женщину средних лет, юношу и девуцу. Потребные для них национальные, то есть, усвоенные Караимами восточные костюмы, особенно женские с богатыми украшениями, были исполнены по заказу в Константинополе и в Крыму исключительно караимками» [11, с. 117–118]. Для демонстрации этой первой этнографической коллекции в 1867 г. Ш. А. Бейм отправился в Санкт-Петербург, однако, его неожиданная смерть на пути в столицу прервала данную миссию.

Тем не менее, часть собранной Ш. Беймом коллекции оказалась в Дашковском музее, одном из отделов Московского публичного и Румянцевского музея. В 1911 г. среди музейных экспонатов еще значилась фигура невесты, а также фигурка караима в старинном национальном костюме, восстановленная сотрудниками музея по рисункам вместо утерянной; помимо этого, в музее также храни-

лись табакерка, калем¹ и чернильница [7, с. 25, 28, 30]. В описании коллекции Румянцевского музея профессора В. Ф. Миллера 1887 г. упомянуты два манекена: один работы Я. М. Яковлева («Караимка новобрачная Таврической губернии в свадебном наряде»), другой — работы С. П. Закревского («Караим-старик Таврической губернии»). Помимо этого, в экспозиции Румянцевского музея была представлена одежда евреев Могилевской (манекен в еврейском женском костюме), Виленской (манекен в повседневном костюме еврея) и Витебской (манекен в молитвенном облачении еврея) губерний, а также книги, предметы религиозного культа, быта и домашнего обихода еврейского населения указанных регионов [17, с. 153–159, 160–161].

Сбор предметов этнографического характера и работа по формированию первых караимских коллекций продолжались, и вскоре Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов выступил выразителем идеи, витавшей в среде передовой караимской общественности, об учреждении центра караимской истории и культуры. 24 сентября 1899 г. он обратился в письме к члену Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), тюркологу и востоковеду С. М. Шапшалу, выразив надежду на сотрудничество между Комиссией и Таврическим и Одесским караимским духовным правлением (ТОКДП). Речь прежде всего шла о создании центра караимской истории и культуры. С. М. Панпулов предложил, чтобы артефакты, относящиеся к караимской истории, могли быть приобретены либо за умеренную цену, либо их владельцы уступили эти предметы путем пожертвований [4, л. 1]. В 1900 г. в периодической печати Таврической губернии сообщалось, что «в древнем Чуфут-Кале, по инициативе уважаемого гахама Панпулова, открывается музей древних рукописей, книг и домашней караимской утвари, найденных одновременно в Чуфут-Кале. Составление каталога этих археологических редкостей поручено ученому караиму Шапшалу, окончившему факультет Восточных языков, при руководстве И. И. Казаса» (И. И. Казас — известный караимский педагог, лингвист и просветитель) [2, с. 2; 3, с. 2].

С. М. Шапшал активно способствовал собиранию археологических, археографических и этнографических экспонатов для будущего музея. Собранная им и хранившаяся в библиотеке ТОКДП

¹ Калем (тюрк.) — досл. «ручка со стальным пером»; перья для таких ручек изготавливались также из камышовых стеблей.

коллекция книг, рукописей и предметов старины впоследствии была передана в созданную в 1916 г. в Евпатории караимскую национальную библиотеку «Карай-Битиклиги» [12, с. 22–23]. В дальнейшем ее фонды пополнились книгами из частных собраний. Часть собранных С. М. Шапшалом артефактов находится ныне в коллекции Евпаторийского краеведческого музея. Несколько караимских предметов в 1915 г. С. М. Шапшал передал в Этнографический отдел Русского музея императора Александра III (учрежденного по указу императора Николая II в 1895 г.), караимская коллекция которого начала формироваться в 1905–1906 гг. [5, с. 166].

Помимо работы научно-краеведческих организаций и деятельности караимских активистов, существенную роль в становлении Крыма как туристического объекта сыграли первые в России экскурсионные общества. В 1893 г., в рамках выставки Крымско-Кавказского горного клуба, проходившей в Одессе, известная караимская благотворительница Р. С. Исакович (Мангуби) представила «Караимскую комнату», состоявшую из 41 предмета караимской традиционной одежды, быта, кухонной утвари и других предметов [18, с. 3–15]. По словам одного из корреспондентов журнала «Караимская жизнь», для будущего музея это была бы уже готовая коллекция, «первое ядро для этнографического музея» [8, с. 29–32]. К сожалению, уникальная коллекция Р. С. Исакович не сохранилась, а все экспонаты, из которых она состояла, перешли в руки частных владельцев [15, с. 115–117].

Кружок по изучению еврейской истории, руководителями которого в разное время являлись юрист и публицист А. Я. Пасовер и М. Винавер, возник в конце XIX в. в Санкт-Петербурге. Его программа составлялась под руководством известного историка С. М. Дубнова и была опубликована в журнале «Восход». В 1898 г. кружок преобразовали в Историко-этнографическую комиссию, которую возглавили М. Винавер, М. И. Кулишер и Л. Я. Берман. Основным направлением деятельности комиссии стал поиск и публикация документов в различных печатных изданиях, относившихся к истории и культуре еврейского народа. В то же время была разработана концепция Музея еврейской культуры (председателем музейной комиссии стал Э. Левин), и уже в 1904 г. в помещении Петербургской хоральной синагоги открылась небольшая экспозиция. В 1908 г. создано Общество еврейской народной музыки, занимавшееся сбором и изучением музыкального фольклора, затем основано Еврейское историко-этнографическое

общество. Председателем последнего был избран М. Винавер, товарищами (заместителями) председателя по исторической работе — С. М. Дубнов, по этнографической — М. И. Кулишер. В дальнейшем общество возглавляли историк Ю. Гессен и антрополог Л. Я. Штернберг [6, с. 13].

Дальнейший рост интереса к национальной истории и культуре среди представителей прогрессивной еврейской интеллигенции привел к тому, что с 1908 по 1917 гг. Еврейское историко-этнографическое общество организовало сбор документов и материалов по истории восточноевропейского еврейства, были созданы еврейский музей и архив. Редакционной комиссией издавался журнал «Еврейская старина» — первое в России научное издание по еврейской истории и этнографии. В период с 1909 по 1918 гг. журнал выходил под редакцией С. М. Дубнова. Член Общества, писатель С. Ан-ский (псевдоним Шлойме-Зайнвля б. Арн Раппопорта, 1863–1920), объявивший собрание фольклора важнейшей национально-культурной задачей, сам активно занимался сбором этнографического и фольклорного материала для музея.

С. Ан-ским и другими членами Еврейского историко-этнографического общества организовывались этнографические экспедиции в Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии. Их целью должно было стать изучение традиционной культуры восточноевропейских евреев, которая разрушалась под воздействием новых культурных влияний. В ходе экспедиций удалось собрать около 200 предметов быта, свыше 100 документов, сделать две тысячи фотографий уникальных объектов и артефактов, значительная часть из которых, к сожалению, не сохранилась [6, с. 15–16]. Материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций, предпринятых членами Общества, составили в итоге основу коллекции его музея в Петрограде, который существовал с 1916 по 1929 гг.

После Октябрьской революции 1917 г., несмотря на тяжелое экономическое положение и трудности, сопровождавшие деятельность большинства учреждений культуры, работа по формированию этнографических коллекций продолжалась. Так, 18 марта 1922 г. состоялось официальное открытие «Государственного Дворца и Музея Тюрко-татарской культуры». Были также открыты его филиалы — музей И. Гаспринского (до 1928 г.), Коккозский дворец (до 1924 г.); в экскурсионных целях была задействована территория городов-крепостей Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Тепе-Кермена и Черкес-Кермена [13, с. 56].

Во исполнение декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г., которым церковь была отделена от школы, а государство – от церкви, многие предметы, составлявшие имущество еврейских синагог, караимских кенас и молитвенных домов крымчаков (*къаалов*) в результате действий комиссий по изъятию церковных ценностей впоследствии оказались в музейных собраниях. В частности, предметы религиозного культа, утварь, книги, мебель из караимских кенас Чуфут-Кале, Симферополя, Ялты, Бахчисарая и Евпатории были направлены в коллекцию Бахчисарайского музея, о чем сделаны соответствующие записи в инвентарных книгах середины 1920-х гг. Краевед П. Я. Чепурина сообщала, что ковры и *парохеты* из кенас Чуфут-Кале передали в музеи Евпатории и Бахчисарая [19, с. 103–108; 20, с. 57–60], детали облачения караимского священнослужителя поступили из Центрального музея Тавриды также в 1920-е гг. [1, с. 39].

В этот период основной задачей Музея Тюрко-татарской культуры являлось формирование коллекции, относящейся к истории и этнографии крымских татар. Ее основу составляли предметы крымско-татарского декоративно-прикладного искусства XVI–XIX вв. (вышивки, ювелирные украшения, изделия из дерева, металла, кожи и пр.), коллекция оружия, монеты золотоордынского периода и Крымского ханства, предметы из личного имущества крымских ханов. Вместе с тем в музее действовали экспозиции, отражающие историю и культуру крымских караимов. В 1922 г. в музее насчитывалось 1835 ед. хр., в 1923 г. – 2 тыс. ед. хр., к концу 1934 г. их было уже 2715 [21, с. 55].

Евпаторийский краеведческий музей был создан 1 февраля 1921 г. Он размещался в бывшем особняке евпаторийского караимского купца Ю. М. Гелеловича, построенном в 1912 г., а уже 30 июля 1921 г. музей открыл свою экспозицию для посетителей. К 1925 г. в нем функционировало пять отделов: археологический, атеистический, курортный, производственный и этнографический. Атеистический отдел размещался в помещениях караимских кенас, закрытых для верующих в 1920-х гг.; мечеть Джума-Джами была отдана в распоряжение производственного отдела. Коллекция «Музея старины» формировалась за счет предметов археологии, нумизматики, фарфора, старинных книг и произведений искусства, реквизируемых в домах состоятельных жителей города. В 1927 г. в Соборной кенасе Евпатории был открыт антирелигиозный музей, а в расположенном рядом здании «мидраша» (начального караимского училища) – Караимский Национальный клуб.

Рис. 1. Женский костюм. Караимы. Середина XIX в. Таврическая губерния (Коллекция «Культура народов Кавказа и Крыма», Российский этнографический музей)

Рис. 2. Костюм газзана. Караимы. Конец XIX – начало XX века. Таврическая губерния, г. Евпатория (Коллекция «Культура народов Кавказа и Крыма», Российский этнографический музей)

Впервые этнографический отдел в Крыму был создан при Центральном музее Тавриды 18 мая 1923 г. В 1920-е гг. организовывались экспедиции по изучению быта и культуры национальных районов: крымско-татарских, болгарских, греческих колхозов, крымчакских промыслов, фольклора. Но после 1940-х гг. этнографическая коллекция музея была практически уничтожена [13, с. 53–60]. Значительная часть культовых артефактов, относящихся к имуществу караимских кенас и еврейских синагог, передавалась в антирелигиозные музеи. Сегодня некоторые из них хранятся в ритуальной караимской коллекции Государственного музея истории религии (г. Санкт-Петербург), а ее основу составляют предметы религиозного назначения, поступившие в музей в 1930-е гг. из Симферопольского Центрального Антирелигиозного музея Крымской АССР [9, с. 37; 10].

Таким образом, исследование исторического прошлого и этнографического наследия караимов и евреев Юга Российской империи в XIX – начале XX вв. нашло отражение как в научных трудах представителей российской и зарубежной академической науки, так и в исследованиях, проводившихся на общероссийском и реги-

Рис. 3. Интерьер караимской комнаты музея. Фотонегатив. Бахчисарай, 1927–1936 гг.; Стекло. ГБУ РК БИКАМЗ, КП № 4291/885

ональных уровнях. Активисты национально-культурного движения, религиозные деятели, представители общественных и научно-краеведческих объединений способствовали формированию музейных коллекций по истории, религии, культуре крымских караимов, евреев, крымчаков и крымских татар.

Литература

1. Алпашкина О. Н. Предметы караимской культуры и быта в фондах Бахчисарайского заповедника // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания национально-культурного караимского общества (14–16 сентября 2011 г.). – Мелитополь, 2012. – С. 39.
2. В древнем Чуфут-Кале // Крым. – 1900. – № 10 (13 января). – С. 2.
3. В непродолжительном времени // Салгир. – 1900. – № 8 (12 января). – С. 2.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 727.
5. Дмитриев С. В. Краткий обзор истории формирования коллекций Российского этнографического музея по народам Ближнего Востока // Антропологический форум. – 2010. – № 13. – С. 160–172.
6. Евреи / отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. – М.: Наука, 2018. – 783 с.
7. Из истории трокских караимов // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 2, июль. – С. 25–30.
8. К этнографии караимства // Караимская жизнь. – М., 1912. – Кн. 10–11, март–апрель. – С. 29–32.
9. Кашовская Н. В. Становление караимской ономастики // V науковій читання пам'яті У. Боданінського: тези доповідей та повідомлень міжнародної наукової конференції (Бахчисарай, 23–27 жовтня 2013 р.). – Симферополь: Антіква, 2013. – С. 37.
10. [Кашовская Н. В.] Фонд «Ткани». 7000 единиц хранения [Электронный ресурс]. URL: <https://gmir.ru/about/collections/fond-tkani/> (дата обращения: 10.05.2025).
11. Прик С. А. Беседы о караимстве. – Одесса: цент. тип. Х. Нихамкина, 1902. – 125 с.
12. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в г. Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – Евпатория, 1917. – № 5–6 (1 ноября). – С. 5–25.
13. Прохоров Д. А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. – Симферополь: Бизнес-информ, 2016. – 320 с.

14. Прохоров Д. А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века. – Симферополь: Антиква, 2019. – 632 с. (Серия: «Золотой век» крымских караимов).

15. Прохоров Д. А. Культура повседневности крымских караимов в этнографических исследованиях и музейных коллекциях XIX – начала XX века // Этнография. – 2023. - № 3(21). – С. 102–124.

16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 188. – Д. 365.

17. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея / сост. хВ. Ф. Миллером. – М.: тип. Е. Г. Потапова, 1887. – Вып. 1. [2], XIV. – 161 с.

18. С. И. Два слова о караимах по поводу караимской комнаты г-жи Р. С. Исакович; Выставка Крымского горного клуба. – Одесса: тип. В. Кирхнера, 1893. – 15 с.

19. Чепурина П. Я. Татарская вышивка // Искусство. – 1935. – № 2. – С. 103–108.

20. Чепурина П. Я. Орнаментальное шитье Крыма. – М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938. – С. 57–60.

21. Эминов Р. Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. – 2011. – Вып. 2(24). – С. 48–64.

C. A. Seitmemetova

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В СЕМЬЕ ГАСПРИНСКИХ

S. A. Seitmemetova

CHARITY IN THE GASPRINSKY FAMILY

Аннотация. В статье на основе материалов газеты «Терджиман» и документации мусульманских благотворительных обществ из фондов ГБУ РК БИКАМЗ, рассматривается культурно-просветительская деятельность И. Гаспринского и членов его семьи.

Ключевые слова: Гаспринский, благотворительные общества, мусульмане, книжное собрание, Терджиман.

Annotation. The article examines the cultural and educational activities of I. Gasprinsky and members of his family, based on materials from the newspaper Terdzhiman and documentation of Muslim charitable societies from the collections of the Bakhchisaray Historical, Cultural, and Archaeological Museum-Reserve.

Keywords: Gasprinsky, charitable societies, Muslims, book collection, Terdzhiman.

Благотворительность в крымскотатарской среде всегда играла важную роль в сохранении культурных традиций, поддержке нуждающихся и укреплении национальной идентичности. В конце XIX – начале XX вв. многие тюрко-мусульманские народы Российской империи столкнулись с многочисленными трудностями, вызванными социальными и экономическими изменениями, что делало благотворительные инициативы особенно важными и востребованными. Именно в это время в мусульманской среде стали появляться организации, занимающиеся благотворительностью, чья основная задача заключалась в оказании помощи бедным и обездоленным. Их деятельность сводилась к оказанию помощи деньгами или вещами, а также к учреждению и содержанию различного рода благотворительных заведений.

Впервые о необходимости создания таких благотворительных обществ среди мусульман России написал на страницах своей газе-

ты «Терджиман» («Переводчик»)¹ выдающийся крымскотатарский просветитель, публицист, общественный деятель и педагог-реформатор Исмаил бей Гаспринский (1851–1914).

В 1884 г. он призывал своих читателей к созданию сиротских приютов, финансируемых специально созданными для этих целей благотворительными обществами. З. Абдирашидов отмечает, что основными функциями благотворительных обществ И. Гаспринский видел оказание материальной помощи малоимущим мусульманам, выдачу беспроцентных ссуд, открытие ремесленных училищ, содействие в приобретении или покупке для садоводов и крестьян новой техники и воспитание сирот и инвалидов в специально созданных приютах [2, с. 241].

Несмотря на то, что благотворительность у мусульман России имела многовековую историю, такие формы ее организации, как благотворительные общества, были для них в новинку. Из года в год И. Гаспринский разъяснял своим читателям суть и устройство таких обществ и, по мере возможности, отводил место их добрым делам в своей газете. Довольно часто публиковал уставы, отчеты, а также заметки об успехах мусульманских благотворительных обществ. Так, на страницах газеты «Терджиман» часто упоминаются Касимовское, Семипалатинское, Крымское, Троицкое, Казанское, Бакинское мусульманские благотворительные общества.

В апреле 1898 г. в газете «Терджиман» был опубликован Устав Семипалатинского мусульманского благотворительного общества. Редактор разместил его на страницах своего издания, руководствуясь желанием показать наглядно, как составлять подобные документы. Устав определен И. Гаспринским как руководство для учреждения аналогичных обществ в мусульманской среде [13].

Редактор «Терджимана» не только освещал деятельность мусульманских благотворительных обществ, но и принимал участие в ней. В частности, как следует из заметок газеты, И. Гаспринский состоял в Казанском благотворительном обществе. В №45 газеты «Терджиман» за 1900 г. значится, что «редактор «Переводчика» пожертвовал в кассу этого общества 40 рублей» [5].

Успехи Казанского общества часто освещались на страницах газеты просветителя. Так в №46 от 16 декабря 1900 г. И. Гаспринский

поздравил членов этого общества с открытием «мусульманской богадельни» [11], а в №6 за 1901 г. – с первым благотворительным спектаклем [4]. Информацию о том, что И. Гаспринскому присылались отчеты данного общества, можно узнать из статьи за 1900 г., где просветитель подробно анализировал его деятельность в 1899 г. [5]. Наличие отчета Казанского мусульманского благотворительного общества за 1901 г. в личной библиотеке И. Гаспринского отмечено в газете «Терджиман» в 1902 г. [6].

В 1897 г. в №48 «Терджимана» был опубликован устав Касимовского мусульманского благотворительного общества [7]. Общество снабжало нуждающихся одеждой, пищей и приютом; выплачивало в крайних случаях денежную помощь; снабжало обездоленных больных медицинскими пособиями; приобретало материалы и инструменты для бедных ремесленников, а также способствовало к выгодному сбыту их продукции. Касимовское мусульманское благотворительное общество занималось и просветительской деятельностью: оказывало помощь для сирот и нуждающихся в приобретении знаний, как начальных, так и специально-технических. Деятельность общества выражалась также в распространении среди рядовых мусульман книг нравственного содержания. Благодаря наличию отчетной документации в книжном собрании И. Гаспринского, сохранившегося в фондах Бахчисарайского музея-заповедника, удалось выяснить, что он участвовал в жизни Касимовского мусульманского благотворительного общества в 1901, 1912 и 1913 гг.

Еще одним учреждением, чьим почетным членом-сотрудником являлся И. Гаспринский, было мусульманское благотворительное общество в г. Санкт-Петербурге. Безвозмездная помощь обществом оказывалась в виде пособий учащимся, вдовам, сиротам, пособий для проведения похорон и содержания мусульманского кладбища в Санкт-Петербурге. В большой поддержке нуждалась учащаяся в высших учебных заведениях города мусульманская молодежь, прибывающая из различных концов страны. В фондах Бахчисарайского музея-заповедника выявлены четыре отчета данного общества за 1901, 1902, 1906 и 1910 гг. К отчету за 1901 г. прикреплено письмо на фирменном бланке общества от председателя его правления генерал-майора Шейх-Али следующего содержания: «Милостивый государь Исмаил-мурза! Посылая на Ваше имя, под особой бандеролью, экземпляр отчета за 1901 г. Правление Мусульманского Благотворительного Общества позволяет себе надеяться, что Вы не

¹ Газета «Терджиман» («Переводчик») — общественно-политическая, литературная газета, освещающая положение тюрко-мусульманских народов в Российской империи конца XIX – начала XX вв. Издавалась с 1883 по 1918 гг. в г. Бахчисарае под редакторством И. Гаспринского.

оставите Общество Вашей поддержкой и вниманием»². Такое же письмо обнаружено в одном из отчетов Касимовского благотворительного общества³.

Следующими мусульманскими благотворительными обществами, чья отчетная документация выявлена нами в личном собрании И. Гаспринского — Московское мусульманское благотворительное общество, начавшее свою деятельность в мае 1906 г., и Бакинское мусульманское духовное общество «Саадет», основанное в 1907 г.⁴

В январе 1897 г. газета «Терджиман» сообщила своим читателям о том, что утвержден устав Крымского мусульманского благотворительного общества [8], открытого 7 июня 1897 г. Согласно уставу, общество могло брать на себя заботу и покровительствовать неспособным к труду престарелым и больным. Общество занималось открытием русско-татарских училищ, русских классов при мектебах и медресе, а также созданием общежитий в Симферополе для молодежи, сирот и бедных детей, размещая их в ремесленных училищах или у добросовестных мастеров. Кроме того, оно имело право оказывать реальную материальную помощь разорившимся ремесленникам-кустарям, выдавая им орудия производства, материал и даже денежные пособия [1, с. 6]. В разные годы И. Гаспринский выполнял в этом обществе различные обязанности: был секретарем собраний [9], председательствовал на заседаниях [10], состоял в ревизионной комиссии [3] и пр.

В начале XX в. благотворительные общества крымских татар были созданы и в других городах Крыма. Так, 10 августа 1905 г. состоялось открытие мусульманского благотворительного общества в г. Бахчисарае. Его председателем был избран Мустафа мурза Давидович, помощником председателя — И. Гаспринский. Основной задачей общества была борьба с бедностью и неграмотностью среди мусульманского населения, которую оно осуществляло в течении всего периода своей деятельности.

Наряду с благотворительными обществами И. Гаспринский широко пропагандировал и другие виды подобных учреждений, таких

² Мусульманское благотворительное общество в С.-Петербурге. Письмо // Научная библиотека ГБУ РК БИКАМЗ. Инв. № 7984.

³ Правление Касимовского мусульманского благотворительного общества. Письмо // Научная библиотека ГБУ РК БИКАМЗ. Инв. № 936.

⁴ Отчет бакинского мусульманского духовного общества «Саадет» за 1907 — 1910 гг. Баку: Т-во Кавказского печатного дела «Каспий», 1910. 48 с. // ГБУ РК БИКАМЗ. НВ-6013.

как «Общество рабочих», «Общество взаимопомощи», «Накопительный фонд» и другие, которые успешно действовали в Европе. Подобные учреждения, по его определению, должны были ускорить объединение мусульманского населения России.

Одно из подобных учреждений было открыто в г. Бахчисарае, где жил и творил просветитель. «Бахчисарайское общество взаимного кредита» было открыто 10 февраля 1909 г. Подобные общества представляли собой особый вид кредитных товариществ, основанных на круговом поручительстве участников и были распространены в период 1860-х гг. — 1918 г. во многих городах Российской империи. В отчете общества за 1910 г. И. Гаспринский указан как член Ревизионной комиссии, а в отчетах за 1913 г. и 1916 г. вместо просветителя значился его старший сын — Рефат Гаспринский. Стоит отметить, что дети просветителя, следуя примеру отца, принимали участие в жизни обществ взаимопомощи, организовывали различные благотворительные мероприятия. К примеру, в годы русско-японской войны, на страницах газеты «Терджиман» развернулась кампания по сбору средств первой необходимости в пользу больных и раненых воинов. 6 февраля 1904 г. через свою газету И. Гаспринский призвал все мусульманские благотворительные общества России помочь российским воинам хотя бы самым простым и необходимым. Сбор в Бахчисарае возглавила дочь И. Гаспринского — Шефика. В №12 газеты «Терджиман» сообщалось, что в пользу раненых и больных воинов поступило к Ш. Гаспринской 53 новых рубашки, пожертвованных мусульманками. Таким же благом делом занимался Дамский комитет Красного Креста в Троицке; мусульманки Ташкента шили комплекты одежды для раненых на Дальнем Востоке.

16 марта в распоряжение Ш. Гаспринской поступило 97 рубашек, сшитых женами безземельных татар Кунанской волости Евпаторийского уезда. Рубашки были доставлены в редакцию газеты волостным старшиной В. Толстовым. Посылки для Ш. Гаспринской доставлялись не только от крымских жителей. Так, 20 рубашек были подготовлены Мерьям Дебердеевой из Саратовской губернии. Отчитываясь за сбор пожертвований, 16 апреля 1904 г. Ш. Гаспринская написала в газете своего отца: *«Приношу мою глубокую благодарность жертвователницам и жертвователям, которые так любезно и сердечно откликнулись на доброе дело благотворения и прислали мне свои лепты в пользу раненных воинов на Дальнем Востоке... Деньги эти... как и рубахи сданы мной в управление Таврического лазарета»* [12].

Таким образом, благотворительность в жизни Исмаила Гаспринского и членов его семьи была неотъемлемой частью их общественной деятельности. Выступая за солидарность внутри мусульманской уммы России, он активно использовал свои связи и возможности для организации обществ взаимопомощи и благотворительных мероприятий. Его деятельность способствовала развитию чувства сплоченности и поддержки не только среди крымских татар, но и большинства тюрко-мусульманских народов Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Литература

1. Абибуллаева Д.И. Формирование и развитие мусульманских благотворительных обществ в Крыму (в конце XIX – начале XX века) // УЗ КФУ. Серия «Исторические науки». – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 3-18.
2. Абдирашидов З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи – отношения – влияние. – Ташкент: Akademnashr, 2011. – 384 с.
3. Благотворительные общества // Терджиман. – 1900. – №11. – 25 марта.
4. В Казани еще новость и новость получше <...> // Терджиман. – 1901. – № 6. – 14 февраля.
5. Казанское благотворительное общество // Терджиман. – 1900. – № 45. – 8 декабря.
6. Казань // Терджиман. – 1902. – № 27. – 19 июля.
7. Касимовское благотворительное общество // Терджиман. – 1897. – № 48. – 25 декабря.
8. Крымское благотворительное общество // Терджиман. – 1897. – №3. – 21 января.
9. Крымское благотворительное общество // Терджиман. – 1897. – №24. – 17 июня.
10. Крымское благотворительное общество // Терджиман. – 1898. – №8. – 27 февраля.
11. Председатель Казанского благотворительного общества <...> // Терджиман. – 1900. – №46. – 16 декабря.
12. Сеитмететова С.А. Роль Исмаила Гаспринского в организации благотворительности в Бахчисарае в период русско-японской войны (1904–1905 гг.). – Режим доступа: <https://handvorec.ru/novosti/rol-ismaila-gasprinskogo-v-organizatsii-blagotvoritelnosti-v-bahchisarae-v-period-russko-yaponskoj-voyny-1904-1905-gg/> (дата обращения: 03.06.2025)
13. Устав Семипалатинского мусульманского благотворительного общества // Терджиман. – 1898. – № 13. – 3 апреля.

Л. А. Слостникова.

ИЗМЕНЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ КРЫМЧАКОВ И СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ ИМИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ПО НАЧАЛО XX В.

L. A. Slastnikova

CHANGES IN THE LITERACY OF KRYMCHAKS AND THEIR WAYS TO GET AN EDUCATION DURING THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY TO THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. Статья посвящена изменениям в народном образовании в результате реформ Александра II. Рассматривается влияние этих изменений на грамотность крымчаков Евпатории и возможность получения ими образования.

Ключевые слова. Крымчаки, реформы Александра II, перепись крымчаков в 1913 году, народное образование, история Крыма.

Annotation. The article is devoted to changes in public education as results of Alexander's reforms and influence of these changes on the literacy of the Crimeans of Evpatoria.

Keywords: Crimeans, reforms of Alexander II, census of Crimeans in 1913, public education, history of Crimea.

По переписи населения Российской империи 1897 г., в Таврической губернии проживало 55418 лиц, исповедующих иудаизм [2, с. 285]. В крымских уездах губернии это были еврей-ашкеназы и крымчаки — ортодоксальные иудеи, а также караимы, исповедующие караимизм.

У народов, исповедующих иудаизм, мальчики должны пройти начальное обучение в религиозных учебных заведениях — талмуд-торе или хедере. Талмуд-тора содержалась общиной, поэтому в ней могли учиться дети бедных родителей. Хедер был частной

школой, где учитель получал плату от родителей учеников. С 3–5 до 9–10 лет мальчики проходили обучение 1-й ступени, 2-ю ступень оканчивали в 13 лет. Начиналось обучение с азбуки и чтения еврейских текстов (без перевода), затем изучалось Пятикнижие с комментариями и начальные сведения о Талмуде. С 8 лет мальчики начинали углубленно изучать Талмуд. Светские дисциплины в хедере не изучались. После обучения в хедере мальчик мог продолжить изучение Талмуда в Бейт-мидраш (училище при синагоге) или в иешиве (высшем религиозном учебном заведении).

В XIX в. Российским правительством предпринимались шаги по распространению знания русского языка среди так называемых «инородцев» — жителей империи, которые были не православными, относились к иным религиозным конфессиям и говорили на других языках. Так, в 1849 г. российское правительство приняло решение о создании казенных еврейских училищ, которые должны были находиться в ведении Министерства просвещения, и в которых наряду с еврейским языком и национальным вероучением должны были преподаваться русский язык, арифметика и чистописание. В 1873 г. эти училища были преобразованы в министерские народные училища [3].

В конце XIX в. в Российской империи стали появляться хедеры, в которых преподавали также историю еврейского народа, географию Эрец-Исраэль (исторической родины еврейского народа), иногда русский, немецкий и польский языки. Талмуд-торы оставались только школами для изучения основ веры, хотя иногда в их программу могли входить арифметика, письмо на идиш, русский язык [3, с. 168].

Наиболее кардинальные изменения в образовании евреев и крымчаков вызвала общая реформа образования, проведенная в числе других реформ в царствование Александра II. В ходе этой реформы (начало ее относится к 1864 г.) было принято Положение о народных училищах, по которому начальные школы со сроком обучения 3 года могли открывать не только государственные или церковные учреждения, но также общественные организации и частные лица. Реформой 1872 г. уездные училища преобразовывались в 5–6-летние городские училища, которые были более высокого уровня образования, чем начальные народные школы. Е. В. Новикова приводит сведения о том, что в 1880-х гг. в крымских уездах Таврической губернии кроме частных еврейских 1-классных начальных училищ, хедеров и талмуд-тор в числе других учебных учреждений

были народные и городские училища [4]. Так, в Евпатории в начале XX в. (к 1914 г.) были мужская и женская гимназии, высшее начальное училище, Александровское караимское духовное училище, семиклассное частное училище Рушинской, ремесленное им. Когена, начальное народное, городское и приходское училища [2, с. 642], где обучались дети различных национальностей и конфессий. Первые две начальные школы для детей крымчаков, обучение в которых велось на крымчацком языке, открылись в 1902 и 1907 гг. в Симферополе и Карасубазаре [5, с. 17]. В начале XX в. в Вестнике Таврического земства отмечалось, что инородческое население, в значительной мере, пользовалось русскими школами, в которых «дети, поступившие совершенно неграмотными и почти совершенно незнакомые с русским языком, научились читать, писать и сделали значительные успехи в практическом изучении языка» [4, с. 74].

В 1913 г. в Крыму была проведена Первая (и единственная) национальная перепись крымчаков. Проводилась она в нескольких городах, в том числе в Евпатории, где крымчаками были заполнены 86 анкет, в которых содержатся сведения о 153 лицах мужского пола и 125 женского, включая детей. Сложно сказать, все ли крымчаки зафиксированы в переписи. В справочных изданиях начала XX в. о населении Евпатории сообщается о 1500 евреях, помимо караимов. Вполне возможно, что в эту цифру вошли крымчаки и евреи-ашкеназы, селившиеся в городе.

В анкетах переписи фиксировались семейное и социальное положение, род занятий; содержались вопросы, касающиеся состава семьи, возраста и состояния здоровья ее членов, наличия в семье преданий о происхождении крымчаков; о религиозности и грамотности анкетированных. Судя по материалам анкет, основная часть крымчаков Евпатории жила бедно. На момент заполнения анкет большинство из них работало сапожниками, а также шапочниками, жестянщиками, одеяльщиками. Были также столяр, портной, часовой мастер, виноторговец, несколько приказчиков, бакалейщиков, торговцев обувью и бухгалтер.

Почти все, заполнившие анкеты, своим родным языком называли крымчацкий, за исключением четырех, назвавших родным языком древнееврейский. Это 44-летний бакалейщик Исаак Ачкинази, учившийся 7 лет в хедере и городском училище. Он был грамотен по-русски и древнееврейски, выписывал журнал «Рассвет». Исаак Ачкинази был председателем Совета Духовного правления, председателем «Гмилут-хесед» (общество беспроцентных ссуд, перево-

дится как «доброе дело»), членом правления ссудо-сберегательного товарищества и членом комитета по коробочному сбору [1, л. 7 об.]. Также своим родным назвал древнееврейский его 72-летний отец, Захар Давидович Ачкинази, грамотный только по-древнееврейски (учился 7 лет) [1, л. 6 об.]. Третий — 33-летний жестянщик, Шоломо Эммануилович Тревгодо, учившийся в талмуд-торе, грамотный по-русски и служивший в армии [1, л. 71 об.]. 24-летний сапожник Авер Ионович Бакши назвал своим родным два языка: русский и крымчакский. Он 4,5 года учился в хедере и народном училище, указал в анкете, что грамотен по-русски и малограмотен по-древнееврейски [1, л. 14 об.].

Среди заполнявших анкеты мужчин несколько человек оказались неграмотными. Шестеро из них не учились нигде. Это 65-летний развозчик Шолома Абрамович Пиастров (но его 8-летняя на момент заполнения анкеты дочь училась в городском училище, а 17-летний сын, ранее учившийся в крымчакском хедере, работал кофейщиком) [1, л. 58 об., 115], а также 32-летний сапожник Меир-Шомел Моисеевич Леви и 43-летний шапочник Исаак Давидович Реби [1, л. 32 об., 66 об.]. Неграмотность не мешала этим крымчакам принимать активное участие в жизни общины. Они были членами «Гмилут-хесед», а Исаак Реби также членом ссудо-сберегательного товарищества. У Меира Леви дети были маленькие. У Исаака Реби 11-летняя дочь училась в городском училище, 17-летний сын два года изучал древнееврейский и четыре года в городском училище изучал русский язык [1, л. 141, 107]. Также не учились нигде 29-летний сапожник Шомель Иосифович Тревгодо и два работавших кофейщиками брата Лазарь и Моисей Анжело (39 и 34 лет). У последнего 9-летний сын учится в талмуд-торе [1, л. 72 об., 4 об., 5, 168].

Говоря о том, какое получали образование крымчаки Евпатории, следует сказать и о 43-летнем торговце обувью Ионе Гурджи, малограмотном по-древнееврейски и по-русски. Он нигде не учился, но был самоучкой. В анкете сказано, что он казначей мелко-кредитного товарищества, член Духовного правления и общества «Гмилут-хесед». Его два сына (4 и 8 лет) учились в талмуд-торе (1 год древнееврейскому и русскому языкам), три дочери (10, 13 и 14 лет) учились в городском училище только русскому языку [1, л. 19 об., 154].

Остальные крымчаки Евпатории, заполнившие анкеты, в разное время в зависимости от возраста учились или в хедере, или в талмуд-торе. Только в этих религиозных школах учились семь

стариков возраста от 68 до 75 лет. Шестеро из них были грамотны или малограмотны только по-древнееврейски и один (70-летний) малограмотен также по-русски. Из более молодых, учившихся только в хедере или талмуд-торе, грамотными или малограмотными только по-древнееврейски были 17 человек: шестеро возраста 19–25 лет, четверо 30–38 лет и четверо 44–45-летних. Среди 40-летних сапожники Рувен Лазаревич Пиастров, член общества «Гмилут хесед» и хазан синагоги [1, л. 57 об., 116], Шолома Исаакович Леви, шамаш при синагоге [1, л. 39 об.], и шапочник Нисим Нисимович Измерли, член «Гмилут хесед» и мелко-кредитного товарищества [1, л. 23 об.].

Среди учившихся только в хедере или талмуд-торе были и те, кто в той или иной степени был грамотен не только по-древнееврейски, но и по-русски. В этой группе преобладает молодежь: 20 крымчаков возраста от 16 до 28 лет, шестеро 30–37-летних, а также двое 45 и 48 лет. 48-летний виноторговец и садовладелец Иегуда Кокуш, член общества пособия бедным евреям, член Городского и еще трех банков, грамотный по-древнееврейски и малограмотный по-русски, выписывал газеты и журналы [1, л. 28 об.].

В анкетах был задан вопрос, где изучали языки. Ответы на него давались не всегда, но встречаются варианты: русский учили в народном (городском) училище или русский учили в талмуд-торе. Из 17 человек, учившихся не только в хедере или талмуд-торе, но и в народном или городском училищах и, соответственно, грамотных по-русски, также большинство составляет молодежь: 11 человек возраста от 14 до 27 лет (они часто малограмотны по-древнееврейски, но, как правило, грамотны по-русски); трое 30–35-летних, трое 44, 45 и 48 лет.

45-летний грамотный по-древнееврейски и по-русски торговец обувью Моисей Хаим-Шоломович Пиастров являлся секретарем общества «Гмилут-хесед», членом ссудо-сберегательного товарищества [1, л. 60 об.]. Его 48-летний брат Эфраим Хаим-Шоломович, работавший сапожником, грамотный по-древнееврейски, малограмотный по-русски, был членом «Гмилут-хесед», членом мелко-кредитного товарищества [1, л. 64 об.]. Их 72-летний отец Хаим-Шолом Иосифович, только 2 года обучавшийся в талмуд-торе, был малограмотен по-древнееврейски и неграмотен по-русски [1, л. 59 об.]. 44-летний сапожник Хаим-Нисим Меерович Таукчи был неграмотен по-древнееврейски и малограмотен по-русски. Его 20-летний сын Юда не только учился в талмуд-торе и окончил четы-

ре класса городской школы, но также сдал экстерном 6 класс гимназии; на момент заполнения анкеты он был учеником аптекаря [1, л. 69 об., 70 об.].

Из 47 замужних крымчаков и трех вдов грамотными были шестеро: 30-летняя Девера Яковлевна, жена жестянщика Давида Ачкинази, грамотна по-еврейски [1, л. 8 об.], 41-летняя Сара-Султан Боруховна, жена развозчика Пинхаса Мизрахи, могла читать по-крымчацки [1, л. 50 об.], 25-летняя Мерьем Яковлевна, жена лоточника Иосифа Мангупли, грамотна по-еврейски и по-русски (получила домашнее образование) [1, л. 42 об.]. Трое крымчаков были грамотными по-русски. Две 24-летних: Берха Захаровна, жена бакалейщика Абрама Леви (училась 5 лет на субботних курсах) [1, л. 31 об.], и Симха Иосифовна, жена мастерового Иосифа Переча (5 лет училась в Керчи в еврейской талмуд-торе). Ее 32-летний муж был грамотен по-русски, малограмотен по-древнееврейски, учился в талмуд-торе 5 лет [1, л. 56 об.]. Также грамотна по-русски была 25-летняя Сима-Руфь, жена сапожника Рафаила Флисфейдера (училась в школе 2 года). Ее муж, 28 лет, был грамотен по-древнееврейски и по-русски. Древнееврейский он учил в хедере, русский — в талмуд-торе. Читал газеты, был членом правления общества «Гмилут хесед» и членом ссудо-сберегательного товарищества [1, л. 74 об.]. Остальные крымчаки были неграмотными. Что касается их детей, то на момент заполнения анкет девочки от 9 до 20 лет, как правило, учились в городском, народном или приходском училищах, сыновья 6–9 лет — в талмуд-торе, старшие — в городском училище.

Материалы переписи крымчаков 1913 г. позволяют сделать вывод, что в Евпатории к началу XX в. процент крымчаков, не получивших никакого образования и полностью неграмотных, был крайне мал. Мужчины старшего и среднего возраста, владеющие древнееврейским языком, занимали определенное место в религиозной жизни крымчацкой общины города. Но для наиболее уважаемых членов крымчацкого общества характерным было не только хорошее знание древнееврейского, но и русского языка. В 1890-х гг. росло число крымчаков, в той или иной степени, владеющих русским языком. Даже в тех случаях, когда родители были неграмотными или малограмотными, детей они отправляли учиться. При этом, если мальчики по-прежнему, как и в старину, были обязаны посещать хедер или талмуд-тору, где иногда изучали и русский язык, и затем поступали в городское или народное училища, то в начале

XX в. заметно стремление дать и девочкам хотя бы начальное образование и научить русской грамоте. В целом, можно сказать, что реформа, направленная на вовлечение так называемых инородцев в общероссийскую жизнь через знание русского языка, в Крыму во многом оказалась успешной.

Литература

1. Анкеты по этнографии крымчаков г. Евпатории // РЭМ. – Ф .1. – Оп. 2. – Д. 792.
2. Крым. Путеводитель / под ред. К.Ю. Бумбера и др. — Симферополь: Типография Тавр. губ. земства, 1914. — 688 с.
3. Матушанская Ю.Г. Светское и религиозное образование евреев в Российской империи // Вестник Казанского государственного энергетического университета. — 2016. — №2(30). — С. 164-174.
4. Новикова Е.В. Развитие системы государственного образования в крымских уездах Таврической губернии во второй половине 60-х годов XIX – начале XX века // Грамота. — 2019. — Том 12. — Вып. 10. — С. 71–79.
5. Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия. — М.: Наука, 2001. — Т. 2. — 525 с.

Е. Е. Таратухина

**ПОНЕВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
РУССКОГО НАРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Е. Е. Taratukhina

**THE PONEVA AS A SOURCE FOR STUDYING
RUSSIAN FOLK CULTURE (ON THE MATERIALS
OF THE COLLECTION OF THE CRIMEAN
ETHNOGRAPHIC MUSEUM)**

Аннотация. В работе изучается и вводится в научный оборот коллекция понев конца XIX – начала XX в. Анализируется происхождение этого типа поясной одежды, региональные особенности кроя и дизайна, семантика изображенных орнаментальных мотивов, обрядовые функции, социальное положение владельцев и религиозно-мистические представления славян.

Ключевые слова: Поневы, поясная одежда, свадебная символика, ритуальная одежда, славянские обряды

Annotation: This study examines and introduces into scholarly discourse our museum's collection of poneva garments from the late 19th to early 20th century. We explore the origins of this type of waist-worn clothing, its regional variations in cut and design, the symbolism of ornamental patterns, ritual functions, the social status of wearers, and Slavic religious-mystical beliefs associated with these garments.

Keywords: Poneva, waist-worn clothing, wedding symbolism, ritual garments, Slavic ceremonies.

Культура каждого народа многогранна и включает материальные и духовные составляющие. Под материальной культурой обычно понимаются искусственно созданные предметы, которые помогают людям приспособиться к природным и социальным условиям жизни. Духовная культура — совокупность знаний, мировоззренческих идей, ценностей и творческой деятельности, присущих челове-

ческому обществу. Этнографические музеи являются хранителями материальной культуры народов, но они же отражают и огромное духовное богатство этносов и этнических групп, скрытое практически в каждом предмете. В настоящей работе мы попытаемся показать, как музейный предмет рассказывает о материальной и духовной культуре, являясь ценным свидетелем прошлых эпох и традиций.

Предметом исследования является коллекция старинных русских понев Крымского этнографического музея – разновидностей поясной женской одежды. Она была приобретена в результате закупок в 2016–2023 гг. и включает 30 предметов. Поневы входят в цельные комплексы одежды, датируются второй половиной XIX – первой третью XX в., и происходят, преимущественно, из регионов русского Черноземья — Воронежской, Курской, Белгородской, Рязанской и Тамбовской губерний. Наиболее многопланова и интересна в нашем музее коллекция понев Воронежской губернии, ей мы отдадим особое предпочтение в исследовании.

Главной задачей данной работы является стремление показать, как через материальные характеристики предметов мы можем получать информацию о духовной жизни русского народа, и насколько эта информация расширяет диапазон использования музейного предмета, усиливая его ценность. Кроме того, мы познакомим с историей появления этого типа поясной одежды, технологией ее изготовления и декорирования, региональными особенностями кроя и дизайна.

Понева была распространенной поясной одеждой в русских селах Воронежского края (рис. 1). Термин *понева* (или *понёва*) считается общеславянским. В древнерусских письменных памятниках с XI в. слово *понява* употребляется для обозначения полотнища ткани, «куска полотна, покрывала, плащаницы, завесы, одеяла, ковра». С XVI в. термином *понева* обозначалась «домотканая одежда типа юбки» [11, с. 16]. Исследователи народного костюма полагают, что понева генетически связана с более древней поясной одеждой из несшитых полотен, об этом и говорит ее название. Поздней стадией развития поневы стало превращение ее в юбку, когда переднее полотнище (*прошва*) была заменена шерстяной поневной тканью [9, с. 27–29].

На территории Воронежского края понева отмечена у всех категорий крестьян. Что касается переселенцев в Крым, то этот элемент одежды привозился с собой, но в новых условиях жизни был не очень целесообразным, требовал определенных материалов и

Рис. 1. Понева молодухи (КЭМ КП-8730, ИБ-4426)

технологий для изготовления, и здесь, скорее всего, не производился. Поневы могли складывать в сундук для особых случаев или ритуалов, беречь как память о родных местах. Затем нередко их распарывали, убирали прошву, и использовали в качестве ковриков и покрывал. Это подтверждается тем, что в коллекции музея, которая собиралась, преимущественно, в результате дарений от местного населения, не было понев, а клетчатые коврики были. Да и на семейных фотографиях русские переселенцы одеты, по большей части, в городской костюм. Однако, для знакомства с полным костюмом русских переселенцев этот элемент одежды был необходим. В этом помогли плановые закупки, пополнившие фонды музея всеми видами такой поясной одежды. Понева — это не просто вид юбки, но и символ социального статуса и принадлежности к определенному региону (даже селу), знакомящий, как с мастерством русских ткачей и вышивальщиц, так и с мировоззрением древних славян.

Для изготовления поневы использовали домотканые полотна из овечьей шерсти высшего качества — *волосени*. Волосенью называли чесаную, а не стриженую шерсть, ткали ее техникой полотня-

ного переплетения на двух подножках. Основным узором поневной ткани была клетка. Обычно на понеvu уходило 3–4 полотнища шириной 44–49 см, вытканые в клетку размерами 4,5 x 5,5 см и с цветными полосами для последующего ручного вышивания. Для вышивки закупали шерстяные цветные нити фабричного производства *шленку* — мягкую шерсть из овцы особой шленской породы, завезенной в Россию еще Петром I из Силезии. Для декорирования будничных понев использовали *жичку* — отбеленную шерсть домашнего крашения [8].

Для описания поневы используются определенные названия ее декоративных и функциональных элементов. Спереди полотнища соединялись *прошвой* — более мягким полотном без клетки, такой же ширины, как и основные полотнища. Рядом с прошвой иногда вшивали вставки *бедро* или *ферботы* из фабричного или домотканого материала. На талии понева собиралась в сборку и завязывалась крученым или плетеным шнурком, который называли *гашином*. Места соединения полотнищ украшались вышивкой ковровым настилом снизу доверху и назывались *свозкой*. При декорировании здесь образуются цветные вертикальные полосы, которые в народе получили название *пальчики*. Между ними нередко вышивалась зигзагообразная линия — *зубчики*. Край подола поневы обшивали *пояском* — узкой, тканной на дощечках шерстяной тесьмой. Особенно красиво вышивали низ (*оклад*) поневы, который народ называл *подшивка* [9, с. 27].

Изучая коллекцию понев Крымского этнографического музея, в первую очередь, обращаешь внимание на более яркие праздничные поневы. При анализе материалов русского костюма однозначно напрашивается вывод о том, что именно в праздничных элементах скрыта глубинная духовность русского народа. Цветовые решения, декоративные детали, символы и знаки в вышивке и ткачестве имели свой смысл и традиции, отражали возраст и социальное положение женщины, обрядовую направленность одежды, они же делали ее особо нарядной. Именно в праздничных элементах наиболее ярко проявляются региональные особенности и их сакральность.

В каждом регионе складывались свои традиции декорирования понев. В воронежско-белгородском пограничье особо выделялись так называемые *бирюченские поневы* (Алексеевский район Белгородской области, бывшие Бирюченский и частично Острогожский и Коротоякский уезды Воронежской губернии), которые очень хорошо представлены в коллекции музея. Одежда этого региона

была своеобразной визитной карточкой Воронежской губернии. Эти поневы относятся к типу глухой поневы, то есть сшитой в виде юбки. Главный признак бирюченской поневы — наборная вышивка ковровым настилом по подолу и полотнищам, преимущественно, красными нитями (шленкой), имитирующая бранное ткачество. Народ называл эти поневы наборными. В наиболее праздничных поневах клетки дополнительно расшивали шерстью белого («выложить белью») или красного цветов. Иногда нити вышивки по клеткам вытягивались, образуя своеобразные петельки. Такая понева называлась *потринитка* или *понева петлистая* (рис. 5). Она бытовала как основной тип, но не единственный, в с. Раздорное, откуда наша понева и происходит. Места соединения полотен украшали вышивкой в виде прямоугольников синего, зеленого, желтого, малинового и розового цветов. Подол поневы вышивался особенно ярко архаичными узорами разноцветными нитями, и был обшит шерстяной тесьмой в основном красного цвета [9, с. 93–114].

Благодаря исследованию Т. Я. Сысоевой, по технике наложения нитей существуют народные названия бирюченских понев: *колодовая*, где нити вышивки накладываются плотно с длиной стежка примерно в 1 см и наклоном под углом в 45 градусов вправо или влево, образуя чередующиеся ряды; такая понева считалась наиболее праздничной (рис. 2); *сосною* — узор в виде укрупненного колодового рисунка с шириной полосы с одним наклоном до 5 см; *косина*, где нити на широких полосах вышивки всегда наклонены только в одну сторону (рис. 3); и *рябка* — вышивка с неплотными рядами, сквозь которые видны просветы черной основы поневной ткани, преимущественно, использовалась для повседневных понев (рис. 4).

При декорировании *свозки* образуются цветные вертикальные полосы (*пальчики*), по числу которых определяется степень праздничности поневы. Между пальчиками нередко вышивалась зигзагообразная линия — *зубчики*, поэтому иногда свозку называли не по количеству пальчиков, а по числу зубчиков. Пальчиками называли также и вышитые поперечные разноцветные (чаще, зеленые, синие или желтые) вставки (полосы) на задних полотнищах. По ним можно было судить о том, из какого села происходила владелица поневы. В один пальчик, чаще всего, вышивали изделия в селах Афанасьевка, Камызино, Веретенниково, Ураково, Новоуколово, в три пальчика — в Иловке, Подсереднем, реже, в Глуховке, Нижней

Рис. 2. Понёва «колодовая»
(КЭМ КП-8280, ИБ-4050)

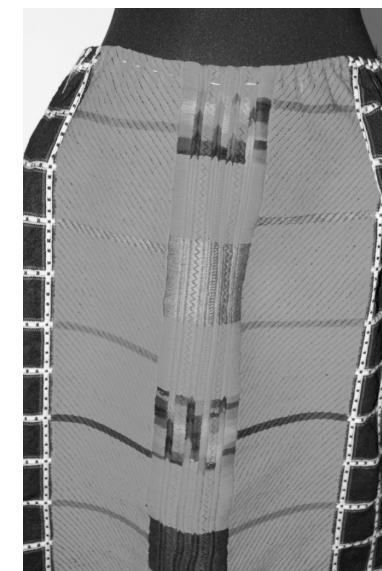

Рис. 3. Понева «косина»
(КЭМ КП-8569, ИБ-4270)

Рис. 4. Понева «рябка» (КЭМ КП-8586, ИБ-4287)

Покровке, *вся на бел* (пальчиками только из белых нитей) — чаще всего, в Большебыково, Большом, Боровом, Хмелевом, Верхней Покровке [8]. В нашей коллекции есть поневы из этих населенных пунктов, однако, связи между количеством «пальчиков» и принадлежностью к определенному селу они не имеют.

Главным признаком обрядовой функции поневы была вышивка по *подолу* (*подшивка* или *оклад*). По Г.Я. Сысоевой, сохранились народные названия наиболее распространенных орнаментов оклада, с которыми дает возможность познакомиться и наша коллекция: *подшивка в два круга* — для годовых праздников и свадьбы (рис. 5); *подшивка в один круг* — для праздничных и воскресных понев; *в четыре глазка* — для праздничных понев (рис. 6); *в глазок* — для будничных понев; *в столбик и половину столбика* — для воскресных и будничных понев; *без подшивки* или с очень узкой вышивкой в 5, 10, 15 нитей — для повседневных понев.

Орнаменты подшивки были своего рода магическим заклинанием, обращенным к земле. В них запечатлены наиболее древние

Рис.5 Понева «потринитка» (КЭМ КП-10148, ИБ-5691)

символы, имеющие индоевропейское происхождение [6, с. 74–75]. Ромб на поневах назывался *глазок*. Рассматривая орнаменты на окладах понев, мы видим знаки плодородия в виде ромбов с крючками (элементы узора «в столбик»), ромбов с перекрестиями («в четыре глазка»), ромбов с точкой («в один глазок»). У этих знаков есть и другие названия в вышивке — *ромб-репей, лягушка, арепой*. Подобные узоры связаны со свадебной обрядностью и с жизнью молодой замужней женщины, поэтому ромбо-точечная композиция в вышивке имела возрастное ограничение [6, с. 367–368]. Считается, что в ромбе с перекрестиями и точками внутри закодирован образ Макоши, богини судьбы у древних славян. Он считался универсальным символом плодородия и деторождения, женского начала в природе [6, с. 370–382; 1, с. 222–225]. В узорах на поневах «в столбик» (ромб с крючками) видны стилизованные фигуры древнеславянских богинь Рожаниц, выделенные другим цветом. Это изображение несло смысл зачатия и благополучных родов [6, с. 340–368]. Из этого ясно, почему ранее считалось, что поневы с глазками должна надевать на себя новобрачная на свадьбе. С учетом символики, хороши они были и для женщин детородного возраста после бракосочетания. Кроме того, в расшивке понев молодых женщин преобладали насыщенные красно-оранжевые тона, в то время как в украшениях пожилых крестьянок использовались темно-бордовая или желто-коричневая неяркая цветовая гамма [9, с. 29].

Анализ коллекции понев из фондов ГБУ РК КЭМ позволяет в целом сделать следующие выводы:

При определении обрядовой функции поневы важно учитывать все элементы декора, потому что техника наложения нитей рябка использовалась для повседневных понев и не находит подтверждения в нашей коллекции, где большая часть свадебных понев была вышита этим способом;

Наиболее значимым элементом декора, определяющим ритуальный характер изделия, является его оклад (подшивка). Он хранит самые интересные символы и знаки, расшифровка которых позволяет понять обрядовую функцию такого элемента одежды;

В нашей коллекции есть узоры окладов, не вошедшие в таблицу Г. Я. Сысоевой и поэтому дополняют ее. Например, понева «в пять кругов», «цветкованая», «белгородочка». И хотя они в основе своей имеют аналогичные декоративные элементы (ромбы, крестообразные фигуры), но могут нести иную смысловую направленность, требующую дополнительного изучения;

Горизонтальные пальчики, которыми в древности обозначали принадлежность к определенному населенному пункту, на наших поневах являются, скорее, декоративным элементом, утратившим свой первоначальный смысл. Вероятно, с начала XX в. в связи с переселенческими процессами и развитием межрегиональных связей уже не было столь жестких предписаний при использовании их в вышивке.

На некоторых наиболее праздничных поневах из коллекции музея встречается вышитая полоса узора по краю прошвы, которая в народе называется *мужики и бабочки*. Она характерна также для сорочек с черно-узорной вышивкой, популярных в этом регионе, и символизирует единение и гармонию мужского и женского начал [7]. Фигурка в виде кустика также есть не что иное, как упрощенное изображение Берегини, дающее плодородие, защиту и благополучие. «Пророщенность» изображения богини объясняется ее слиянием с Древом жизни, являющимся осью мироздания, символом процветания Рода, духовного развития и мудрости. Возможно, в мотиве «мужики и бабочки» скрыт и древнейший сюжет славянской вышивки — изображение Богини с всадниками [11, с. 119–132]. Также популярным декоративным элементом являются вышитые полосы из треугольников, расположенные над окладом. Треугольник — это счастливый знак, символизирующий в различных мифологических системах плодородную силу земли, брак, обеспеченность [5, с. 231–234]. Как видим, узоры, нанесенные на поневы, подчеркивают ее роль в обрядах, неотъемлемых элементах духовной культуры народа.

Считается, что надевание поневы в южнорусских губерниях первоначально символизировало своего рода совершеннолетие девушки [3, с. 234–237; 4, с. 43–44]. О том, что это была ритуальная одежда, свидетельствует ряд обрядов. Во-первых, надевали поневу первый раз после наступления половой зрелости девушки к заутрене или обедне на Пасху, Троицу или к ранней обедне постом. Во-вторых, первую поневу шила старшая сестра, а ее одевал на девушку младший брат или другой мальчик. Иногда при надевании понёвы собиралась вся родня, и в таком случае надевать ее на девушку могли подруги. Если к перечисленным весенним праздникам девушке еще нельзя было надеть понёву, то этот обряд откладывали до наступления следующего года. Наличие подобных предписаний говорит о том, что понева являлась символом изменения физического положения девушки и перехода ее в группу женщин, готовых к вступлению в

брак. Невольно напрашивается сопоставление данного обряда с протестантской и католической конфирмацией, когда девушка надевала во время обряда костюм невесты [2, с. 34–42]. В связи с этим, совсем не удивительно, что в XIX – начале XX в. ношение девушками поневы уже было своеобразным реликтом, и понева являлась признаком замужества. Поневу всегда надевали перед венцом в отличие от женского головного убора, который, как правило, надевался после него. Известны обряды, когда перед венцом крестная мать одевает на невесту, лишенную нашивок и украшений, «печальную» понёву. После венчания девушку переодевали в празднично украшенную понёву, причем это переодевание, носящее обрядовый характер, производилось в специальном амбаре, вместе с рядом других ритуальных моментов [2, с. 24–25]. В этом обычае отражены древние представления о замужестве как событии, требующем оплакивания, поскольку оно радикально меняло жизнь девушки. Это был своеобразный переход через умирание девичества к рождению женщины. Наполненный же зерном амбар должен был символизировать будущее процветание и плодородие женщины. Однако в большинстве случаев понева на свадьбу сразу готовилась с яркими праздничными элементами, о символизме которых мы уже говорили ранее.

Есть данные, что первую свадебную поневу для невесты шила старшая невестка или замужняя сестра. Если девушка была сиротой, то ткань для поневы она получала в дар от женщин своего села, сшить же поневу могла и крестная мать. Все это говорит о важности этого элемента костюма в свадебном обряде, являющимся необходимым символом изменения социального статуса девушки.

В XIX – начале XX вв. в некоторых селах можно было увидеть старух, одетых в одну рубаху без всякой поясной одежды, с косой и без повойника. Оказывалось, что это — старые девы, которые, несмотря на возраст, не имеют права на ношение женского костюма [2, с. 36]. Все эти данные еще раз подтверждают факт о поневе, как символе замужества женщины.

Понева, являясь ритуальной одеждой, по сути, также подчеркивала разницу и возрастное положение женщины. Отличались понёвы замужних женщин детородного возраста («молодок», «молодух» до рождения первенца, «баб» — после родов) и старух. Одежда последних, прежде всего, характеризуется меньшим количеством украшений и вышивок, цветных, особенно красных, нашивок и т.п. Молодухи в течение трех лет после выхода замуж носили «бранные» понёвы, расшитые цветной шерстью на швах и по подолу.

Ношение костюма определенного типа являлось обязательным во многих районах. Женщина, нарушившая традицию, подвергалась осмеянию, не принималась в компанию во время гуляний, да и сама не позволяла себе в неподходящем наряде явиться на какое-либо собрание или мероприятие, имеющее ритуальное значение. Нарушение могло сделать ее изгоем. Если девушка бралась в жены из другого региона, ей лучше было ознакомиться с традиционной одеждой, чтобы не попасть в неловкое положение своей одеждой во время ритуалов [2, с. 46-54].

Девочки с ранних лет готовили себе в качестве приданного рубахи и поневы, которых у них к свадьбе должно было быть не менее 12. Как правило, праздничные поневы берегли и не успевали износить за жизнь, поэтому они передавались по наследству. Однако, постепенно поневы уходили из быта, традиция их надевания под венец заменялась ритуальным надеванием пояса. В XX в. в некоторых семьях поневы распарывали, убирали прошву и использовали в качестве покрывала, подстилки или коврика на стене.

Изготовление костюмов, в том числе и понев, с середины XX в. практически прекратилось. Изменился уклад жизни, но во многих селах Воронежской губернии традиционную одежду сохраняли как реликвию и надевали в дни некоторых календарных праздников, на второй день свадьбы или для выступления в клубе. Именно благодаря этому нашему музею и удалось приобрести коллекцию старинных понев.

Таким образом, понева, будучи ритуальной по своей сути, несет информацию о старинных технологиях ткачества и вышивки, региональных особенностях кроя и дизайна, традициях и обрядах, мировоззрении русского народа и является ценным источником для изучения его духовной культуры.

Литература

1. Баркова А.Б. Славянские мифы от Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. – Москва, 2022. – 248 с.
2. Гринкова Н.П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // СЭ. – 1936. - № 2. – С. 21-54.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.; Наука, 1991. – 522 с.
4. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX-нач. XX вв. – Москва, 1984. – 215 с.

5. Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х т. // гл. ред. А.С. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 671 с.

6. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

7. Сысоева Г.Я. Технологии традиционной черноузорной вышивки в селах Воронежско - Белгородского пограничья. Режим доступа: vk.com/wall-43310606_3636.

8. Сысоева Г.Я. Технология изготовления поневы воронежско-белгородского пограничья. Таблицы по материалам экспедиций Воронежского государственного института искусств в 1998 и 2002 гг. Режим доступа: URL: <https://www.vrnfolk.ru/cultural/tehnologija-izgotovlenija-ponjovy-voronezhsko-belgorodskogo-pogranichja.html>

9. Толкачева С.П. Народный костюм Воронежской губернии конца XX – начала XX в. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. – 224 с.

10. Фалеева В.А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера / ред. Б.Н. Путилова, К.В. Чистова. – Л.: Наука, 1973. – 280 с.

11. Чижикина Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. – Москва: Наука, 1988. – 256 с.

Е. А. Томашевская

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е. А. Tomashevskaya

PROBLEMS IN APPLYING DOCUMENTED TRADITIONAL KNOWLEDGE MATERIALS IN INTELLECTUAL PROPERTY

***Аннотация.** В сфере интеллектуальной собственности актуальна задача выявления традиционных знаний как существующего уровня техники при проведении экспертизы заявок на регистрацию изобретений. Её эффективное решение возможно через использование информационной системы традиционных знаний. В статье рассмотрены некоторые методические особенности описания объектов нематериальной культуры в практике этнографических исследований с точки зрения возможности применения этих описаний в ходе экспертиз и формирования информационной системы традиционных знаний в сфере интеллектуальной собственности.*

***Ключевые слова:** традиционные знания, нематериальное культурное наследие, нематериальное этнокультурное достояние, информационные системы, базы данных, документирование традиционных знаний, документирование объектов нематериального культурного наследия, защита традиционных знаний, интеллектуальная собственность.*

***Annotation.** In the field of intellectual property, the task of identifying traditional knowledge as an existing state of the art during the examination of applications for registration of inventions is relevant. Its effective solution is possible through the use of the traditional knowledge information system. The article considers some methodological features of describing objects of intangible culture in the practice of ethnographic research from the point of view of the possibility of using these descriptions during examinations and the formation of an information system of traditional knowledge in the field of intellectual property.*

***Keywords:** traditional knowledge, intangible cultural heritage, intangible ethnocultural heritage, information systems, databases, documentation of traditional*

knowledge, documentation of intangible cultural heritage, protection of traditional knowledge, intellectual property.

Для защиты объектов нематериального культурного наследия механизмами права интеллектуальной собственности, как правило, применяются нормы авторского права. Однако, существует категория объектов нематериальной культуры, для которых это невозможно, поскольку автор отсутствует, и дата создания не известна. Это традиционные знания. Такие объекты возникли давно, передаются из поколения в поколение, некоторые используются до сих пор, а другие уже не используются. Для традиционных знаний сегодня в России широко применяются средства индивидуализации (товарные знаки, географические указания, наименования мест происхождения товара) — специальная маркировка товаров, произведенных с использованием традиционных знаний, выделяющая их из ряда аналогичных. Хорошо известны товарные знаки «Гжель», «Палех», «Азбука Крыма», «Зеленый Крым», географические указания «Палех», «Крымская», «Кубань. Крымск», «Тарусская вышивка», наименование места происхождения товара, например, «Старооскольская глиняная игрушка» и многие другие. Эта практика широко распространена и в международном опыте.

Известные случаи оспаривания прав интеллектуальной собственности касались неправомерного использования традиционных знаний или использования их в унижительном смысле. Так, например, имело место воспроизведение на коврах рисунка «Джанда и священный водоем», принадлежащее клану рирратжингу и являющееся частью предания о сотворении мира Дажанкаву. Ковры были ввезены в Австралию и выставлены на продажу. Член клана заявил авторские права на это изображение, и был подан иск против фабрики, производящей такие ковры [8]. Имели случаи подачи заявок на регистрацию изобретений лекарственных средств традиционной медицины. Зафиксировано более 250 случаев оспаривания патентов на основании базы данных *Traditional Knowledge Digital Library (TKDL)* Индии, которая содержит задокументированные знания традиционных медицинских систем аюрведа, сиддха, унани, сова ригпа, йога [9]. В настоящее время доступ к этой базе данных предоставлен широкому ряду зарубежных патентных ведомств, а также Роспатенту.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) осуществляет межгосударственный переговорный процесс

для создания международных документов, регулирующих сферу защиты традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов механизмами права интеллектуальной собственности. В мае 2024 г. принят международный договор, касающийся генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний, целью которого является повышение эффективности, прозрачности и качества национальных патентных систем и предотвращение ошибочной выдачи патентов на изобретения, которые не являются новыми или не имеют изобретательского уровня [5]. В соответствии с этим договором заявитель при обращении в патентное ведомство для регистрации права на изобретение обязан был раскрыть информацию об источнике генетических ресурсов и традиционных знаний, если они использовались в изобретении, а патентное ведомство должно было дать рекомендации заявителю, если тот затрудняется выполнить требование о раскрытии.

Основное внимание в работе по созданию международных документов, осуществляющих защиту традиционных знаний в сфере интеллектуальной собственности, ВОИС уделяет тем объектам нематериальной культуры, которые имеют отношение к генетическим ресурсам и традиционным выражениям культуры (фольклору). В настоящее время продолжаются межправительственные консультации по тексту международного правового документа, регулирующего вопросы защиты механизмами права интеллектуальной собственности традиционных знаний и традиционных выражений культуры.

В рамках российской системы интеллектуальной собственности актуальна проблема выявления традиционных знаний при экспертизе заявок на регистрацию изобретений (или других прав интеллектуальной собственности), как существующего уровня техники, независимо от того, к какой области знаний относятся объекты нематериальной культуры, так как это обеспечит достижение основных целей, заявленных в принятом международном договоре.

На международном пространстве приняты различные подходы к охране традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов. Существует практика создания специальных режимов, выделяющих традиционные знания как отдельные объекты права с закреплением прав собственности (например, в Панаме, Перу и других странах). Это характерно для тех стран, где значительная часть населения проживает в условиях и на территориях традиционного бытования, сохраняя в значительной степени элементы традиционного уклада — коренные народы и

местные общины. В отношении этих объектов права узко очерчен круг владельцев — потенциальных бенефициаров, а также границы географических зон, имеющих особые условия для традиционных практик. Это один из типов режима позитивной охраны, при котором предполагается получение владельцами выгод от использования охраняемых объектов.

Другой режим — режим защитной охраны традиционных знаний и традиционных выражений культуры, имеет целью защиту от неправомерного использования без возможности получения выгод от использования кем-либо. Это характерно, в большей степени, для юрисдикций, где традиционные знания и другие объекты нематериальной культуры являются общественным достоянием. В этом случае на повестку дня для патентных ведомств выходит проблема эффективного выявления традиционных знаний как уровня техники.

В международной практике существуют прецеденты создания баз данных для этих целей. Наиболее значимыми, с нашей точки зрения, являются индийская база данных *TKDL* [2], а также южнокорейский портал традиционных знаний *Korean Traditional Knowledge Portal (KTKP)* [1]. Мы рассматриваем в настоящий момент эти информационные ресурсы как тот опыт, от которого можно оттолкнуться в создании информационной системы для российского патентного ведомства. Они создавались специально для использования при экспертизе заявок на регистрацию прав интеллектуальной собственности. Хотя существует огромное число баз данных, содержащих информацию о традиционных знаниях и традиционных выражениях культуры (ведомственных, академических, частных, сферы культуры, сферы коренных народов и т.д.).

Для создания *TKDL* и *KTKP* применялись следующие подходы к наполнению их информацией:

Раскрывались сведения, которые не вполне доступны при экспертизе заявок на регистрацию прав интеллектуальной собственности, то есть сведения, которые никогда не переводились на основные языки или не публиковались;

Раскрытие сведений осуществлялось на основании первоисточников (древних текстов).

Задача построения информационной системы традиционных знаний требует понимания границ термина «традиционные знания». Однако, его определения на международном уровне не выработано, даже несмотря на то, что он используется в целом ряде международных документов. В своей методологии [3] ВОИС разделяет тра-

диционные знания в широком¹ и узком смыслах². То есть, когда мы говорим о традиционных знаниях в широком смысле, то понимаем аспекты мировоззрения, религии, социальных норм, культурные коды. Когда мы говорим о традиционных знаниях в узком смысле, мы понимаем конкретные инновационные, технологические решения, которые возникли в традиционном контексте. В рамках своей нормотворческой работы ВОИС рассматривает только традиционные знания в узком смысле.

В российской законодательной системе законом «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» (от 20.10.2022 №402-ФЗ) предусмотрено определение схожего понятия «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации», которое включает основные характеристики, относимые к термину «традиционные знания», выработанные в ходе работы ВОИС. Поскольку, окончательного определения для международных договоров нет, можно говорить о риске несовпадения границ термина, обозначенного российским федеральным законом, и международным определением, которое, возможно, будет сформулировано в будущем. Однако, поскольку речь идет об учете традиционных знаний в качестве существующего уровня техники, можно считать возможным использовать понятие нематериального этнокультурного достояния (НЭКД) и объектов НЭКД так, как это определено в законе³ для целей построения информационной системы

¹ Термин «традиционные знания», используемый для широкого описания этого предмета, обычно включает интеллектуальное и нематериальное культурное наследие, практику и системы знаний традиционных общин, в том числе коренных и местных общин (традиционные знания в общем смысле). Иными словами, традиционные знания в широком смысле охватывают содержание знаний как таковых, а также традиционных выражений культуры, в том числе отличительные признаки и символы, связанные с традиционными знаниями

² Термин «традиционные знания», используемый в обсуждениях на международном уровне в узком смысле, относится к знаниям так таковым, особенно к знаниям, созданным в результате интеллектуальной деятельности в традиционном контексте, включая ноу-хау, практику, навыки и инновации. Традиционные знания могут быть обнаружены во множестве разнообразных контекстов, включая сельскохозяйственные знания, научные знания, технические знания, экологические знания, медицинские знания, в том числе знания о соответствующих лекарственных средствах и медикаментах, знания, связанные с биоразнообразием, и т.д.

³ «... как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из по-

традиционных знаний, пренебрегая возможным несовпадением понятийных границ [10].

То есть, для целей экспертизы по существу, применяемой при рассмотрении заявок на регистрацию прав интеллектуальной собственности, в качестве уровня техники можно учитывать традиционные знания, как они определены термином объектов НЭКД, и доказано имевших или имеющих бытование на территории России.

Основной массив источников, примененный для анализа практики документирования традиционных знаний и особенностях применения в сфере интеллектуальной собственности, представлен публикациями об исследованиях в области этнографии, антропологии и археологии. Нами проанализированы издания и публикации российских научно-исследовательских центров, организаций, высших учебных заведений данной предметной области, в том числе научные источники, издания, наиболее активно публикующие научные материалы о ТЗ в рамках исторических, этнографических и антропологических исследований [7].

В базу исследований были включены также 41 источник непатентной литературы по лекарственным растениям и народной медицине России, 61 источник о традиционных знаниях 40 коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, рассматривалась база данных Реестра объектов нематериального культурного наследия народов России (Реестр ОНКН). Данный реестр включает каталог, представленный на федеральном портале, а также 41 региональный каталог [3].

коления в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения.

К объектам НЭКД относятся:

- 1) устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации;
- 2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического);
- 3) традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, играх и других формах народной культуры;
- 4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории;
- 5) иные объекты нематериального этнокультурного достояния.»

Анализ этих источников показал, что основная часть публикаций индексируется РИНЦ, цифровые полнотекстовые версии размещаются на портале eLibrary, на сайтах изданий. Некоторая часть изданий представлена в немашиночитаемом формате. Информационный поиск источников о ТЗ выявил массив источников, представленных только на бумажном носителе. На сайтах музеев представлены фотоматериалы из архивов и фотоматериалы музейных коллекций предметов, переданных в музеи по результатам археологических и этнографических экспедиций.

Несмотря на то, что такие способы представления информации содержат широкий спектр сведений о ТЗ, тем не менее, они имеют следующие недостатки:

- сведения разрознены, отсутствуют интернет-порталы или научные журналы, объединяющие сведения о ТЗ или посвященные им;
- большая часть информации представлена только в печатном виде, есть издания с небольшим числом копий.

Эффективный поиск по печатным изданиям, невозможен. Существует высокая вероятность того, что необходимый источник традиционных знаний не будет выявлен при информационном поиске.

Исследовалась возможность применения этнографических данных в качестве эмпирической базы для сбора информации о традиционных знаниях и учета в качестве уровня техники. Этнографический метод претерпевал изменения от позитивистского накопления материальных свидетельств до понимания этноса как общности людей единой культурной самоидентификации, имеющей значимые этнические признаки. То есть он концентрируется на сборе и анализе тех объектов этнической культуры, которые являются уникальными, идентифицирующими этнос, отделяющими его от других общностей, с которыми он имеет фундаментальные связи [6]. Это означает, что в процессе сбора этнографических данных может иметь место избирательность при выборе объектов культуры для документирования и последующих исследований и не отражаться полнота феноменов традиционных знаний.

Анализ характера публикаций последних лет современных исследователей в области этнографии и антропологии показывает, что акцент делается на темы: теории и методологии указанных областей научного знания; символической, семиотической, семантической мифологии, фольклора и религии; вопросах этнодемографии, этнической идентичности, межкультурных коммуникаций и взаимовлияния культур, культуры и этногенеза современных городов. Такой подход не обеспечивает

концентрации исследователя на таких объектах культуры, которые могут иметь инновационный или коммерческий потенциал.

В ходе анализа описания объектов в Реестре ОНКН и оценки применимости этих описаний в сфере интеллектуальной собственности также отмечалось влияние исследовательской парадигмы, вызывающей пропускание объектов традиционных знаний, имеющих утилитарное назначение или коммерческую значимость. Было отмечено, что описания объектов раздела техник и технологий зачастую публикуется в усеченном виде (т.е. представляет декларативные знания), в описаниях отсутствуют технические данные и терминология, позволяющие определить уровень техники [11]. Это же замечание может быть отнесено и к сведениям о традиционных знаниях, публикуемым в результате этнографических исследований. Пропускание объектов нематериальной культуры, имеющих утилитарное назначение или коммерческую ценность в рамках процесса формирования реестров ОНКН во многом обусловлено особенностью, которая определяет аспект духовной культуры, как основной триггер выделения объекта.

Положение о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 03.08.2023 №1277) предусматривает в качестве обязательной характеристики объекта для включения в реестр отражение «своеобразия культуры этнических общностей», что подразумевает некоторую избирательность объектов при документировании. Кроме того, предусмотрена длительная бюрократическая процедура включения объектов в реестр. Поэтому этот реестр не может являться базой данных, необходимой для обеспечения защиты традиционных знаний от неправомерного использования, хотя, безусловно, информация, размещенная в нем, должна использоваться при проведении экспертизы по существу.

Сведения об объектах нематериальной культуры, собранные в вышеописанных источниках, могут быть использованы при экспертизе по существу, однако они не представляют исчерпывающей информации: не содержат необходимых идентификационных данных (кодов классификаторов, применяемых в сфере интеллектуальной собственности, а также ключевых слов, сформулированных в их парадигме), позволяющих эффективно выявлять описания традиционных знаний в объеме источников непатентной литературы, а также не содержат достаточно технических параметров для выявления уровня техники. Это может приводить к ошибкам при определении

новизны изобретений. Поэтому требуется дополнение сведений об объектах традиционных знаний внутри ведомственной информационной системы для использования при экспертизах. Эта проблематика создает перспективу исследований в специфическом русле. Кроме того, выявление объектов историко-культурного наследия, имеющих коммерческую значимость, может стимулировать деловую активность в регионах.

Литература

1. КТКР Introduction [Сайт]. – Режим доступа: URL: <https://koreantk.com/ktkp2014/about/introduction.page> (дата обращения 24.07.2024).
2. Traditional knowledge Digital Library [Электронный ресурс] // CSIR. – Режим доступа: URL: <https://www.tkdli.res.in/tkdli/langdefault/common/Home.asp?GL=Eng> (дата обращения: 21.02.2024).
3. Анализ применимости источников информации о традиционных знаниях, традиционных выражениях культуры и генетических ресурсах в качестве непатентной литературы для экспертизы заявок на регистрацию интеллектуальной собственности (шифр 1-ЭП-2022) Отчет о НИР (заключительный)/ФИПС; рук. Неретин О.П., исп.: Томашевская Е.А., Лысков Н.Б., Полякова А.А., Никитина И.Б., Зарянов Н.В., Терешкина Е.В., Симонова Л.Н., Лопатина Н.В., Монастырский Д.В. – М., 2022. – 259 с.
4. Глоссарий основных терминов, относящихся к интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и традиционным выражениям культуры статей. Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/ru/wipo_grtkf_ic_50/wipo_grtkf_ic_5_0_inf_7.pdf (дата обращения: 11.02.2025).
5. Дипломатическая конференция по генетическим ресурсам и связанным с ними традиционным знаниям. Май 2024. Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/dip_lomatic-conferences/ru/docs/tk-dipcon-2024-explainer.pdf (дата обращения: 02.09.2024).
6. Кистова А.В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №6.
7. Концептуальное моделирование архитектуры информационной системы традиционных знаний (шифр 3-ИТ-2024): Отчет о НИР (промежуточный) / ФИПС; рук. Неретин О.П., исполн.: Вислый А.И., Кононенко И.Ю., Лысков Н.Б., Никитина И.Б., Полякова А.А., Тимик П.А., Томашевская Е.А. – М., 2024. – 195 с.
8. Охрана и поддержка родной культуры. Практическое руководство по вопросам ИС для коренных народов и местных общин. Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1048.pdf (дата обращения: 7 февраля 2025г.).

9. Полякова А.А. Анализ применимости источников информации о традиционных знаниях, традиционных выражениях культуры и генетических ресурсах в качестве непатентной литературы для экспертизы заявок на изобретения // Интеллектуальная собственность как базовое условие обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. – М., 2022. – С. 54-58.

10. Томашевская, Е. А. Анализ определений «традиционные знания» в дискурсе работы Межправительственного комитета по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору // Культура: теория и практика. – 2022. – № 5(50).

11. Томашевская, Е. А. Проблемы дефиниции понятий «традиционные знания» и «традиционные выражения культуры»: информационный и культурологический подход // Культура: теория и практика. – 2022. – № 6(51).

Мы делаем фотографии,
чтобы понять, что значит для нас
наша жизнь.
(Ральф Хаттерсли,
американский фотограф, журналист)

Н. А. Филиппова

**ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА
(НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ КРЫМСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

N. A. Filippova

**PHOTOGRAPHY AS A SOURCE FOR STUDYING
THE WEDDING CEREMONY
(ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTION
OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM)**

***Аннотация.** В статье содержится краткая характеристика коллекции свадебных фотографий, отражающих особенности традиционного свадебного обряда народов Крыма. Приведен сравнительный анализ свадебных фотоснимков в разные временные периоды, отражена роль и значение фотографии как источника по изучению свадебных церемоний. В работе используются и вводятся в научный оборот новые материалы музея.*

***Ключевые слова:** свадьба, свадебная фотография, обычай, традиции, свадебный обряд, Крымский этнографический музей, коллекция.*

***Annotation.** The article contains a brief description of the collection of wedding photographs reflecting the features of the traditional wedding ceremony of the peoples of Crimea. A comparative analysis of wedding photographs in different time periods is given, the role and importance of photography as a source for studying wedding ceremonies is reflected. New museum materials are used and put into scientific use in the work.*

***Keywords:** wedding, wedding photography, custom, traditions, wedding ceremony, Crimean Ethnographic Museum, collection.*

С момента основания Крымского этнографического музея в 1992 г., наряду с пополнением фондов музея экспонатами по истории и культуре народов Крыма, активно формировался фонд фотографий, которые содержат ценную информацию о традициях, обычаях, обрядах, внешнем облике, национальных костюмах и роде занятий жителей полуострова [6, с. 183]. В настоящей работе предполагается рассмотреть коллекцию свадебных фотографий, относящуюся к началу — 80-м гг. XX в., дать ей общую характеристику, показать важную роль и значение фотографии как источника по изучению традиционных свадебных обрядов в различные временные периоды.

Несомненно, фотография является важным историческим и этнографическим источником для изучения традиционной культуры народов Крыма. Свадебные фото также представляют огромный интерес для исследователей. На свадебных фотоснимках можно увидеть особенности тех или иных свадебных церемоний, их участников, наряды, проследить, насколько сохранились те или иные свадебные обряды. К тому же свадьба является одним из самых памятных, красивых и волнующих событий в жизни любого человека. Запечатлеть, сохранить для истории это торжественное событие людям хотелось всегда, но такая возможность появилась лишь с изобретением фотографии.

Изобретение фотографии относится к 1826 г. Именно такую датировку имеет самый ранний сохранившийся фотоснимок. Он называется «Вид из окна». Сделал его француз Жозеф Нисефор Ньепс. Первый настоящий портрет с выдержкой всего 65 секунд выполнили только в 1839 г. [1, с. 6]. Один из самых известных свадебных фотоснимков — свадебное фото королевы Виктории и принца Альберта, сделанное английским фотографом Роджером Фентоном в 1857 г. Изобретение цветной фотографии состоялось в 1861 г. Джеймс Максвелл воспользовался методом цветоделения, благодаря чему получился первый в мире цветной фотоснимок. В 1981 г. появляется цифровое фото.

На сегодняшний день, фотофонд Крымского этнографического музея насчитывает порядка 4000 единиц хранения (2305 — основной фонд, и 1660 — научно-вспомогательный). Это как подлинные

фотографии, так и их фотокопии. Ряд фотографий поступил в фонды музея благодаря полевым экспедициям Крымского этнографического музея. Многие из них были переданы в дар музею жителями Крыма [2, с. 9]. Свадебных фотоснимков в коллекции насчитывается всего 103 единицы, относящиеся к началу — 80-м годам XX в. В 2024 г. в рамках акции «Свадьба. Семейный раритет» фонды музея пополнили еще 70 свадебных фотографий, которые в основном датируются 80–90 гг. XX в.

Рассматривая фотографии начала XX в., можно отметить хорошее качество самой бумаги и постановки снимка, выполненного на картонном паспорту, которое дает нам информацию о фотографе и его ателье. Снимки 1930–1940-х гг. уже не имеют такого оформления, а в 1950–60-е гг. фотография становится массовой [2, с. 9].

Семейная, в том числе свадебная, фотосессия в те времена напоминала своеобразный ритуал. Все семейство торжественно приезжало в фотоателье, где производилась съемка в различных интерьерных декорациях. Фотооборудование было настолько примитивным, что люди были вынуждены стоять без движения по несколько минут. Возможно, от этого и лица, запечатленные на старинных фотографиях, зачастую напряженные и не улыбающиеся.

Условно коллекцию свадебных фотографий в собрании музея хронологически можно разделить на четыре группы: фотографии начала XX в., 30–40-е, 50–60-е и 70–80-е гг. XX в.

На снимках начала XX в. представлены невесты в белых платьях с фатой и мужчины в классических костюмах темного цвета. Большая часть фотографий выполнены на паспорту. Съемка велась в студийных интерьерах. В данной группе насчитывается 36 свадебных фотографий, на которых изображены в основном эстонские (17 ед.), чешские (9 ед.) свадебные пары, фото с русскими молодоженами (3 ед.), с украинской свадьбой (3 ед.), немецкие (2 ед.), болгарская (1 ед.) и польская (1 ед.) фотографии.

Фотоснимок (КП-2287, Ф-544), изображающий эстонских молодоженов, датирующийся началом XX в., выполнен в студийном фотоателье Васили в Симферополе. Мужчина в белой рубашке и темном костюме стоит, облокотившись на тумбу. Справа под руку держит невесту в белом свадебном платье, украшенном мелкими цветочными букетами. Девушка с объемной высокой прической с белой длинной фатой (рис. 1).

В культуре многих народов фата считалась символом чистоты и непорочности. Традиция покрытия головы невесты пришла из

глубокой древности. С помощью этого элемента одежды молодую девушку защищали от злых духов, сглаза, зависти подруг. В XVII–XVIII вв. покрывало превратилось в фату, которая становилась все более легкой. Ее стали прикреплять к голове новобрачной с помощью шпилек, заколок или пришивать к головному убору. Со временем функция оберега была снивелирована.

На снимке (КП-7572, Ф-2065), на котором запечатлена чешская супружеская пара Погорская Филомена с мужем, мы видим появление свадебных платьев бежевого цвета с цветочными композициями. В данном случае белая фата полностью скрывает прическу невесты (рис. 2).

В этой же группе присутствует фотография (КП-1773, Ф-298), изображающая гостей на украинской свадьбе в Полтавской области в 1920 г., где продемонстрирован один из важных свадебных обрядов — подпоясывание рушником, изготовленным невестой. У всех гостей свадьбы через плечо повязан вышитый рушник.

Рис. 1. КП-2287, Ф-544.
Эстонцы, 1911 г.
Из коллекции КЭМ

Рис. 2. КП-7572, Ф-2065. Чехи.
Филомена Погорская с первым мужем,
начало XX в. Из коллекции КЭМ

Следующая группа фотографий 1930–40-х гг. насчитывает 12 единиц хранения и представляет греческие и русские фото (по 4 единицы), чешские (2 ед.) и немецкую (1 ед.) фотографии. Фотоизображения демонстрируют образцы не только постановочных фото в ателье, но и выполненные в домашних условиях. В частности, достаточно распространенный вариант для свадебной фотосессии на улице, на фоне ковра. Так, на фото (НВ-541) представлена русская супружеская пара молодоженов из села Курцы Симферопольского района на фоне черного ковра. Невеста в свадебном головном уборе в виде чепца с короткой фатой, белое платье сочетается с темным строгим пиджаком. В качестве украшений у супругов бутоньерки с длинными лентами — свадебный аксессуар, который крепился к свадебному наряду. Цветок в петлице считается признанием в любви и верности своей избраннице. Бутоньерки изготавливали как из живых, так и искусственных цветов. Как правило, бутоньерка жениха подбирается к цвету костюма и к букету невесты. На фотографиях начала XX в. бутоньерка встречается редко, уже в 30–60 годах XX в. практически на всех фотографиях различные по исполнению и размерам бутоньерки украшают свадебные наряд как жениха, так и невесты. На другом фотоснимке (НВ-769) Таисия Величко с супругом из села Хмельницкое Балаклавского района в 40-х гг. XX в. вместо белого платья выходит замуж в черном со светлым пиджаком, при этом сохраняя важный атрибут — белую длинную фату в пол (рис. 3).

В 1950–60-е гг. фотография становится массовой, наблюдается утрата этнической специфики свадебных церемоний. В данной группе представлено всего 43 фотографии, среди которых в основном чешские (14 ед.), украинские (11 ед.) и русские (13 ед.), а также по 1 фотоснимку с немецкой, молдавской, армянской и крымскотатарской свадеб. В этот период супружеские пары запечатлевают в основном на улице, как это видно на фото (КП-5430, Ф-1863), демонстрирующее украинскую супружескую пару Виктора Легкого и Александры Шевченко из Херсонской области из поселка Новотроицкое. В день свадьбы 15 января 1957 г. молодые стоят на снегу. Невеста в белом платье и объемным венком с фатой и черных туфлях, жених — в сером костюме, украшенном бутоньеркой (рис. 4).

Примечательно, что продолжает сохраняться в некоторых семьях и традиционный национальный костюм. Как например, на двух фотографиях, которые показывают украинскую свадьбу в 1950-х гг. (КП-3886, Ф-901), где невеста и подружки стоят в выши-

тых сорочках, жилетках, юбках и веночках на головах. При этом жених в белой рубашке с бутоньеркой и темных брюках. На фото (КП-6917, Ф-2024) 1957 г. представлена пара — мужчина в черном строгом костюме с бутоньеркой и девушка в традиционном украинском костюме с пышным венком на голове. Ни одна русская свадьба не обходилась без гармони — традиционный русский народный музыкальный инструмент, ставший массовым и распространенным среди крымских народов. Поэтому не случайно, что мы встречаем на фотографиях гармонию у греков, болгар, чехов, эстонцев. На фото (КП-2323, Ф-573) изображена русская свадьба из села Теплое Симферопольского района 60-х гг. XX в. Участники свадьбы одеты в пальто, в центре двое мужчин с баяном и гармонью в руках (рис. 5).

Одним из обрядов, сохранившихся в середине XX в., была встреча молодых с караваем на хлебосольном рушнике. Это запечатлено на снимке (КП-1431, Ф-228), где представлена русская свадьба в с. Грушевка Судакского района в 50–60-х гг. XX в. Нередко встре-

Рис. 3. НВ-769 Русские. Таисия Величко с супругом, 40-е гг. XX в. Из коллекции КЭМ

Рис. 4. КП-5430, Ф-1863. Украинцы. Свадьба Виктора Легкого и Александры Шевченко, 1957 г. Из коллекции КЭМ

ча молодых хлебом-солью была единственным обрядовым знаком, символизирующим создание новой семьи [4, с. 143].

У многих народов второй день свадьбы был не менее интересным, чем первый. Один из свадебных обрядов у чехов, имевших место в Крыму — это катание тещи на повозке, о чем свидетельствует фотография середины XX в. (КП-6607, Ф-1988). На второй день свадьбы главными персонажами становятся ряженые. Ряженье заключалось в переодевании женщин в мужчин и мужчин в женщин; надевали также вывороченные шубы, изображая животных, цыган, нищих и под гармонь с песнями и плясками отправлялись из дома молодого к родителям молодой на блины [3, с. 76]. Сохранились изображения ряженых с музыкальными инструментами (гармониями и баянами) во второй день чешской свадьбы на фото 50–60-х гг. XX в. (КП-6608, Ф-1989) (Рис.6) и на снимке второго дня украинской свадьбы (КП-2366, Ф-609).

Один из игровых свадебных эпизодов — переодевание цыганами. Цыганщина имела распространение у всех восточнославянских народов. «Цыгане» брали мешки и шли из дома молодого по селе-

Рис. 5. КП-2323, Ф-573 Русские. Жители села Теплое, 60-е гг. XX в.
Из коллекции КЭМ

Рис.6. КП-6608, Ф-1984 Чехи. Ряженые, 1960 г. Из коллекции КЭМ

нию «цыганить», чаще всего, заходя в дома участников свадьбы. Шли с музыкантами и плясками. При этом «цыгане» выпрашивали овес, гречиху, пшено, сало и старались утащить то, что «плохо лежало» [3, с. 76]. Переодевание на свадьбе включало и переодевание, скрывающее невесту. Истоки его, возможно, восходят к обрядам, направленным на то, чтобы ввести в заблуждение и обмануть злых духов. Переодевались подружки невесты, чтобы жених угадал ее среди них. Если он не угадывал, то должен был дать девушкам деньги или гостинцы [3, с. 76]. Традиционным известным по всей Украине был обряд фальшивая невеста. Гостей встречал дружка «фальшивая невеста», одетый в лохмотья, с венком из крапивы на голове и лицом, вымазанным сажей, который доказывал матери невесты, что именно он является ее дочерью до тех пор, пока не появлялась настоящая молодая [3, с. 78].

В группе фотографий 70–80-х гг. XX в. насчитывается 10 фотоснимков. В основном это фотографии с изображением крымско-татарских музыкантов на свадьбах (7 ед.), есть также 2 фотографии с изображением русской свадьбы и 1 фото с молдавской свадьбой.

На крымскотатарских свадьбах «живая» музыка очень ценилась. Приглашать на свадьбу музыкантов нужно было заранее. Заказы музыкальных коллективов расписывались на несколько лет вперед. В крымскотатарской коллекции фотографий имеется горизонтальный снимок 1973 г., представляющий оркестр на свадьбе в г. Баканск Краснодарского края (КП-4067, Ф-924). Возле стола стоят музыканты с кларнетом, трубами, скрипкой и бубном. Другое фото запечатлело музыкантов на свадьбе в Узбекистане в 1971 г., сидящих за столом (КП-4068, Ф-925). Слева направо сидят мужчина с барабаном, скрипач и трубач. Рядом с ними стоит мужчина с бубном [6, с. 184].

Встреча молодых свадебным караваем, подвязывание полотенцами участников свадебной церемонии — обряды, которые продолжают сохраняться и в 70–80-е гг. XX в. До сих пор у некоторых народов, особенно среди славян, полотенце и рушник — священные свадебные предметы, который скрепляют союз молодых, равносильные церковному венчанию. Не случайно, у молдаван один из моментов традиционного свадебного торжества носит название «лягэ нунта» («повязывать свадьбу»), когда родственники невесты во время свадебной «хоры» (общего кругового танца), одаривая гостей, по обычаю, повязывают гостям полотенца [4, с. 143]. На фото (КП-2305, Ф-561), выполненное в 1963 г., изображена невеста и гости на молдавской свадьбе с повязанными крест-накрест полотенцами на груди и на поясе. Следующий снимок (КП-2306, Ф-562), датирующийся 1975 г., изображает мужчин на молдавской свадьбе с повязанными через плечо праздничными полотенцами, которые держат в руках по два фигурных каравая — яркий пример сочетания этих двух важных свадебных обрядов.

На фотографиях со свадебных церемоний 1980-х гг. костюм невесты представляет закрытое белое платье простого покроя длиной в пол, по колено либо чуть ниже. На голове невесты обычно фата или шляпка. Фата разного размера: короткая или до плеч. На некоторых фотографиях можно увидеть обувь невесты — белые туфли или босоножки. Обязательный атрибут — букет цветов в руках невесты. Выбор цветов зависел от двух факторов — уровня достатка молодоженов и времени года. На свадебных церемониях в августе-сентябре, чаще всего, присутствовали гладиолусы. Букеты роз говорили о высоком экономическом статусе семьи. Образ жениха был строг и торжественен благодаря черному или серому костюму и белой рубашке. Обязателен был галстук или же бабочка. С левой стороны

пиджака обычно была приколоты бутоньерка [5, с. 128]. Сохранилась фотография (КП-10758, Ф-2304), где запечатлен день свадьбы супружеской пары Хардиных в поселке Первомайское Первомайского района 31 июля 1982 г. На фото Татьяна Владимировна Хардина (в девичестве Фролова) в белом платье, фате, с бутоньеркой, перчатках и с букетом гладиолусов. Рядом супруг Валентин Анатольевич Хардин в темном костюме, белой рубашке, галстук, слева на пиджаке закреплена белая бутоньерка.

В СССР свадебная фотография до начала 1990-х гг. была представлена в основном штатными фотоуслугами в ЗАГСх, где присутствовали традиционные постановочные кадры. В этот период встречаем яркие цветные фотографии супружеских пар в кругу гостей. Необходимо отметить сохранение важной свадебной традиции с использованием белого венчального рушника, на который должны были встать супруги при регистрации брака.

Таким образом, коллекция свадебных фотоснимков Крымского этнографического музея начала — 80-х годов XX в. ярко демонстрирует, как менялся свадебный наряд молодоженов, прически невест, традиционные элементы свадебной церемонии.

Литература

1. Беленькая Н.М. История семейных фотографий. — М.: Росмэн, 2018. — 48 с.
2. Лица Тавриды. Народы: Альбом. — Симферополь: Салта Лтд, 2012. — 400 с.
3. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX- начала XX. — М.: Наука. — 1984. — 220 с.
4. Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. — М.: Наука, 1985. — 191 с.
5. Чудинова М.М. Аристократизм по-советски, или свадебные фотографии с историко-антропологической точки зрения // Вестник Пермского государственного национального исследовательского университета. — 2018. — Вып. 3(42). — С. 125-134.
6. Шаврова Н.А. Коллекция фотографий с изображением музыкальных инструментов в собрании Крымского этнографического музея // Труды Всероссийской научно-практической конференции «История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 20-летию Феодосийского музея древностей. — Феодосия: Арт Лайф, 2017. — С. 183-188.

Лантев Ю.Н.

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА. МУЗЕЙНЫЙ АСПЕКТ

Laptev Yu. N.

PRESERVATION AND POPULARIZATION OF THE ETHNOGRAPHIC HERITAGE OF CRIMEA. THE MUSEUM ASPECT

Аннотация. В статье рассматривается работа Крымского этнографического музея, отражающая пути формирования коллекции, реставрации предметов, создание новой экспозиции музея, проводится анализ сохранения этнографического наследия в музейной сфере Республики Крым, в том числе и негосударственных собраний, в ближайшие несколько десятилетий, а также рассматриваются вопросы нематериального этнокультурного достояния.

Ключевые слова: народная культура, музейные учреждения, музейная экспозиция, народы, Крымский этнографический музей, реставрация, предмет, реэкспозиция, этнографическое наследие, частные коллекции, нематериальное этнокультурное достояние.

Annotation. The article examines the work of the Crimean Ethnographic Museum, reflecting the ways of forming a collection, restoring objects, creating a new museum exposition, analyzes the preservation of ethnographic heritage in the museum sector of the Republic of Crimea, including non-governmental collections, in the next few decades, and also examines issues of intangible ethnocultural heritage.

Keywords: folk culture, museum institutions, museum exposition, peoples, Crimean Ethnographic Museum, restoration, object, re-exhibition, ethnographic heritage, private collections, intangible ethnocultural heritage.

С середины 80-х гг. XX века в обществе значительно вырос интерес к изучению этнической истории, культуры, быта, традиций. Активизировалась общественная деятельность, что привело к созданию этнических организаций, научных и просветительских объе-

динений и нашло свое отражение в культурно-творческой деятельности. В мире уже давно признана ценность и значение народной (традиционно-бытовой) культуры, существует разветвленная сеть этнографических музеев и музеев под открытым небом, этнографические разделы и коллекции имеются во многих краеведческих музеях. Не остается в стороне Российская Федерация и ее субъекты.

В Республике Крым находятся десятки архитектурных объектов, отражающих этническую историю Крыма. По данным туристического портала на 2022 год в Республике Крым функционировало 50 музеев и объектов показа этнографического профиля различной формы собственности [8]. В ряде регионов стало популярным представлять частные коллекции при кафе.

В 2022 году в России образована Ассоциация этнографических музеев. В настоящий момент в нее вошло более 120 музеев, музеев-заповедников из 8 федеральных округов. В Южном Федеральном округе Ассоциация объединяет 12 музеев. Республика Крым представлена 2 музеями – Крымским этнографическим и Крымскотатарским музеем культурно-исторического наследия [12].

Музейные учреждения Республики Крым располагают коллекциями по культурно-историческому наследию ряда народов Крыма. Наиболее полная и разнообразная коллекция формируется в Крымском этнографическом музее, организованном в 1992 году [5].

В 2022 году исполнилось 30 лет со дня создания Крымского этнографического музея. Одним из мероприятий, осуществленным коллективом музея в рамках празднования юбилея, стало создание трех новых экспозиций музея. Реэкспозиция стала своеобразным итогом работы музея за последние 5 лет.

Одной из действенных форм в работе музейных учреждений является создание музейной экспозиции. Вот как характеризует словарь музейных терминов «Музейную экспозицию» - это основная форма презентации музеем историко-культурного наследия в виде искусственного создания предметно-пространственной структуры. Последние 10–20 лет в России наблюдается истинный «бум» в области музейного строительства. Именно сегодня во множестве городов рассматриваются проекты расширения и переустройства существующих музеев, создаются новые музеи и новые экспозиции, хранящие и репрезентующие различные предметы, с целью сохранения и популяризации культурного наследия, привлечения туристов. Ведь экспозиция музея – это показатель деятельности коллектива по всем основным видам музейной работы – собирать, хранить, изучать.

1. На протяжении нескольких лет коллектив музея проводит целенаправленную работу в области комплектования фондовых коллекций. В связи с этим приобретаются культурные ценности, идет реставрация и консервация коллекций, апробация предметов.

Перечисленная выше работа реализуется за счет финансовых средств, выделяемых Министерством культуры Республики Крым на выполнение государственного задания. Помимо сохранения, изучения и экспонирования культурных ценностей важной задачей музеев является пополнение музейных фондов предметами, имеющими культурную ценность. Системная деятельность по пополнению музейных фондов в Крымском этнографическом музее ведется традиционно непрерывно и эффективно. Культурные ценности, хранящиеся в фондах музея, участвуют в организации экспозиций и различных временных выставках, позволяют продолжить научную деятельность и культурно-исторические изыскания. Так, за период с 2015 по 2025 год музеем было закуплено 967 предметов на общую сумму 13 540 300,00 рублей [3, 4, 9]. Это предметы ювелирного искусства, художественного текстиля народов Крыма, медная посуда, национальные костюмы, элементы одежды, а также предметы декоративного убранства дома. Большинство из приобретенных предметов представлены в новых экспозициях. Заслуживает внимания сотрудничество Крымского этнографического музея с Благотворительным фондом «Луйс» (г. Симферополь), который при поддержке Региональной национально-культурной автономии армян Крыма выделил в 2020 году на приобретение коллекции медной посуды 200 000,00 рублей и в 2022 году – 100 000 рублей, в 2024 году – 25 000 руб. от фонда «Одиссей» (Республика Крым) поступило на приобретение иконы. Заслуживает внимания и акция «Подарок музею», показывающая, что в современном обществе есть потребность и желание сохранять свое наследие. Цифры говорят сами за себя – с 2017 по 2024 год 257 дарителей передали в музей 2905 предметов [2].

С 2016 по 2019 годы музеем проведена работа по реставрации музейных предметов – отреставрировано 79 предметов на общую сумму более 1 миллиона рублей [4].

С 2017 по 2019 годы музей провел в Донской государственной инспекции пробирного надзора апробацию 190 предметов, в 2024 году – 174 предмета, из них 145 с содержанием серебра [3].

В 2017 году научно-методическим советом музея была разработана и принята Концепция развития КЭМ на 2018–2022 годы [6].

Центральным мероприятием концепции является реэкспозиция. Общая площадь реэкспозиции более 531 м². Работа включает несколько этапов: I этап – 2019–2021 гг. и II этап – 2021–2022 гг.

Итогом работы I этапа стало создание 2-х новых залов, презентация которых состоялась в декабре 2021 года.

1 зал – Культура и быт старожилов населения Крыма (кон. XVIII– XX вв.), включающий комплексы: армяне, греки, крымчаки, караимы, крымские рома (чингине) – цыгане, крымские татары, а также турки (общая площадь – 134,2 м²).

2 зал – «Крымский ларец»: показ предметов декоративно-прикладного искусства народов Крыма, ювелирных предметов и предметов, содержащих драгоценные металлы (площадь 21,1 м²).

Общее количество представленных предметов составляет в новой презентуемой экспозиции – I этап – 1312 единиц хранения (старая экспозиция – 424 предмета). Таким образом, доля экспонируемых предметов увеличилась в 3 раза [3].

Новая экспозиция «Мозаика культур Крыма» Крымского этнографического музея затрагивает различные аспекты материальной и духовной культуры народов, населяющих Крымский полуостров в период с сер. XVIII до сер. XX вв. Она дает возможность показать традиционный костюм, предметы хозяйственной деятельности, домашнего убранства дома, элементы религиозного культа, художественный текстиль, фотоматериал. А так же раскрыть темы, которые не входили ранее в формат предыдущей экспозиции – музыкальные инструменты народов Крыма, медная посуда, торговля, воспитание детей. Еще одним дополнением вновь созданной экспозиции стал коллекционный показ однотипных предметов, относящихся к определенному вопросу. Что дает возможность увеличить показ музейных предметов по заданной теме, тем самым расширить информационную базу для посетителей.

В подготовке экспозиции заслуживает внимания и межмузейное сотрудничество в области введения в научный оборот документального фотоматериала из фондов музеев Республики Крым – Центрального музея Тавриды, Симферопольского художественного музея, Евпаторийского краеведческого музея, Феодосийского музея древностей, Ялтинского историко-литературного музея, Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника, а также Российского этнографического музея, Государственного архива Республики Крым и частных коллекций [3].

Всего в экспозиционное пространство введено 326 фотографий, являющихся ценным историческим источником. Комплекс «Караимы» дополнен предметами Музея истории и культуры крымских караимов им. С. И. Кушув при МОО «Национально-культурная автономия караимов городского округа Евпатория «Кардашлар» (9 единиц) и караимской библиотеки «Карай-Битиклиги» при Религиозной организации «Караимская религиозная община» (2 единицы) [3].

Общее руководство, координация работы осуществлялась директором КЭМ Лаптевым Ю. Н., научное руководство – заместителем директора КЭМ Науменко Л. А., дизайн-проект – Степановой О. Н., членом Союза дизайнеров России, председателем Крымской организации Союза дизайнеров России. Изготовление оборудования произведено ООО «Сэндарт» (г. Симферополь, директор Каримов А. А.), музейное освещение – Компания НТК (ИП Раковская, г. Ялта) и оформление экспозиции – ИП Зотикова (г. Симферополь).

Итогом II этапа стала работа по созданию экспозиционного зала «Русские Крыма», презентация которого прошла 22 декабря 2022 года. В истории музейного дела Крыма впервые при помощи музейного предмета представлена традиционная культура русского населения в Крыму. Особые акценты сделаны на разделение сельского и городского быта, на традиционный народный костюм, коллекция которого в собрании Крымского этнографического музея является обширной и достаточно укомплектованной. Здесь представлено 27 костюмов, аксессуаров, народные и религиозные праздники и традиции, декоративный текстиль, особый акцент уделен головному убору – в экспозиции 10 видов женских головных уборов, а также барановские платки. Можно также ознакомиться с коллекцией верхней одежды, различными видами обуви [10].

Созданием нового зала введено в научный оборот более 530 предметов (было представлено 59 предметов), хранившихся в фондах Крымского этнографического музея на площади 122 м². Понимая важность и необходимость для Крымского полуострова такого рода экспозиционного зала, сотрудники музея работали над комплектованием фондов по теме «Русские Крыма». Благодаря этому сегодня имеется богатый материал для экспонирования.

Общая цифра представленных предметов в экспозиции составляет 3 172 единицы хранения (19, 78 %), в том числе «Мозаика культур Крыма» – 2 199 единиц хранения, «Этническая история Крыма» – 61 единица хранения, «Русский самовар» – 289 единиц хранения, «Крымский ларец» – 549 единиц хранения, «Украинская

вышивка» – 508 единиц хранения [3]. Представленная экспозиция Крымского этнографического музея – это продукт, показывающий объединение и очень тесное сотрудничество в разных областях – науки, искусства, архитектурного дела, профессионального света, дизайна и т.д., тем самым подчеркивается сложность построения музейной экспозиции.

В 2022 г. дизайнером Степановой О.Н. разработан новый этап реэкспозиции – зал «Украинцы» и зал «Белорусы». Планируется представить традиционную культуру этих народов в комплексе с русской культурой. Данная экспозиция с одной стороны будет показывать самобытность украинской и белорусской традиционных культур, с другой стороны она будет отображать хозяйственные, культурные и религиозные процессы, ведущие к формированию единого хозяйственно-культурного типа восточных славян в Крыму, формированию «Русского мира» в культурном пространстве Крыма.

Следующий этап реэкспозиции – показ культуры переселенцев из Европы с кон. XVIII- сер. XIX в. и внутреннее переселение их потомков в границах Таврической губернии. В экспозиции будут представлены: немцы, швейцарцы, немцы-меннониты, чехи, поляки, французы, итальянцы, болгары, эстонцы, молдаване, евреи – «ашкеназы». В этом комплексе необходимо показать и ассирийцев, переселявшихся в Крым с 1915 года с территории Османской империи. Ряд комплексов будет показан через обстановочные сцены (интерьерный показ), с представлением мебели. Потомки этих переселенцев проживают на полуострове в настоящее время, имеют места компактного проживания, сохраняют традиционную культуру, которая подверглась аккультурации и ассимиляции, сформировали историческое наследие, идентифицируют себя гражданами Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание и на формирование коллекций по культурам народов, массово появившихся в Крыму после Великой Отечественной войны – мордва, чуваш, марийцы, татары Поволжья, грузины, корейцы, узбеки, входившие в многонациональную семью СССР. С одной стороны, надо представить элементы традиционной культуры, с другой – традиции, обряды и праздники «Советского человека». Соответственно, в будущем это должно стать новым экспозиционным комплексом.

Как же будет проходить на наш взгляд сохранение этнографического наследия в музейной сфере Республики Крым в ближайшие несколько десятилетий.

Во-первых, государственные и муниципальные музеи. Это потенциал музейных собраний, представление коллекций в экспозиции, выставочная деятельность и, конечно же, методическая и просветительская работа, ориентированная на различные целевые аудитории. С целью сохранения наследия необходима целенаправленная работа по закупке экспонатов, организация экспедиций, проведение разнообразных акций в этом направлении. Необходимо выделить формирование коллекций современных мастеров декоративно-прикладного искусства, разнообразных творческих объединений. Данный вопрос ставился на одном из заседаний Союза музеев России. Формирование коллекций непосредственно затрагивает вопрос создания выставок. Заслуживает внимания опыт создания выставки «Ступени мастерства» по итогам Всекрымского конкурса, где представлены работы мастеров декоративно-прикладного искусства, ремесленников, художников, фотохудожников из городов и районов Крыма. Организация таких выставок представляет регион и поддерживает мастеров, такую работу необходимо внедрять как можно шире. Хотелось бы выделить потенциал музеев-заповедников и музеев – Симферополь, Бахчисарай, Евпатория, Феодосия, Ялта.

В ближайшее время в связи с проведенным ремонтом и вводом в эксплуатацию новых помещений раскрывается потенциал музеев г. Краснопереконска и пгт. Красногвадейское. Позитивные сдвиги наметились в Белогорском районе: в структуру Белогорского краеведческого музея включен музей с. Чернополье (Карачоль), рассказывающий о традиционной культуре фракийских греков (единственное место компактного проживания на юге России греков-фракийцев). В 2025 г. Феодосийский музей древностей в отдельном здании презентовал новую этнографическую экспозицию «Феодосия и феодосийцы в конце XIX – начале XX вв.». В экспозиции представлены быт и культура народов, населявших восточный регион полуострова – русских, украинцев, крымских татар, армян, караимов, греков и других.

К настоящему времени, на наш взгляд, не в полной мере раскрыт в музейной сфере потенциал нескольких крымских народов, исторически связанных с полуостровом – греки, армяне, русские, немцы. С целью сохранения и популяризации культурно-исторического наследия необходимы решения по музеефикации объектов, созданию музеев указанных народов в структуре государственных музеев, в частности, возможно создание на правах отделов в струк-

туре Крымского этнографического музея. Место нахождения этих музеев, учитывая культурно-исторический потенциал регионов возможно от Симферополя к Старому Крыму. В продвижении данной темы важную роль должно занять руководство и актив национально-культурных автономий.

Во-вторых, школьные музеи, как центры сбора материала и популяризации этнографического наследия в регионах.

В-третьих, культурно-этнографические центры, музеи национально-культурных обществ, автономий, а также формирование частных коллекций, например, с дальнейшим представлением в кафе с этнической направленностью.

К настоящему времени известны следующие объединения в Республике Крым, юридический статус многих заслуживает уточнения:

– Музей – усадьба «Эстонский дом» (Красногвардейский район, с. Краснодарка).

– Чешский культурно-этнографический центр «Богемия», (Джанкойский район, с. Лобаново).

– Чешский дом-музей (Первомайский район, с. Братское).

– Музей истории, культуры и религии крымских караимов-тюрков имени Тамары Ормели (г. Симферополь).

– Народный историко-этнографический музей крымчаков им. И. В. Ачкинази (г. Симферополь).

– Этнографический центр армянской культуры (Симферопольский район, с. Донское).

– Музей истории крымских татар (г. Старый Крым).

– Выставка коллекции «Музей истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль при МОО «Национально-культурная автономия караимов городского округа Евпатории «Кардашлар».

– Историко-этнографический музей «Белая Русь» КРО белорусов «Сябры» (г. Симферополь).

В-четвертых, нематериальное этнокультурное достояние [7, 11].

В соответствии с Федеральным законом от 20 октября 2022 года № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» с 2022 года в Республике Крым начала разрабатываться программа о нематериальном этнокультурном достоянии, главным оператором проекта в Крыму является Центр народного творчества Республики Крым. В Российской Федерации главным куратором темы является Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова. В 2022 году после проведения первой совместной экспедиции двух указанных орга-

низаций, с участием экспертов, в объекты нематериального культурного наследия Российской Федерации было включено 2 объекта из Крыма – праздник феодосийских караимов «Ага Думпа» и творческое наследие крымскотатарского музыкального ансамбля семьи Зинадиновых из села Мичуринское [1, с.10,39]. В 2024 году была организована новая экспедиция, на основании полученного материала Экспертным советом при Министерстве культуры Республики Крым по оценке и отбору объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Крым были рекомендованы объекты для включения в Реестр Республики Крым. В соответствии с приказом Министерства культуры Республики Крым № 173 от 07.08.2024 года «О включении объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Крым в реестр» объектами нематериального этнокультурного достояния Республики Крым стали: праздник феодосийских караимов «Ага Думпа» и технология изготовления традиционного блюда праздника «Ступеч» (г. Феодосия); Народный крымскотатарский семейный ансамбль Зинадиновых «Къатырша-сарай» (Белогорский район, с. Мичуринское); традиции, связанные с ловлей, приготовлением и потреблением керченской сельди (г. Керчь); традиция заключения брачного договора «Шетар» у крымских караимов (г. Евпатория); традиционная крымскотатарская техника золотного шитья двусторонней гладью «Татар Ишлеме» (г. Симферополь); технология крымской ажурной и фоновой филигрании (г. Симферополь); греческий праздник Панаир православной общины фракийских греков Крыма в Престольный день церкви Святых Равноапостольных царя Константина и его матери царицы Елены (Белогорский район, с. Чернополье); устное народное творчество «Легенды Крыма» – «Легенда о Семи Колодезях» (Ленинский район, с. Ильичево) [13].

В 2025 году в результате мнения экспертного сообщества в Реестр объектов НЭД Республики Крым на основании приказа Министерства культуры Республики Крым № 177 от 18.08.2025 года включено четыре объекта: традиция водружения Знамени Победы на горные вершины Крыма (г. о. Ялта); поминальная традиция крымчаков «Тъкун» (г. Симферополь), мазанская технология применения крымской глины (Симферопольский район), легенда о Карадагском змее (г. Феодосия) [13]. Включение темы НЭД в музейную сферу может значительно расширить представление о традиционных культурах народов Крыма и сыграть важную роль в популяризации традиционных культурных и духовно-нравственных ценностей.

Основываясь на вышеизложенном, необходимо выделить следующее – роль и функции государственных и муниципальных музеев Республики Крым в сохранении и популяризации этнографического наследия должны расширяться и усиливаться, а работа с этнографическими собраниями (коллекциями) различных форм собственности должна переходить на новый организационный и методический уровень.

Литература

1. Антология народной культуры. 100 объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. – М., 2022. – 127 с.
2. Архив КЭМ. Книга дарителей.
3. Архив КЭМ. Учетно-фондовая документация.
4. Архив КЭМ. Финансово-хозяйственная деятельность.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф.Р – 4973, Оп.1, Д.93.
6. Крымский этнографический музей: [сайт]. – URL.: <https://ethnocrimea.ru/>. (дата обращения 30.09.2025).
7. Методика работы с объектами нематериального этнокультурного достояния народов России. /Сост. И.М. Глинко, М.В. Русанова. М.: ГРДНТ им. В.Д. Поленова, 2023. – 124 с.
8. Министерство курортов и туризма Республики Крым: [сайт]. – URL.: <https://mtur.rk.gov.ru/documents/7a8590da-1343-4e86-b20a-4ee410c9f3d6> (дата обращения 30.09.2025).
9. Миронова Н.В. Формирование фондовых коллекций Крымского этнографического музея путем закупок в 2015 – 2023 гг. //Этнография Крыма и сопредельных территорий. I Крымские этнографические чтения. Материалы и исследования. – 2024. – Вып.1. – С. 112–118.
10. Науменко Л.А. К вопросу создания экспозиции «Русские Крыма» в Крымском этнографическом музее. //Этнография Крыма и сопредельных территорий. I Крымские этнографические чтения. Материалы и исследования. – 2024. – Вып.1. – С. 119–127.
11. Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах/ Сост.: В. Е. Добровольская, Ф. Б. Ипполитова, М. В. Русанова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. – 348с.
12. Российский этнографический музей: [сайт]. – URL.: https://ethnomuseum.ru/specialist/associaciya_etnograficheskikh_muzeev_rossii/chleny_associacii/yuzhnyj-fo/ (дата обращения 30.09.2025).
13. Центр народного творчества Республики Крым: [сайт]. – URL.: <https://cnt-rk.ru/>. (дата обращения 30.09.2025).

Сведения об авторах

1. Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, к.и.н., заведующая отделом Мемориальный комплекс И. Гаспринского ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»; младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; научный сотрудник НИИ крымско-татарской филологии, истории и культур этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета им. Ф. Якубова.

2. Баранова Евгения Михайловна, заведующая отделом информации и культурно-просветительной работы ГБУРК «Крымский этнографический музей», заслуженный работник культуры Республики Крым.

3. Берестнева Екатерина Сергеевна, заведующая научно-экспозиционным отделом этнографии ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».

4. Бондак Юлия Владимировна, библиотекарь библиотеки «Таврика» им. А.Х.Стевена ГБУ РК «Центральный музей Тавриды».

5. Варламова Татьяна Юрьевна, преподаватель народной художественной культуры, народного художественного творчества, экскурсовод.

6. Гайворонская Ольга Борисовна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей», заслуженный работник культуры Республики Крым.

7. Гармаш Лина Николаевна, главный хранитель фондов ГБУ «Донецкий республиканский краеведческий музей».

8. Дзини Стефания, к.и.н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

9. Ельяшевич Вячеслав Алексеевич, самостоятельный исследователь.

10. Ермоленко Павел Александрович, народный мастер Союза художников России, заслуженный ремесленник Республики Крым, специалист по фольклору отдела нематериального этнокультурного достояния ГБУК РК «Центр народного творчества Республики Крым».

11. Комар Яна Владимировна, к.и.н., доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Краснодарский филиал).

12. Лаптев Юрий Николаевич, директор Крымского этнографического музея, заслуженный работник культуры Республики Крым.

13. Ломакина Мария Александровна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

14. Миронова Наталья Викторовна, заведующая отделом учета и хранения фондов ГБУРК «Крымский этнографический музей».

15. Наumenко Людмила Анатольевна, заместитель директора ГБУРК «Крымский этнографический музей», заслуженный работник культуры Республики Крым.

16. Носкова Инна Аркадьевна, к.и.н., научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

17. Прохоров Дмитрий Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

Список сокращений

18. Сеитмететова Сельвина Алиевна, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань; ведущий библиотекарь отдела редких книг, рукописных и архивных материалов ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского».

19. Сластникова Людмила Александровна, научный сотрудник высшей категории ФГБУК «Российского этнографического музея» отдела этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана.

20. Таратухина Елена Евгеньевна, хранитель музейных предметов отдела учета и хранения фондов ГБУРК «Крымский этнографический музей».

21. Томашевская Елена Александровна, старший научный сотрудник Научно-исследовательского сектора Научно-образовательного центра Федерального института промышленной собственности.

22. Филиппова Наталья Александровна, заведующая научно-исследовательским отделом этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

23. Хохлов Никита Викторович, научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

ГАРК — Государственный архив Республики Крым

ГБУ РК БИКАМЗ — Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»

ЗКОЕЛП — Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы

ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей

ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии

ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии

КЭМ — Крымский этнографический музей

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РЭМ — Российский этнографический музей

СНК РСФСР — Совет Народных Комиссаров РСФСР

СЭ — Советская этнография

ТОКДП — Таврическое и Одесское караимское духовное правление

ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия

УЗ КФУ — Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Научное издание

II Крымские Этнографические Чтения

«Этнография Крыма
и сопредельных территорий»

г. Симферополь, 12–13 декабря 2024 г.

Материалы и исследования

Выпуск 2

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Е. С. Кутузова*

Подписано в печать 00.00.2025

Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 12.21 Тираж 200 экз.

Издательство-типография ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru